

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

На правах рукописи

Зайцев Дмитрий Вадимович

**РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО И.А. БУНИНА В КОНТЕКСТЕ
НАРОДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 5.9.1 — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Пономарев Евгений Рудольфович

Москва
2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1. И.А. Бунин и литературное народничество: биографический контекст.....	20
1.1. Народничество и литературный процесс 1870–1880-х гг.	20
1.2. Братья Бунины: первые литературные опыты и уроки народничества	36
1.3. Становление И.А. Бунина и литературная среда 1880–1890-х гг.	53
Глава 2. Традиции народнической литературы в раннем творчестве И.А. Бунина.....	71
2.1. Литературные ориентиры юношеской лирики И.А. Бунина	72
2.2. Жанровый генезис ранней прозы И.А. Бунина.....	91
2.3. Сюжетология и типология характеров ранних рассказов И.А. Бунина.....	106
Заключение	124
Список литературы	128

Введение

Настоящая диссертация представляет собой историко-филологический анализ раннего творчества И.А. Бунина и посвящена выявлению литературных связей произведений писателя с народнической традицией, а также осмыслению роли народничества в формировании его мировоззрения и художественного метода.

Актуальность работы усматривается в недостаточной изученности раннего творчества Бунина, долгое время находившегося на периферии исследовательских предпочтений и не получившего должного освещения ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении. Сложившаяся ситуация обусловлена, во-первых, тем, что в последние десятилетия внимание литературоведов сосредоточено преимущественно на зрелых и эмигрантских произведениях писателя, традиционно воспринимаемых как вершина его художественной эволюции¹, а немногие исследования раннего творчества автора сегодня требуют, с одной стороны, обновления методологических подходов, а с другой — расширения источниковой базы². Отдельных работ, посвященных вопросам взаимоотношения Бунина с народничеством, вовсе нет. Существуют единичные статьи и главы в монографиях и диссертациях, затрагивающие вопросы влияния народнической традиции на Бунина³, но целостных, обобщающих работ до сих пор не написано.

¹ Например, см.: *Аверин Б.В.* Дар Мнемзины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. С. 176–230. (Глава 3. Метафизика памяти («Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина)); *Шраер М.Д.* Бунин и Набоков: История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2014; *Пономарев Е.Р.* Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. (Академический Бунин; вып. 2).

² Например, см.: *Вантенков И.П.* Бунин-повествователь (Рассказы 1890–1916 гг.). Минск: Изд-во БГУ, 1974; *Кучеровский Н.М.* И.А. Бунин и его проза (1887–1917). Тула: Приокск. кн. изд-во, 1980.

³ См.: *Тимохина Н.В.* Традиции народнической литературы 70–80-х гг. в раннем творчестве И.А. Бунина // *Очерки по истории русской литературы* / под ред. А.И. Ревякина. М.: МГПИ, 1967. Ч. 3. С. 95–105. (Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина; т. 256); *Шахов В.В.* И.А. Бунин и традиции демократической беллетристики 60–70-х гг. XIX в. // *Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г.* / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орел: Орловский пед. ин-т, 1974. С. 224–239; *Скрипникова Т.И.* Духовно-религиозная проблематика и ее художественное воплощение в «крестьянской прозе» И.А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж: ВГУ, 2008; *Сарычев К.В.* «Долгое народничество» И. Бунина. Проблематика и художественное своеобразие ранней прозы писателя о деревне // *Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований.* Елец: ЕГУ, 2015. С. 340–350.

Во-вторых, известно, что в поздние годы «*процесс* воспоминания составлял важнейшую компоненту работы Бунина»⁴. Претворяя биографические факты в эстетические, писатель стремился переосмыслить — вплоть до мифологизации — коллизии собственной жизни, оценки тех или иных событий и их участников, сделанные в молодости, идеологические и литературные ориентиры раннего периода. Как справедливо отмечал Б.В. Аверин, «Жизнь Арсеньева» «ближе к сочинению мемуарного, а не романного жанра»⁵. Многие из сконструированных самим Буниным биографических мифов по-прежнему устойчивы, и литературоведы не предпринимали значимых попыток объективного анализа раннего творчества писателя. Предлагаемая диссертация фокусируется на одном из таких сюжетов — пересмотре Буниным своего отношения к народническим увлечениям молодости — и призвана впервые реконструировать сложный процесс взаимодействия начинающего автора с литературным контекстом эпохи 1880–1890-х гг.

Степень разработанности темы. Одной из первых в отечественной науке к творчеству писателя обратилась Л.В. Крутикова (Абрамова)⁶. В 1950-е гг. о Бунине стало можно писать научные работы, но крайне осторожно: или в связи с другими «разрешенными» именами⁷, или в сугубо источниковедческом ключе⁸. Несмотря на неминуемую идеологизированность

⁴ Аверин Б.В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: Поэтика воспоминания // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / сост. Б.В. Аверин и др. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2001. С. 652–653. (Русский путь). Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, курсив принадлежит авторам цитируемых текстов.

⁵ Там же. С. 653.

⁶ См.: Крутикова Л.В. Из творческой истории «Деревни» И.А. Бунина // Русская литература. 1959. № 4. С. 130–145; Крутикова Л.В. «Деревня» И.А. Бунина // Русская литература / отв. ред. П.Н. Берков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. С. 169–188. (Ученые записки Ленинградского ун-та им. А.А. Жданова; № 295); Крутикова Л.В. «На край света» — первый сборник рассказов И.А. Бунина // Вестник Ленинградского ун-та. Серия истории, языка и литературы. 1961. № 20. С. 77–88; Крутикова Л.В. «Суходол», повесть-поэма И.А. Бунина // Русская литература. 1966. № 2. С. 44–59; Крутикова Л.В. Крестьянские рассказы И.А. Бунина 1911–1913 гг. // Русская литература / отв. ред. И.Г. Ямпольский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 171–198. (Ученые записки Ленинградского ун-та им. А.А. Жданова; № 339).

⁷ Например, см.: Касторский С.В. Горький и Бунин // Звезда. 1956. № 3. С. 144–153; Гольдин С.Л. К вопросу о литературных связях И.А. Бунина с А.П. Чеховым и А.М. Горьким // Ученые записки Орехово-Зуевского пед. ин-та. 1958. Т. IX. С. 53–78.

⁸ Например, см.: Гольдин С.Л. О литературной деятельности И.А. Бунина конца восьмидесятых — начала девяностых годов (Забытые и неизвестные страницы) // Ученые записки Орехово-Зуевского пед. ин-та. 1958. Т. IX. С. 3–51.

подхода, исследовательнице удалось привлечь внимание филологов к произведениям автора и обозначить его место в литературном процессе конца XIX – начала XX вв.: ею была поставлена проблема «Бунин и символизм», подробно проанализированы повести «Деревня» (1910) и «Суходол» (1912) и начат анализ романа «Жизнь Арсеньева» (1927–1952) в контексте дореволюционного творчества автора. По биографическим обстоятельствам Крутикова была вынуждена всецело посвятить себя другим научным задачам, и ее интерес к писателю не оформился в большой обобщающий труд⁹. Однако наблюдения исследовательницы были продолжены в работах учеников и последователей: И.Д. Бажинов проанализировал основные дореволюционные тексты Бунина¹⁰; И.С. Газер рассмотрела путь писателя до эмиграции как движение к повести «Деревня»¹¹; П.В. Забелин изучил стиль ранней прозы Бунина о деревне¹².

Первой диссертацией, посвященной раннему творчеству писателя, была кандидатская диссертация Т.М. Бонами¹³. Подчеркнув «недооценку раннего творчества Бунина»¹⁴ в современной филологии, исследовательница описала литературную генеалогию и художественные ориентиры начинающего автора (Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.П. Чехов и др.) и подробно изучила литературные связи произведений конца 1880-х – начала 1900-х гг. Рассказ «Нефедка» (1887) в восприятии Бонами оказался связан со «Сном Макара» В.Г. Короленко (1885), «Велга» (1895) — с произведениями Горького «Девушка и смерть» (1892) и «Валашская сказка» (1895) и т.д. Интересны и значимы ее попытки подступиться к сложнейшей бунинской текстологии:

⁹ Итогом размышлений может считаться статья: Крутикова Л.В. Иван Бунин // История русской литературы: в 4 т. / гл. ред. Н.И. Пруцков. Л.: Наука, 1983. Т. 4. С. 635–666.

¹⁰ Бажинов И.Д. Дооктябрьская проза И.А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Киев: АН УССР. Отд-ние литературы, языка и искусствоведения, 1963.

¹¹ Газер И.С. Дооктябрьская проза И.А. Бунина (1887–1910): дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Львов: Львовский гос. ун-т, 1963.

¹² Забелин П.В. Художественный стиль прозы И.А. Бунина о деревне: дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Иркутск: Иркутский гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1965.

¹³ Бонами Т.М. Художественная проза И.А. Бунина (1887–1904): дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1963. Диссертации предшествовала монография, в которой кратко изложены основные идеи исследования: Бонами Т.М. Художественная проза И.А. Бунина (1887–1904). Владимир: Владимирское кн. изд-во, 1962.

¹⁴ Бонами Т.М. Художественная проза И.А. Бунина (1887–1904): дисс. ... канд. филол. наук. С. 20.

проанализированы редакции рассказов «Учитель» (1912) и «Заря всю ночь» (1926). Исследовательница сделала немало значимых историко-литературных наблюдений, которые принимаем во внимание и мы. В целом диссертация Бонами должна быть отмечена уже потому, что она первой обозначила пути анализа и перспективы исследований раннего творчества писателя, а также аккумулировала обширную библиографию на эту тему. По указанным Бонами путям изучения направились и последующие буниноведы.

В 1960-е гг. в исследованиях творчества Бунина на первый план выдвинулись вопросы источниковедения, текстологии и научной эдиции наследия писателя. Поскольку Бунин уже был заявлен как «тема», требовалось дать ей текстологическое подкрепление. Прежде всего должны быть названы А.К. Бабореко и О.Н. Михайлов, силами которых буниноведение двигалось вперед во второй половине XX в.: в это время было опубликовано комментированное собрание сочинений Бунина в 9 т.¹⁵, подготовлен т. 84 «Литературного наследства», посвященный писателю¹⁶, а также велась широкая работа по исследованию его биографии¹⁷. Безусловным достижением литературоведения этих лет стало создание в короткие сроки первичной источниковой базы для дальнейшего исследования творчества автора. Некоторые из выработанных в 1960-е гг. текстологических решений остаются основополагающими и сегодня, а многие из публикаций ранних произведений Бунина — до сих пор актуальными.

¹⁵ Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. / общ. ред. А.С. Мясникова и др.; вступ. ст. А.Т. Твардовского; прим. О.Н. Михайлова и др. М.: Худ. лит., 1965–1967. Ему предшествовало пятитомное собрание сочинений 1956 г., снабженное краткими примечаниями и рассчитанное на широкого массового читателя: Бунин И.А. Собр. соч.: в 5 т. / подгот. текстов и прим. П.Л. Вячеславова; вступ. ст. Л.В. Никулина. М.: Правда, 1956. (Б-ка «Огонек»). О недостатках этого собрания см.: Крутикова Л.В. О собрании сочинений И.А. Бунина // Русская литература. 1958. № 2. С. 215–222.

¹⁶ Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: в 2 кн. / ред. А.Н. Дубовиков, Н.А. Трифонов; вступ. ст. О.Н. Михайлова. М.: Наука, 1973. Том создавался к бунинскому юбилею 1970 г., но был опубликован позже. Выделим важные для нас работы: Михайлов О.Н. Путь Бунина-художника. Кн. 1. С. 7–56; Нинов А.А. Бунин и Горький. Кн. 2. С. 7–65; Полоцкая Э.А. Чехов в художественном развитии Бунина (1890–1910-е гг.). Кн. 2. С. 66–89; Крутикова Л.В. В мире художественных исканий Бунина (Как создавались рассказы 1911–1916 гг.). Кн. 2. С. 90–120; Динесман Т.Г. По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина. Кн. 2. С. 121–138.

¹⁷ Например, см.: Никулин Л.В. Чехов. Бунин. Куприн: Лит. портреты. М.: Сов. писатель, 1960; Афанасьев В.Н. И.А. Бунин: Очерк творчества. М.: Просвещение, 1966; Михайлов О.Н. Иван Алексеевич Бунин: Очерк творчества. М.: Наука, 1967; Бабореко А.К. И.А. Бунин: Материалы для биографии (С 1870 по 1917). М.: Худ. лит., 1967. См. также более позднюю и наиболее полную биографическую работу Бабореко: Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. (ЖЗЛ).

Интерпретационный поворот в буниноведении произошел в 1970-е гг. Он обозначился двумя большими монографическими конференциями 1969 и 1970 гг., посвященными писателю. По результатам этих конференций были опубликованы сборники материалов, разнообразие тем которых поражает до сих пор¹⁸. Именно в этот период впервые всерьез и подробно литературоведы заговорили об эмигрантском наследии писателя и о необходимости соотнести раннее и позднее творчество: «Рассматривать путь Бунина-художника следует не только с 1890-х годов до 1917 года. И в условиях эмиграции, в продолжение тридцати с лишним лет, Бунин оставался крупнейшей и совершенно особой фигурой в литературе. Его реалистический метод, его художественный стиль, его проблематика продолжали меняться и в новой обстановке, что также требует своего осмысления и объективной оценки. Лучшие бунинские произведения эмигрантской поры <...> также принадлежат русской литературе и неотделимы от нее»¹⁹. Так, в 1970-е гг. ученые обратились к решению собственно литературных задач: анализ литературных связей и контекстов²⁰, нарратологические проблемы²¹, обобщение творческого пути²².

Самостоятельное и непреходящее значение имеют работы О.В. Сливичкой, выступавшей в научной периодике с конца 1960-х гг.²³ В

¹⁸ См.: И.А. Бунин: Материалы Межвуз. науч. конф., посвящ. творчеству И.А. Бунина в окт. 1969 г. в Елецком пед. ин-те / отв. ред. Б.С. Бесчеревных. Воронеж: [Б. и.], 1971. (Известия Воронежского гос. пед. ин-та; т. 114). См. репрезентативные статьи: *Газер И.С.* Бунин-прозаик на рубеже столетий. С. 27–38; *Бонами Т.М.* Приемы создания образа-персонажа. С. 39–48; *Спивак Р.С.* Некоторые особенности структуры поздней новеллы И.А. Бунина. С. 97–105.

Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орел: Орловский пед. ин-т, 1974. См. репрезентативные статьи: *Крутикова Л.В.* «Жизнь Арсеньева» — итоговая книга И.А. Бунина. С. 17–34; *Аверин Б.В.* Из творческой истории романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». С. 67–89; *Иезуитова Л.А.* Две «Деревни» (И. Бунин и Д. Григорович). С. 169–192; *Спивак Р.С.* Натурфилософские традиции Тютчева в прозе Бунина. С. 193–208; *Гейдеко В.А.* Толстовство в творчестве Бунина. С. 240–250.

¹⁹ *Михайлов О.Н.* Строгий талант: И.А. Бунин. Жизнь. Судьба. Творчество. М.: Современник, 1976. С. 11. (Б-ка «Любителям российской словесности»).

²⁰ См.: *Нинов А.А.* М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, 1973; *Нефедов В.В.* Поэзия Ивана Бунина: Этюды. Минск: Вышэйш. шк., 1975; *Гейдеко В.А.* А. Чехов и Ив. Бунин. М.: Сов. писатель, 1976.

²¹ Например, см.: *Вантенков И.П.* Бунин-повествователь.

²² См.: *Волков А.А.* Проза Ивана Бунина. М.: Моск. рабочий, 1969; *Михайлов О.Н.* Строгий талант.

²³ См.: *Сливичкая О.В.* Проблема социального и «космического» зла в творчестве И.А. Бунина («Братья» и «Господин из Сан-Франциско») // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1968. С. 123–135; *Сливичкая О.В.* Проза И.А. Бунина 1914–1917 гг.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Харьков: Харьковский гос. ун-т, 1969; *Сливичкая О.В.* О концепции человека в творчестве И.А. Бунина (Рассказ «Казимир Станиславович») // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1970. Сб. 2. С. 155–162; *Сливичкая О.В.*

работах исследовательницы выделяются два магистральных направления: формальное и содержательное в творчестве Бунина (внешняя изобразительность, описательность и сюжетность прозы) и соотношение человека и мира в художественном сознании писателя (эрос, психологизм, авторская антропософия). В научном творчестве Сливацкой подкупает не только широта поставленных проблем и оригинальность их решения, но и тонкое, афористичное, вплоть до формульности филологическое слово. Приведем пример: «Человек Бунина не “текуч”, его душевная конституция определена и постоянна, даже у такой становящейся личности, как Арсеньев. Он и в прошлом не был и не мог быть “другим”, он находится в “состоянии, которое не может перемениться”. Поэтому его прошлое пребывает в его настоящем, не тускнея, а становясь, напротив, ярче (исключается, впрочем, “доверчивый взгляд в будущее”). Память содержит в себе то, что *было*. А в этом слове акцент может стоять на прошедшем времени, а может на глагольной основе — *быть*. Иными словами: либо “этого уже нет”, либо “это все-таки было”. В зависимости от этого пассаизм имеет совсем разный смысл. У Бунина оба акцента не разведены как альтернатива, а накладываются друг на друга. Поэтому память несет в себе и восторг от того, что это было, и боль от того, что этого уже нет»²⁴. Работы Сливацкой, безусловно, входят в ядро буниноведения.

Иная исследовательская судьба сложилась у работ Н.М. Кучеровского²⁵, сегодня во многом забытых. Исследователь намеренно ограничивал материал

Бунин и Восток (К постановке вопроса) // И.А. Бунин: Материалы Межвуз. науч. конф. С. 87–96; Сливацкая О.В. Рассказ И.А. Бунина «Петлистые уши» (Бунин и Достоевский) // Русская литература XX в. (Доктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1971. Сб. 3. С. 156–167; Сливацкая О.В. Фабула — сюжет — подробность бунинской новеллы // Русская литература XX в. (Доктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1973. Сб. 4. С. 39–49; Сливацкая О.В. Фабула — композиция — деталь бунинской новеллы // Бунинский сборник: Материалы науч. конф. С. 90–103; Сливацкая О.В. К творческой истории романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (По материалам рукописных редакций) // Проблемы реализма / под ред. В.В. Гура. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. Вып. 1. С. 121–141; Сливацкая О.В. Бунин и Тургенев («Грамматика любви» и «Бригадир»: Опыт сравнительного анализа) // Проблемы реализма / под ред. В.В. Гура. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1980. Вып. 7. С. 78–89. Эти и многие другие наблюдения исследовательницы были обобщены и изложены в книге: Сливацкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004.

²⁴ Сливацкая О.В. «Повышенное чувство жизни». С. 125–126.

²⁵ См.: Кучеровский Н.М. Автограф неизвестного стихотворения И.А. Бунина // Из истории литературы / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1963. С. 249–250; Кучеровский Н.М. Братья Бунины

своих исследований 1890–1910-ми гг., поскольку, по его мнению, «эмигрантский период творчества автора “Деревни” и “Господина из Сан-Франциско” не внес <...> ничего существенного и принципиально нового в эстетическую концепцию жизни в его прозе»²⁶. Кучеровский был первым, кто наиболее целостно разработал раннее творчество Бунина в связи с его биографией: подробно описал влияние среды и круг чтения начинающего писателя; на основе анализа показательных текстов рассмотрел бунинское восприятие толстовства; проследил и выстроил метасюжет эстетической эволюции писателя: от мрачности и безнадежности ранней крестьянской прозы к торжеству простых людей, вселяющих веру и надежду. Работы Кучеровского, как и все обозначенные нами до этого исследования, — это работы своего времени. В советскую эпоху буниноведение существовало, с одной стороны, в идеологических тисках, а с другой — в условиях ограниченности источников. Тем не менее книга Кучеровского, целиком

(Начало литературной деятельности И.А. Бунина); «Мундир толстовства» (Молодой И.А. Бунин и толстовство) // Из истории русской литературы XIX в. / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1966. С. 85–109; С. 110–132; *Кучеровский Н.М.* О концепции жизни в лирической прозе И.А. Бунина (Вторая половина 90-х – начало 900-х гг.); И.А. Бунин в «Знании». «Чернозем» // Русская литература XX в. (Дюоктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1968. С. 80–106; 107–122; *Кучеровский Н.М.* «Деревня» И.А. Бунина в критике 1910-х гг. и эстетическая концепция жизни в его прозе // Страницы истории русской литературы / отв. ред. Н.В. Карпов. Калуга: [Б. и.], 1969. С. 50–67; *Кучеровский Н.М.* Эстетическая сущность философских исканий И.А. Бунина (1906–1911 гг.) // Филологические науки. 1969. № 6. С. 25–35; *Кучеровский Н.М.* История Дурновки и ее «мертвые души» (Повесть И.А. Бунина «Деревня») // Русская литература XX в. (Дюоктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1970. Сб. 2. С. 107–154; *Кучеровский Н.М.* О творческой истории повести И.А. Бунина «Деревня» // Историко-литературный сборник / отв. ред. Н.С. Манаев. Калуга: [Б. и.], 1970. С. 119–131; *Кучеровский Н.М.* Повесть И.А. Бунина «Веселый двор» // Русская литература. 1970. № 4. С. 128–139; *Кучеровский Н.М.* Эстетическая концепция жизни в каприйских рассказах И.А. Бунина // Русская литература XX в. (Дюоктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1971. Сб. 3. С. 109–155; *Кучеровский Н.М.* Эстетическая концепция жизни в прозе И.А. Бунина (1887–1917): дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1972; *Кучеровский Н.М.* Повесть о «погибшей жизни» («Суходол» И.А. Бунина) // Проблемы истории русской литературы / отв. ред. Н.В. Карпов. Тула: Тульский пед. ин-т, 1973. С. 58–75; *Кучеровский Н.М.* Споры о русском национальном характере и «Деревня» Бунина (М. Горький и Ив. Бунин) // Русская литература XX в. (Дюоктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1973. Сб. 4. С. 27–38; *Кучеровский Н.М.* И.А. Бунин. Рассказы о человеческой «Чаше жизни» // Русская литература XX в. (Дюоктябрьский период) / отв. ред. А.С. Карпов. Тула: [Б. и.], 1974. Сб. 5. С. 47–89; *Кучеровский Н.М.* Рассказ И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» // Русская литература XX в. (Дюоктябрьский период) / отв. ред. А.С. Карпов. Тула: [Б. и.], 1974. Сб. 6. С. 161–177; *Кучеровский Н.М.* Еще об особенностях реализма И.А. Бунина (Повесть «При дороге») // Русская литература. 1975. № 3. С. 178–186; *Кучеровский Н.М.* Рассказы И.А. Бунина «Сны Чанга» и «Братья» // Русская литература XX в. (Дюоктябрьский период) / отв. ред. А.С. Карпов. Тула: [Б. и.], 1975. Сб. 7. С. 149–170; *Кучеровский Н.М.* И.А. Бунин: Три рассказа о любви // Русская литература XX в. (Дюоктябрьский период) / отв. ред. А.С. Карпов. Тула: [Б. и.], 1976. Сб. 8. С. 68–88. Основные идеи исследователя представлены в книге: *Кучеровский Н.М.* И.А. Бунин и его проза.

²⁶ *Кучеровский Н.М.* И.А. Бунин и его проза. С. 6.

посвященная раннему творчеству писателя, на наш взгляд, до сих пор сохраняет научную ценность. Она стала своеобразным итогом исканий советских буниноведов и представляет важный ориентир для настоящего исследования.

Перестройка и распад СССР полностью изменили конфигурацию академического поля: были сняты идеологические ограничения, стали доступны архивные материалы²⁷; литературоведение постепенно интернационализировалось. В 1980–1990-е гг. были подготовлены новые собрания сочинений Бунина²⁸; организовывались конференции, посвященные писателю²⁹; продолжилась на более широком материале разработка направлений изучения бунинского творчества, заложенных советским литературоведением³⁰. Особняком среди этих исследований стоит книга

²⁷ Результатом накопленных в перестройку усилий была публикация описи Русского архива в Лидсе: *Heywood A.J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections* / ed. by R.D. Davies, with the Assistance of D. Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000.

²⁸ *Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. / редкол.: Ю.В. Бондарев, О.Н. Михайлов, В.П. Рынкевич. М.: Худ. лит., 1987–1988; Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., коммент. и подгот. текстов А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1993–2000.*

²⁹ См. материалы конференций: И.А. Бунин и русская литература XX в.: По материалам Международ. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. М.: Наследие, 1995. (Б-ка Ин-та мировой лит. им. А.М. Горького РАН). Выделим репрезентативные статьи: *Михайлов О.Н.* Мировое значение Бунина. С. 3–6; *Марченко Т.В.* Традиции русской классической литературы в прозе И.А. Бунина. С. 7–15; *Шраер М.Д.* Бунин и Набоков: Поэтика соперничества. С. 41–65; *Морозов С.Н.* И.А. Бунин — литературный критик. С. 72–78; *Мальцев Ю.В.* Актуальность бунинских пророчеств о русской душе. С. 79–84; *Бонами Т.М.* К поэтике рассказов И.А. Бунина (Функциональное значение звуковых и музыкальных образов). С. 85–94.

Царственная свобода: О творчестве И.А. Бунина: К 125-летию со дня рождения писателя / отв. ред. Е.Г. Муценко. Воронеж: Квадрат, 1995. См. показательные статьи: *Сливицкая О.В.* Космос и душа человека (О психологизме позднего Бунина). С. 5–34; *Муценко Е.Г.* В поисках первореальности (Ранняя проза И.А. Бунина). С. 45–59; *Никонова Т.А.* «Душа русского человека в глубоком смысле» (Повесть «Суходол»). С. 60–69; *Котельников В.А.* Иван Бунин и Константин Леонтьев. С. 70–76; *Золотухин А.А.* Соотношение пространств в ранней прозе Бунина. С. 106–113.

³⁰ См.: *Крутикова Л.В.* «Деревня» И. Бунина (Человек, народ, Россия) // Иван Бунин и литературный процесс начала XX в. (До 1917 г.) / отв. ред. М.Л. Семанова. Л.: ЛГПИ, 1985. С. 3–24; *Колобаева Л.А.* Проблема личности в творчестве Бунина: Общая постановка вопроса // Колобаева Л.А. Концепция личности в русской реалистической литературе рубежа XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 34–62; *Линков В.Я.* Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М.: Изд-во МГУ, 1989; *Пращерук Н.В.* Художественная концепция национального в прозе И.А. Бунина 1909–1913 гг.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Свердловск: УрГУ, 1989; *Стивак Р.С.* Русская философская лирика 1910-х гг. (И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский): дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург: УрГУ, 1992; *Сливицкая О.В.* О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. № 1. С. 72–80; *Пономарев Е.Р.* Отзывы современников о книге И.А. Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1995. № 4. С. 168–171; *Сливицкая О.В.* К проблеме «Бунин и Толстой»: «Таня» и «Воскресение» // Филологические записки. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1995. Вып. 4. С. 16–22; *Двинятина Т.М.* Специфика прозаического в поэзии И.А. Бунина // Русская литература. 1996. № 3. С. 197–205; *Иезуитова Л.А.* В поисках выражения «самого главного, самого подлинного, что есть в нас» — «счастья жизни»: Бунин в работе над рассказами: По материалам русского архива в Лидсе (Великобритания) // Русская литература. 1996. № 3. С. 214–226; *Сливицкая О.В.* Бунин и русский космизм // *Studia rossica posnaniensia*. 1996. Z. 27. S. 43–55; *Сливицкая О.В.*

Ю.В. Мальцева³¹. Она выделяется уже хотя бы содержанием: прапамять, состав души, смутность, живая жизнь, элизий памяти и т.д. Мальцев пишет на границе академического стиля и эссеистики, что придает его взгляду дополнительную глубину и создает ощущение сопричастности объекту изучения. Оптика исследователя — неразличение мировоззренческих и фикциональных категорий, биографического и творческого, внешнего и внутреннего. Изучая лингвистические «сдвиги» в прозе Бунина и рассматривая ее на широком европейском фоне (футуризм, символизм, феноменология), ученый, кажется, однозначно решает проблему «Бунин и модернизм». Для нас будут значимы все выводы автора о модернистских основаниях творчества Бунина: сравнивая бунинские тексты с неклассической литературой рубежа XIX–XX вв., исследователь тем самым подспудно, автоматически сопоставлял их с так называемой реалистической. Многие из положений книги небесспорны, и современные ученые это подтверждают, но широта и новизна взгляда, заявленные Мальцевым, безусловны.

Особое значение для нашего исследования имеет концепция неореализма (нового реализма), разработанная В.А. Келдышем в книгах

К проблеме «Бунин и Восток»: Рассказ Бунина «Сны Чанга» глазами японских студентов // Русская литература. 1996. № 3. С. 212–214; *Сливицкая О.В.* Психология как онтология: О рассказе «В ночном море» // Концепция и смысл: Сб. ст. в честь 60-летия В.М. Марковича / под ред. А.Б. Муратова, П.Е. Бухаркина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 283–293; *Сливицкая О.В.* Человек Бунина как космос и личность // Время. Личность. Культура / отв. ред. Г.М. Шарпило. СПб.: [Б. и.], 1997. С. 294–307. (Сб. науч. тр. Санкт-Петербургской гос. академии культуры; т. 148); *Марченко Т.В.* Неизвестные страницы бунинской Нобелианы (По материалам архива Шведской академии) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 6. С. 23–35; *Иезуитова Л.А.* Творчество Бунина — единая книга о «себе» (Об одной функции бунинского метатекста) // Автоинтерпретация / под ред. А.Б. Муратова, Л.А. Иезуитовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 97–133; *Сливицкая О.В.* «Что такое искусство?» (Бунинский ответ на толстовский вопрос) // Русская литература. 1998. № 1. С. 44–53; *Колобаева Л.А.* Иван Бунин и модернизм // Научные доклады Филологического факультета МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1998. Вып. 3. С. 173–188; *Колобаева Л.А.* От временного к вечному: Феноменологический роман в русской литературе XX в. // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 132–144; *Аверин Б.В.* Романы В.В. Набокова в контексте русской автобиографической прозы и поэзии: дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01. СПб.: СПбГУ, 1999; *Двинятина Т.М.* Поэзия И.А. Бунина и акмеизм: Сопоставительный анализ поэтических систем: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб.: ИРЛИ РАН, 1999; *Колобаева Л.А.* Тайна пушкинской «легкости» в прозе И.А. Бунина // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 1999. № 3. С. 77–89; *Сливицкая О.В.* Сюжетное и описательное в новеллистике И.А. Бунина // Русская литература. 1999. № 1. С. 89–110; *Пономарев Е.Р.* И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб.: СПбГУ, 2000; *Морозов С.Н.* И.А. Бунин — литературный критик: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: ИМЛИ РАН, 2002. Подробнее об этом периоде буниноведения см.: *Спивак Р.С.* И.А. Бунин в интерпретациях русского литературоведения 1990-х гг. // Литературоведение на пороге XXI в.: Материалы Междунар. науч. конф. (МГУ, май 1997 г.) / отв. ред. П.А. Николаев. М.: Рандеву-АМ, 1998. С. 462–467.

³¹ *Мальцев Ю.В.* Иван Бунин, 1870–1953. Frankfurt am Main; М.: Посев, 1994. См. также недавнее переиздание: *Мальцев Ю.В.* Неизвестный Бунин / сост. М.Г. Талалай. М.: Алетей, 2024.

разных лет³². Согласно ученому, неореализм представляет собой отдельное течение внутри обновляющегося реализма начала XX в., сохраняющее предметную конкретность и социально-историческую основу реалистического письма, но расширяющее их за счет философской и бытийной проблематики. В отличие от традиционного социального реализма, ориентированного преимущественно на изображение «истории через быт», неореализм стремился к изображению «бытия через быт»: в произведениях писателей этого направления усиливалось философское обобщение, лиризировалось повествование, а художественная деталь приобретала символическую насыщенность. В этом смысле неореализм может быть понят как реализм, прошедший через философско-эстетические искания рубежа веков, но не растворившийся в модернизме. К числу неореалистов исследователь относил Б.К. Зайцева, С.Н. Сергеева-Ценского, А.Н. Толстого, И.С. Шмелева, одним из наиболее показательных примеров неореалистической поэтики для Келдыша было дореволюционное творчество Бунина.

В европейском и американском литературоведении второй половины XX в. интерес к художественному наследию Бунина возрастал по мере его издания и изучения на родине³³. Свободные от идеологических ограничений западные слависты предложили несколько оригинальных ракурсов изучения раннего творчества писателя. В частности, в противовес советской традиции, настаивавшей на конкретно-историческом представлении литературного

³² См.: Келдыш В.А. Русский реализм начала XX в. М.: Наука, 1975. С. 210–277. (Глава 4. Реализм и модернизм); Келдыш В.А. Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х гг.): в 2 кн. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. Кн. 1. С. 259–335; Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 171–331. (Глава «Неореализм (1900–1910-е гг.)»).

³³ Например, см.: Poggioli R. The Art of Ivan Bunin // Harvard Slavic Studies. 1953. Vol. I. P. 249–277; Kirchner B. Die Lebensanschauung Ivan Aleksejevic Bunins nach seinem Prosawerk. Ludwigsburg: Druckerei Zinthäfner, 1968; Winner Th. Some Remarks about the Style of Bunin's Early Prose // American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists, Prague, 1968, August 7–13. Vol. II. The Hague; Paris: Mouton, 1968. P. 369–385; Kryzyski S. The Works of Ivan Bunin. The Hague; Paris: Mouton, 1971; Richards D.I. Bunin's Conception of the Meaning of Life // The Slavonic and East European Review. 1972. Vol. 50. № 119. P. 153–172; Elbel A. Die Erzählungen Ivan Bunins 1890–1917: Eine systematische Studie über Form und Gehalt. Gießen: W. Schmitz, 1975; Woodward J. Ivan Bunin: A Study of His Fiction. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980; Conolly J. Ivan Bunin. Boston: Twayne Publ., 1982. Анализ основных тенденций западного буниноведения второй половины XX в. см.: Лоцинская Н.В. «Уникальность», «традиция», «модернизм»: Творчество И.А. Бунина в восприятии английских и американских славистов на рубеже 1960–1970-х гг. // И.А. Бунин: Pro et contra. С. 731–749.

произведения, зарубежные исследователи впервые обратились к анализу бунинской прозы рубежа XIX–XX вв. в контексте широких художественных течений этого времени — французского и итальянского натурализма (прежде всего, творчества Э. Золя) и европейского модернизма (творчества М. Пруста, Дж. Джойса и др.). В части работ внимание также сосредоточено на философско-эстетических аспектах дореволюционной прозы Бунина: раскрываются вечные темы и мотивы, осмысливается жанровое своеобразие прозы и выстраивается стилевая эволюция писателя. Все эти наблюдения, несомненно, обогатили общие представления о художественной позиции Бунина.

На современном этапе перед филологами наиболее остро встала проблема собрания сочинений писателя: до сих пор произведения Бунина не были представлены в формате полного академического собрания сочинений и писем, а многие текстологические проблемы, поставленные в советское время, остаются нерешенными. Значимые продвижения в этом направлении сделаны усилиями сотрудников Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук: в конце 1990-х – начале 2000-х гг. ими была прокомментирована и опубликована бунинская публицистика³⁴, а также начаты издания писем и летописи жизни и творчества писателя³⁵; в 2010-е гг. на основе архивных документов было составлено полное жизнеописание Бунина³⁶ и выпущен т. 110 «Литературного наследства», включивший корпус дневников автора и ряд неизвестных произведений и писем³⁷; в конце 2010-х – 2020-е гг. в ИМЛИ РАН была основана серия «Академический Бунин», выпуски которой призваны стать спутниками будущего ПССиП писателя³⁸, а

³⁴ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. / общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1998.

³⁵ См.: Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. / подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова и др.; общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2003; Бунин И.А. Письма 1905–1919 гг. / подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова и др.; общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2007; Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011; 2017. Т. 1; 2.

³⁶ Двинагина Т.М. Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. СПб.: Вита Нова, 2020.

³⁷ Литературное наследство. Т. 110. И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: в 4 кн. / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019; 2022. Кн. 1; 2.

³⁸ Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (Биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. (Академический Бунин; вып. 1);

также подготовлен том бунинской литературной критики и публицистики 1911–1953 гг.³⁹

В 2024 г. в серии «Академический Бунин» был выпущен сборник, посвященный поэтике, текстологии и комментированию раннего творчества Бунина. Это издание — едва ли не единственное исследование последних лет, полностью обращенное к ранним произведениям писателя. Выделим основополагающие статьи Т.М. Двинятиной и Е.Р. Пономарева, обобщающие основные тенденции в поэзии и прозе Бунина конца XIX – начала XX вв. Для нас также важна публикационная часть книги: в приложении представлен ряд недавно атрибутированных С.Н. Морозовым и А.В. Бакунцевым корреспонденций Бунина, которые печатались без подписи в газете «Киевлянин» в 1892–1894 гг. В статьях сборника не только обозначено современное состояние изучения бунинского творчества раннего периода, но и намечены перспективы его дальнейшего изучения. Сделанные авторами выводы заслуживают самого пристального внимания и были учтены нами при подготовке настоящей диссертации. Без всех перечисленных выше изданий ИМЛИ РАН полноценное изучение раннего творчества Бунина сегодня было бы невозможно.

Проблема «Бунин и народничество» не получила в буниноведении статуса самостоятельного исследовательского направления. История ее изучения существует не в виде непрерывной научной традиции, а как совокупность отдельных наблюдений, рассеянных в работах о биографии писателя, его ранней лирике и прозе, русской демократической прозе второй половины XIX в. и литературном процессе рубежа XIX–XX вв. Обращение к истории буниноведения в настоящем разделе представляется нам

Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм; И.А. Бунин и его время: Контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. (Академический Бунин; вып. 3); Раннее творчество И.А. Бунина (1883–1902 гг.): Поэтика, текстология, комментарий / отв. ред. С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2024. (Академический Бунин; вып. 4); *Пономарев Е.Р.* И.А. Бунин и Л.Н. Толстой (1880-е – 1900-е гг.). М.: ИМЛИ РАН, 2026. (Академический Бунин; вып. 5).

³⁹ *Бунин И.А.* Критика и публицистика 1911–1953 гг. / отв. ред. А.В. Бакунцев; сост. А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов, О.А. Коростелев; предисл., подгот. текстов и коммент. А.В. Бакунцева, С.Н. Морозова. М.: ИМЛИ РАН, 2025.

необходимым, поскольку вопрос о народническом контексте раннего творчества Бунина может быть реконструирован только через анализ тех исследований, в которых затрагивались его круг чтения, литературное окружение, ранние публикации в народнических журналах, жанровая природа первых рассказов и т.д.

В советском буниноведении связь молодого Бунина с народнической и демократической литературой обычно рассматривалась в рамках проблемы народности и демократизма русской прозы второй половины XIX в. При этом народнический контекст нередко понимался слишком прямолинейно — как принадлежность писателя к демократическому реализму или как этап на пути к зрелому изображению русской деревни. В позднейших исследованиях эта проблематика получила более дифференцированное освещение. Работы о поэзии, литературной критике и текстологии ранней прозы Бунина позволили точнее описать отдельные механизмы его взаимодействия с народнической традицией. Однако эти наблюдения, как правило, оставались частными и не складывались в целостную постановку вопроса о народническом контексте раннего творчества Бунина.

Объектом исследования в настоящей работе выступает корпус ранних произведений Бунина (конец 1880-х – начало 1900-х гг.), а **предметом** — литературные связи писателя с народничеством. Поскольку писатель не переиздавал многие ранние тексты, или они претерпевали значительные изменения по сравнению с журнальными публикациями, мы в качестве **материала** диссертации будем использовать первые издания произведений. Прежде всего это вызвано необходимостью изучить тексты, соответствующие эпохе, в которую они были созданы.

Цель работы состоит в том, чтобы всесторонне исследовать влияние литературного народничества на писательское становление молодого Бунина и поэтику его ранних произведений. Исходя из цели, ставятся следующие **задачи**:

1) кратко представить идейное своеобразие, историю развития и современное состояние изучения народнической литературы;

2) зафиксировать и охарактеризовать влияние на Бунина его старшего брата, литератора и народника Ю.А. Бунина;

3) рассмотреть начало литературной деятельности Бунина и очертить круг имен и идей народнической литературы, которые оказали на него влияние;

4) выявить и проанализировать литературные связи юношеской лирики Бунина с народнической поэзией;

5) проанализировать жанровые особенности ранней прозы Бунина в контексте народнической литературы;

6) проанализировать и сопоставить сюжетологию и типологию характеров ранних рассказов Бунина и народнической прозы.

Научная новизна. Традиционно отмечаемый в научной литературе о Буине «народнический» период его творчества никогда прежде не становился предметом полноценного изучения. Так, в настоящей работе впервые ставится и системно разрабатывается вопрос о влиянии народнической литературы на раннее творчество Бунина: реконструируется биографический контекст, рассматриваются литературные связи, анализируются журнальные публикации ранних произведений писателя.

Теоретическая значимость усматривается в том, что методы анализа, использованные в работе, могут быть применены для исследования особенностей поэтики других авторов, связанных с народнической литературой.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при подготовке академического собрания сочинений писателя, а также в общих и специальных курсах лекций и семинаров по истории русской литературы и журналистики второй половины XIX – начала XX вв.

Методология исследования носит комплексный характер. Мы обращались к методам формального (с элементами структурного) анализа,

представленным в классических работах Л.П. Гроссмана, Ю.М. Лотмана, А.П. Скафтымова, Ю.Н. Тынянова, А.П. Чудакова, Б.М. Эйхенбаума и др. Кроме того, конкретизируя методологию, отметим, что она учитывает накопленный буниноведением текстологический и историко-литературный опыт анализа произведений писателя, а также опыт работы над научными собраниями сочинений в ИМЛИ РАН. Ориентирами для нас служили работы Т.М. Двинятиной, Н.М. Кучеровского, Ю.В. Мальцева, О.В. Сливицкой, Е.Р. Пономарева.

Положения, выносимые на защиту:

1. На раннем этапе творчества Бунин был тесно связан с народническими кругами, относился с уважением к народникам, разделял многие их положения и воспринимался в этой среде как близкий ей автор.

2. Народнические тенденции в юношеской лирике Бунина не сложились в устойчивую систему и были связаны главным образом с именами С.Я. Надсона, Н.А. Некрасова и кругом поэтов, соединявших гражданский пафос и традиции чистого искусства (А.Н. Плещеев, К.М. Фофанов и др.). Писатель усвоил социально окрашенные мотивы народнической поэзии вне жесткой идеологической заданности и соотносил их с лирическим переживанием, пейзажной созерцательностью и элегической исповедальностью.

3. Ранняя проза Бунина демонстрирует сложный и внутренне напряженный диалог с очерковой жанровой традицией. Наследуя тематику и стилистику современного ему народнического очерка, писатель усложнил этот жанр приемами модернистского повествования: социологическая направленность уступила место эстетизирующему взгляду повествователя, анализ — медитативности, типизация — индивидуальному переживанию. Очерковая форма превратилась из инструмента общественного анализа в средство художественного мирозерцания и философского обобщения, и уже в ранних рассказах писателя наметился жанровый синтез газетного очерка и модернистского повествования.

4. В ранних рассказах Бунина прослеживается влияние народнической идеологии, однако оно не подавляло собственного авторского мировидения. С одной стороны, в них сохранялась социальная типология характеров и ориентация на актуальные общественные вопросы, которые представлялись обязательными для литературы в 1880–1890-х гг. С другой — уже в этот период Бунин выводил народнический материал за пределы собственно общественной проблематики: частные судьбы старика-крестьянина, однодворца или провинциального интеллигента начинали восприниматься как проявления более общего исторического слома. В этом изменении подхода к изображению уже видны зачатки будущей бунинской философии русской жизни.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения исследования были представлены на следующих международных и всероссийских научных конференциях: II Мельгуновские чтения (Санкт-Петербург, Россия, ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), 30 марта 2026 г.); XV Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (Москва, Россия, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–21 марта 2026 г.); XIV Всероссийская научная конференция молодых ученых «Жизнь, смерть и бессмертие в литературе и искусстве (посвящается 80-летию Победы в Великой Отечественной войне)» (Москва, Россия, ИМЛИ РАН, 29–30 мая 2025 г.); Международная научная конференция «Emigrantica. Коростелевские чтения — 2025. Памяти Микелы Вендитти» (Москва, Россия, ИМЛИ РАН, 16–17 апреля 2025 г.); Международная научная конференция «Раннее творчество И.А. Бунина (1883–1902 гг.): Текстология и комментарий. К 90-летию вручения Нобелевской премии, к 70-летию со дня кончины писателя» (Москва, Россия, ИМЛИ РАН, 1–2 ноября 2023 г.); V Межвузовская научно-практическая конференция «Наследие И.С. Тургенева: Современность и перспективы изучения» (Орловская обл., Спасское-Лутовиново, Россия, МГУ им. М.В. Ломоносова, 24–25 апреля 2023 г.); Всероссийская научная конференция «Проблемы метода

и жанра» в честь 100-летия профессора, заслуженного деятеля науки, лауреата Государственной премии РСФСР по науке Фаины Зиновьевны Кануновой (1922–2009) (Томск, Россия, ТГУ, 12–14 октября 2022 г.).

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в пяти статьях, три из которых входят в список журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ (или ВАК при Минобрнауки РФ):

1. *Зайцев Д.В.* Рассказ И.А. Бунина «Новая дорога»: Из материалов к комментарию // Русская литература. 2026. № 3. С. 219–222.
2. *Зайцев Д.В.* И.А. Бунин и народническая литература: К постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2026. № 2. С. 227–235.
3. *Зайцев Д.В.* Очерк в раннем творчестве И.А. Бунина: Литературная генеалогия жанра // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 2. С. 212–220.

Положения диссертации также были представлены в двух статьях, опубликованных в научных сборниках, включенных в РИНЦ:

4. *Зайцев Д.В.* К. Бальмонт, И. Бунин и М. Горький: К истории создания «Песни о Буревестнике» // Раннее творчество И.А. Бунина (1883–1902 гг.): Поэтика, текстология, комментарий / отв. ред. С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 288–297.
5. *Зайцев Д.В.* «Сказка» в раннем творчестве И.А. Бунина: Литературная генеалогия жанра // Проблемы метода и жанра: Материалы Всерос. науч. конф. в честь 100-летия профессора, заслуженного деятеля науки, лауреата Гос. премии РСФСР по науке Ф.З. Кануновой (1922–2009), Томск, 12–14 октября 2022 г. / ред. В.С. Киселев. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2023. С. 269–275.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка литературы (439 ед.).

Глава 1.

И.А. Бунин и литературное народничество: биографический контекст

1.1. Народничество и литературный процесс 1870–1880-х гг.

Народничество было наиболее массовым общественным движением 1870–1880-х гг., которое активно влияло на русскую культуру последней трети XIX в. Народническая идеология сложилась, с одной стороны, под влиянием писателей 1850–1860-х гг. (А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и др.), а с другой — теоретических трактатов П.Л. Лаврова («Исторические письма», 1869), Н.К. Михайловского («Что такое прогресс?», 1869), В.В. Берви-Флеровского («Положение рабочего класса в России», 1869; «Азбука социальных наук», 1871). Теоретики народничества связывали будущее переустройство России с крестьянством и видели в деревенской общине прообраз идеально устроенного социалистического общества. Коренным препятствием на пути к этим политическим и социальным изменениям для них был самодержавный строй, основывающийся на эксплуатации крестьян и игнорирующий их бедственное положение. Западная капиталистическая модель также воспринималась народниками как разрушительная сила, угнетающая крестьян и рабочих и противоречащая традиционному укладу русской жизни.

Однако ни эволюционное, ни революционное развитие общества, с точки зрения идеологов, невозможно до тех пор, пока сохраняется разрыв между народом и образованным сословием. Преодолеть этот разрыв способна только «критически мыслящая личность» (термин Лаврова), осознавшая свой долг перед народом. Интеллигенция признавалась виновной в том, что ее жизнь устроена трудом миллионов эксплуатируемых крестьян, и искупить эту вину можно, лишь разделив их бедственное положение. Народники считали, что образованные люди обязаны селиться в деревне, трудиться наравне с

крестьянами, просвещать их и организовывать для последующего революционного переустройства общества на более справедливых основаниях. Формы этой борьбы могли приобретать самый разный характер: постепенные преобразования («лавризм»), организация восстания («бакунизм»), политический заговор («ткачевизм»). В первой половине 1870-х гг. народнические идеи получили столь широкую популярность, что весной-летом 1874 г. многие молодые люди начали последовательные и организованные «хождения в народ».

Среди них были и писатели, чье творчество дало художественное выражение этой теории. Наиболее яркими представителями народнической литературы 1870-х – начала 1880-х гг. были П.В. Засодимский («Хроника села Смурина», 1874), Н.Н. Златовратский («Крестьяне-присяжные», 1874–1875; «Золотые сердца», 1877–1878), Н.Е. Каронин-Петропавловский («Рассказы о парашкинцах», 1879–1881), Н.И. Наумов («Сила соломѹ ломит», 1874), Ф.Д. Нефедов («На миру», 1872), С.М. Степняк-Кравчинский («Андрей Кожухов», 1890) и др. Серьезное влияние народничества испытал Г.И. Успенский («Из деревенского дневника», 1877–1880; «Власть земли», 1882), отдельные черты народничества можно проследить в творчестве А.И. Эртеля («Записки Степняка», 1883), поэзии Н.А. Некрасова, публицистике М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. Тематически их объединяло острое неприятие усиливающегося капитализма и связанных с этим социальных изменений в деревне: обнищания и пролетаризации крестьян, появления среди них кулаков, ослабления роли общины, а также угасания черт коллективизма в характере мужика.

В произведениях писателей-народников не только отразились центральные для теоретиков идеологические концепты («критически мыслящая личность», «долг интеллигенции перед народом», «больная совесть», «герой и толпа» и т.д.), но и исследовалось народное сознание, раскрывались внутренние противоречия пореформенной деревни, отображался крестьянский быт. Характерно высказывание Златовратского:

«И мы с кипами книг и программ лихорадочно устремились в деревни. И как же мы усердствовали! Мы залезали к мужику в горшок, в чашку, в рюмку, в карман, мы лезли в хлев, считали скотину, считали возы навоза, мы отбирали данные у кабатчиков, у акцизных чиновников, летали на сходы и “усчитывали” мирскую выпивку, мы топтались по полям и лугам, мерили полосы шагами, снимали планы, прикидывали четвертями и вершками межники и межполосные броды <...> чего-чего только мы ни нюхали, ни измеряли, ни вешали...»⁴⁰ А Г. Успенский писал: «...мы решаемся спуститься в самую глубь мелочей народной жизни <...> надо самим нам перерыть все, что ни есть в избе, в клуне, в хлеву, в амбаре, в поле...»⁴¹

Основным печатным органом народников был журнал «Отечественные записки», учрежденный еще в 1818 г. и приобретенный Некрасовым в 1868 г. Начиная соредактором Некрасова, а после его смерти в 1878 г. принявший руководство на себя, Салтыков-Щедрин придал журналу отчетливый леворадикальный оттенок. На страницах «Отечественных записок» публиковались Златовратский, Каронин-Петропавловский, А.И. Левитов, П.Ф. Якубович и др. Критики издания высоко оценивали народническую беллетристику и пропагандировали общественное значение искусства. Особенно это проявилось в литературно-критическом творчестве Михайловского, зафиксировавшего знаменитыми словами «разночинец пришел»⁴² радикальный перелом в русской культуре. На рубеже 1870–1880-х гг. «Отечественные записки» стали одним из самых влиятельных изданий и приобрели репутацию рупора прогрессивных идей. Все это не могло не вызывать недовольства властей, и в 1884 г. из-за цензурных препятствий журнал прекратил свое существование.

Установление политической реакции и общее поражение практики «хождений в народ» привели к кризису радикального народничества в

⁴⁰ Златовратский Н.Н. Деревенские будни // Отечественные записки. 1879. № 10. С. 451–452.

⁴¹ Успенский Г.И. Власть земли // Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Ф. Павленков, 1889. Т. 2. С. 644.

⁴² Михайловский Н.К. Из литературных и журнальных заметок 1874 г. // Отечественные записки. 1874. № 3. С. 207. (3 паг.).

1880-е гг. В этот период господствующей идеологической программой стала «теория малых дел», сформулированная Я.В. Абрамовым на страницах либерально-народнической газеты «Неделя». Сторонники «абрамовщины» призывали молодую интеллигенцию идти работать в земские учреждения и служить народу, отказавшись от политической борьбы. По их мнению, общественный прогресс возможен только на легальной почве, а революционная агитация вредна и лишь отвлекает передовую часть общества. В сущности, Абрамов выдвинул идею деполитизированных «хождений в народ», направленных на постепенное облегчение положения крестьян. В произведениях писателей-народников этого периода изображался распад общинных связей и нравственный упадок крестьянского мира, а также возникали сомнения в способности «критически мыслящей личности» быть понятой народом и разочарование в тех ценностях, которые интеллигенция способна принести крестьянам.

С середины 1880-х гг. центральным народническим изданием стал журнал «Русское богатство», издававшийся на артельных основаниях с 1876 по 1918 гг.⁴³ В разные годы его редактировали С.Н. Кривенко, Л.Е. Оболенский, Михайловский, Короленко и др. В журнале публиковались основные представители народнической литературы (Засодимский, Златовратский, Г. Успенский и т.д.), а также писатели, тяготевшие к реалистической манере (в частности, А.И. Куприн, Д.Н. Мамин-Сибиряк). Литературный отдел журнала выделялся на фоне других изданий почти полным отсутствием авторов нарождавшихся модернистских течений, что компенсировалось обилием переводной европейской беллетристики (Я. Вассерман, Дж. Голсуорси, Б. Прус и др.). В отделе критики выделялись А.Г. Горнфельд, М.А. Протопопов, Е.А. Соловьев (Андреевич), однако главным выразителем народнической программы был Михайловский.

⁴³ См. материалы издания: Литературное наследство. Т. 107. Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского: в 2 кн. / отв. ред. М.Л. Спивак; сост. М.Г. Петрова, М.В. Строганов; подгот. текстов и коммент. А.В. Геворкян, М.Г. Петрова, М.В. Строганов, М.А. Фролов. М.: ИМЛИ РАН, 2022; Т. 109. Журнал «Русское богатство». 1892–1918. Указатели: Содержание, авторы, книжные издания / отв. ред. М.В. Строганов, подгот. текстов и коммент. А.В. Геворкян, О.В. Федунина. М.: ИМЛИ РАН, 2026.

В 1880–1890-е гг. сотрудники «Русского богатства» вели активную полемику с набирающими силу мыслителями марксистской ориентации. Так, Михайловский, отстаивая творчество Г. Успенского, писал: «Успенский питал *условное* почтение ко всякой гармонии и *безусловное* отвращение ко *всякой* “расколотости”. Этого-то и не поняла марксистская критика в его изображении “земледельческих идеалов”»⁴⁴. Полемика народников и марксистов о путях России к социализму зиждилась главным образом на разном понимании этих «земледельческих идеалов»: народ для Михайловского и его последователей — гармоничная и самодостаточная крестьянская культура, способная стать основой для будущего социалистического общества; для марксистов же крестьянство — мелкобуржуазное и ограниченное (Михайловский неоднократно с раздражением цитировал слова К. Маркса о том, что деревенская жизнь — это «идиотизм»). Неслучайно в поздних статьях критик с пессимизмом отмечал «глубокое презрение к мужику и к деревенскому житью»⁴⁵ в современной литературе.

«Отец русского марксизма» Г.В. Плеханов в целом высоко оценивал достижения народнической литературы, но подчеркивал, что «в стремлении решить вопрос “что делать?” и заключался весь смысл существования народнического учения. Несостоятельность по отношению к этому вопросу означает полное его банкротство, и мы можем сказать, что *художественные достоинства произведений наших народников-беллетристов принесены были в жертву ложному общественному учению*»⁴⁶. Плеханов ставил в вину писателям-народникам преобладание общественных интересов над литературными, идеализацию народной жизни, которую «скорее можно сравнить с *адам*»⁴⁷, но главное — следование ложному пути. Действительно, на арене политической борьбы 1900–1910-х гг. народники, делавшие ставку на

⁴⁴ Михайловский Н.К. Г.И. Успенский как писатель и человек // Успенский Г.И. Полн. собр. соч.: в 12 т. Киев: Б.К. Фукс, 1904. Т. 12. С. 73.

⁴⁵ Михайловский Н.К. О г. Максиме Горьком и его героях // Русское богатство. 1898. № 9. С. 61. (2 паг.).

⁴⁶ Плеханов Г.В. Наши беллетристы-народники: Н.И. Наумов, Г.И. Успенский, С. Каронин // За двадцать лет. СПб.: [Б. и.], 1905. С. 53. Подпись: Бельтов.

⁴⁷ Там же.

крестьянство и предлагавшие немарксистские пути экономического развития, были безусловными соперниками социал-демократов. Во многом именно это соперничество в дореволюционные годы определило последующее отношение к народническому учению в советской историографии.

Феномен народнической литературы интересовал уже современников. Например, А.Н. Пыпин, основоположник русской культурно-исторической школы, разрабатывавший идею преемственного литературного развития, усматривал истоки писателей-народников «в движении сороковых годов: одну сторону, либерально-освободительную — в идеях школы Гоголя и Белинского; другую, мистическо-сентиментальную — в славянофильстве до “хождения в народ” и переодевания в народные костюмы»⁴⁸. Первыми «народниками» Пыпин называл славянофилов, которые стремились «окупаться в народ, подслушивать тайны его внутренней жизни, собрать и осветить плоды его творчества»⁴⁹, а первыми «хождениями в народ» — фольклорные и этнографические экспедиции А.Ф. Гильфердинга, П.Н. Рыбникова и т.д. Современным народникам в построениях ученого непосредственно предшествовали писатели-младомосквитянинцы (А.Н. Островский, А.А. Григорьев, П.И. Мельников-Печерский и др.) и представители «мужицкой» беллетристики (Д.В. Григорович, А.Ф. Писемский, А.А. Потехин и др.).

Многие из наблюдений исследователя точны и продуктивны⁵⁰, но явное упущение работ Пыпина состоит в нарочитой заостренности против актуальных литературных тенденций: «Оно <народничество> думает о себе, как о принципе совершенно новом, думает, что оно возникло само собой, готовым, как Минерва из головы Юпитера, но в действительности нетрудно

⁴⁸ Пыпин А.Н. Народничество // Вестник Европы. 1884. № 1. С. 163.

⁴⁹ Там же. С. 164.

⁵⁰ Опираясь на Пыпина, Б.М. Эйхенбаум писал о народничестве как о «разнообразных формах использования и изучения словесности и старорусской письменности» (Эйхенбаум Б.М. Лесков и литературное народничество // Блоха: Игра в 4 д. Е.И. Замятина: Сб. ст. Л.: Academia, 1927. С. 12); по схожим основаниям русскую прозу XIX в. типологизировала Л.М. Лотман: Лотман Л.М. Роман из народной жизни. Этнографический роман // История русского романа: в 2 т. / редкол.: Б.П. Городецкий, Н.И. Пруцков, Г.М. Фридлендер и др. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 2. С. 390–415; Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х гг. XIX в. (Истоки и эстетическое своеобразие). Л.: Наука, 1974.

видеть, что оно происходит по прямой линии от народных стремлений 60-х гг.»⁵¹ Открытым письмом на пыпинскую статью откликнулся Златовратский. Он подчеркивал небеспристрастность исследователя и возражал по поводу литературной генеалогии народничества: «Если смотреть не с точки зрения формальной, а органической, — ни для кого, вероятно, не новость, что так называемое “народничество” никаким образом не ведет своего происхождения от “Москвитянина”, “Маяка”, “Времени” и “Эпохи” <...> Известно, что начало народничеству (не в теории, а органически) положил разночинец, тот разночинец, который явился ближайшим выразителем потребностей, интересов и чувств веками униженных и угнетенных масс»⁵². Такое определение крупнейшего писателя-народника представляется важным и значимым уже само по себе.

Итогом дореволюционного литературоведения стала многотомная «История русской литературы XIX в.» под редакцией Д.Н. Овсянико-Куликовского. Отчасти продолжая искания культурно-исторической школы, отчасти прокладывая новое психологическое направление, авторы «Истории» стремились вывести художественные типы русской литературы XIX в. из общественно-исторических типов, сформированных эпохой и средой. Для этого каждый «литературный» раздел предувещивал исторический очерк соответствующего периода. Народничеству в этой системе отводилось несколько глав, в которых сопоставлялось и анализировалось мировоззрение крестьянства и интеллигенции. На примере произведений Златовратского и Г. Успенского подробно и последовательно разрабатывалась концепция интеллигенции, представленная в народнических произведениях: «Чем ближе было ознакомление с деревней, чем чаще испытывал разочарование начавший уплату долга интеллигент, тем более художественная литература должна была

⁵¹ *Пыпин А.Н.* Народничество // Вестник Европы. 1884. № 2. С. 751.

⁵² *Златовратский Н.Н.* Открытое письмо А.Н. Пыпину (По поводу его статьи «Народничество», В. Е. №№ 1 и 2) // Русские ведомости. 1884. 17 февр. № 48. С. 3. В одном из последующих выпусков «Вестника Европы» был размещен ответ Пыпина: *Пыпин А.Н.* По поводу «Открытого письма» г. Златовратского // Вестник Европы. 1884. № 4. С. 866–872. Вновь дискуссия разгорелась в 1891 г. по случаю выхода двухтомного собрания сочинений Златовратского, см.: *Пыпин А.Н.* Народники и народ // Вестник Европы. 1891. № 1. С. 655–695.

констатировать существование неизмеримой пропасти между крестьянином и интеллигентом»⁵³. В этом отношении показательно название отдельного труда Овсяннико-Куликовского «История русской интеллигенции»⁵⁴.

Начало полноценному научному изучению народнической литературы было положено в раннем советском литературоведении. В работах В.В. Буша⁵⁵ и Н.Ф. Бельчикова⁵⁶ констатировалось «широкое толкование народничества» и «путаница понятия»⁵⁷ у предшественников и предпринималась первая значимая попытка определения границ этого явления. Писателей-народников, не манифестировавших своего единства, объединяло, по мнению ученых, «участие в классовой борьбе литературы своей эпохи»⁵⁸, на тематическом уровне их сближало «желание полнее, ярче оттенить тяжелое положение трудящихся»⁵⁹, а на уровне поэтики — «очеркизм: отсутствие крупных образов, смешение беллетристики с публицистикой, этнографизм, отстранение пейзажа, значительный удельный вес диалога, бессюжетность»⁶⁰. Критикуя статичность плехановской трактовки народнического движения, исследователи предложили анализ литературного развития отдельных писателей-народников: «От старого революционного народничества Наумов, в силу перерождения мелкого производителя в буржуа деревни и краха всего народнического движения, эволюционировал в 80–90-е годы в сторону либерализма»⁶¹. При известной узости и ангажированности марксистской традиции работы раннесоветских исследователей не утратили актуальности и сегодня.

⁵³ История русской литературы XIX в.: в 5 т. / под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. М.: Мир, 1911. Т. 4. С. 73.

⁵⁴ Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX в.: в 2 ч. М.: В.М. Саблин, 1907.

⁵⁵ См.: Буш В.В. Гл. Успенский (В мастерской художника слова). Этюды. [Саратов]: Изд. автора, 1925; Буш В.В. Литературная деятельность Гл. Успенского (Очерки). [Балаково]: Тип. горсовета, 1927; Буш В.В. Творчество Н.Е. Карониной-Петропавловского (Очерк) // Литературные беседы. Вып. II. Саратов: О-во лит.-я при СГУ, 1930. С. 8–32; Буш В.В. Очерки литературного народничества 70–80-х гг. М.; Л.: Худ. лит., 1931.

⁵⁶ Статьи разных лет вошли в сборник автора: Бельчиков Н.Ф. Народничество в литературной критике. М.: Сов. лит., 1934.

⁵⁷ Буш В.В. Очерки литературного народничества 70–80-х гг. С. 12.

⁵⁸ Там же. С. 20.

⁵⁹ Там же. С. 21.

⁶⁰ Там же. С. 23.

⁶¹ Бельчиков Н.Ф. Народничество в литературной критике. С. 11.

Все последующие годы в советском литературоведении интерес к народничеству возникал спорадически, в связи с пересмотром периодизаций и концепций литературного развития. Так, в 1950–1960-е гг. активно осмыслялось место народничества в художественной генеалогии советской литературы⁶² и продолжалась разработка творчества отдельных писателей-народников⁶³. В это время были подготовлены, прокомментированы и снабжены вводными историко-литературными статьями сочинения основных авторов 1870–1880-х гг.⁶⁴ С тех пор многие из них не переиздавались и известны широкому читателю именно в этих изданиях.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. обращает на себя внимание полемика о роли народничества в развитии русской литературы и общественной мысли,

⁶² См.: *Махарадзе Т.Ф.* А.П. Чехов в борьбе с народничеством: дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Тбилиси: Тбилисский гос. ун-т, 1953; *Кузнецов Ф.Ф.* Журнал «Русское слово» и народничество // Из истории русской журналистики / под ред. А.В. Западова. М.: Изд-во МГУ, 1959. С. 84–117; *Соколов Н.И.* В.И. Ленин о народничестве и проблемы истории русской литературы // Вестник Ленинградского ун-та. Серия истории, языка и литературы. 1961. № 8. С. 79–91; *Горбанев Н.А.* Г.В. Плеханов и литературное народничество: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1964; *Пруцков Н.И.* Народнический роман // История русского романа: в 2 т. / редкол.: Б.П. Городецкий, Н.И. Пруцков, Г.М. Фридляндер и др. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 2. С. 439–465; *Соколов Н.И.* Русская литература и народничество (Литературное движение 70-х гг. XIX в.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. См. также серию сборников: Русская литература 1870–1890-х гг. // отв. ред. И.А. Дергачев, Г.К. Щенников. Свердловск: [Б. и.], 1963–1989. (Ученые записки Уральского гос. ун-та). Выделим репрезентативные статьи: *Смирнов В.Б.* Глеб Успенский и «Отечественные записки» начала семидесятых годов. 1966. Вып. 1. С. 3–23; *Бикбулатова К.Ф.* К проблеме Некрасов и народничество (Вопрос об отношении к революционным традициям). 1969. Вып. 2. С. 3–19; *Смирнов В.Б.* Достоевский и Златовратский (Из литературной истории «Отечественных записок»). 1969. Вып. 2. С. 20–38.

⁶³ См.: *Кожевников С.Е.* Николай Иванович Наумов (Очерк о жизни и творчестве). Новосибирск: Новосибирское обл. гос. изд-во, 1952; *Рябов И.А.* Глеб Успенский: Критико-биографический очерк. М.: Гослитиздат, 1954; *Соколов Н.И.* Мастерство Г.И. Успенского. Л.: Сов. писатель, 1958; *Лисин Л.Ф.* Г.И. Успенский (Творческий путь). Иркутск: [Б. и.], 1961; *Соколов Н.И.* Г.И. Успенский в русской критике. Л.: Худ. лит., 1961; *Тюрин В.В.* «Нравы Растеряевой улицы» Г.И. Успенского; Успенский, Нефедов, Засодимский (Творческие связи) // Из истории русской литературы. Новгород: Новгородский гос. пед. ин-т, 1963. С. 57–72; С. 73–87. (Ученые записки Новгородского гос. пед. ин-та; т. 9); *Смирнов В.Б.* Глеб Успенский в «Отечественных записках»: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов: Изд-во СГУ, 1964; *Смирнов В.Б.* Глеб Успенский и Салтыков-Щедрин. Саратов: Изд-во СГУ, 1964; *Якушкин Н.И.* По градам и весям. Очерки жизни и творчества П.В. Засодимского. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1964; *Попов И.Г.* Жизнь и творчество Н.И. Наумова: дисс. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1966; *Спасибенко А.П.* А.И. Эртель — писатель-восьмидесятник. Алма-Ата: Наука, 1966; *Соколов Н.И.* Г.И. Успенский. Жизнь и творчество. Л.: Худ. лит., 1968; *Спасибенко А.П.* Писатели-народники. М.: Просвещение, 1968. (Б-ка словесника).

⁶⁴ Например, см.: *Златовратский Н.Н.* Избранные произведения / ред. А.Н. и С.Н. Златовратских; коммент. Л.Е. Цукерман; вступ. ст. А.М. Еголина. М.: Гослитиздат, 1947; *Наумов Н.И.* Избранные произведения / ред., вступ. ст. и коммент. С.Е. Кожевникова. Новосибирск: Новосибирское обл. гос. изд-во, 1951; *Златовратский Н.Н.* Воспоминания / подгот. текста, вступ. ст. и прим. С.А. Розановой. М.: Гослитиздат, 1956; *Успенский Г.И.* Собр. соч.: в 9 т. / подгот. текстов и прим. Н.В. Алексеевой; вступ. ст. В.П. Дружина, Н.И. Соколова. М.: Гослитиздат, 1955–1957; *Каронин С.* Соч.: в 2 т. / подгот. текстов, вступ. ст. и прим. Г.П. Бердникова. М.: Гослитиздат, 1958; *Степняк-Кравчинский С.М.* Соч.: в 2 т. / подгот. текстов и прим. Б.А. Пискуна; вступ. ст. Д. Еферева. М.: Гослитиздат, 1958; *Эртель А.И.* Записки степняка. Очерки и рассказы / подгот. текстов и коммент. Г.В. Ермаковой-Битнер; вступ. ст. Я.С. Билинкиса. М.: Гослитиздат, 1958; *Засодимский П.В.* Хроника села Смурина / подгот. текста и прим. А.И. Кучминой; послесл. С.А. Розановой. М.: Гослитиздат, 1959; *Эртель А.И.* Волхонская барышня / послесл. Г.А. Тереньева. М.; Л.: Гослитиздат, 1959.

развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы литературы»⁶⁵. Открывший дискуссию А.А. Белкин писал: «Пора перестать относиться к народнической идеологии как к какому-то грехопадению русской общественной мысли. В стране по преимуществу крестьянской, мелкобуржуазной народничество было неизбежным, необходимым и в историческом смысле прогрессивным явлением русской революционной идеологии в период после падения крепостного права, особенно в 60–70-е гг.»⁶⁶. Исследователь настаивал на том, что необходимо пересмотреть укоренившуюся в последние десятилетия тенденцию к различению в научной литературе революционного народничества 1860-х гг., оценивавшегося исключительно положительно, и народнической литературы 1870–1890-х гг., воспринимавшейся как ограниченное и реакционное течение: «Из-за такого рода односторонней оценки народничества во многих книгах о Некрасове, Герцене, Щедрина и Глебе Успенском мы даже не встречаем стремления выяснить характер народнических идей в творчестве этих писателей. Нет даже попытки определить, какие противоречия, порой трагические, должны были отразить названные писатели, а ведь эти противоречия были свойственны, особенно в 70-е и 80-е годы, народнической идеологии»⁶⁷.

Последующие реплики в дискуссии исходили из того, что «правильно решить вопрос о народничестве можно лишь в том случае, если мы полностью вернемся к ленинскому пониманию народничества»⁶⁸. Я.Е. Эльсберг, У.Р. Фохт, Б.С. Мейлах и др. спорили друг с другом о правильности трактовок ленинских и плехановских положений. В заключительной статье А.Г. Дементьева,

⁶⁵ См.: Белкин А.А. Народники и революционные демократы // Вопросы литературы. 1960. № 2. С. 116–131; Эльсберг Я.Е. Упрощенные решения (Ответ А. Белкину) // Вопросы литературы. 1960. № 2. С. 132–142; Кузнецов Ф.Ф. Ленин о народничестве // Вопросы литературы. 1960. № 4. С. 119–135; Фохт У.Р. Ленинская концепция народничества и народническая литература // Вопросы литературы. 1960. № 7. С. 130–143; Гин М.М. Об отношениях Некрасова с народничеством 70-х гг. // Вопросы литературы. 1960. № 9. С. 149–163; Мейлах Б.С. В единстве теории и истории! // Вопросы литературы. 1960. № 10. С. 87–95; Виленская Э.С., Итенберг Б.С. Действительно, не надо упрощать! // Вопросы литературы. 1960. № 10. С. 96–107; Шарапов Г.Н. Реализм писателей-народников // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 127–144; Эльсберг Я.Е. Лавров — предшественник социал-демократии и марксизма? // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 145–148; Дементьев А.Г. Народничество и народническая литература // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 149–163.

⁶⁶ Белкин А.А. Народники и революционные демократы. С. 118.

⁶⁷ Там же. С. 120.

⁶⁸ Кузнецов Ф.Ф. Ленин о народничестве. С. 120.

выражающей мнение редакции журнала, подводились итоги дискуссии и делался вывод: «На самом деле, различные стороны, черты, элементы народничества — реакционные и прогрессивные, социалистические и прогрессивные — тесно переплетаются между собой, обуславливая друг друга, образуя нечто противоречивое, но единое. Представление народников о том, что капитализм является регрессом, упадком, было ложным, но оно неразрывно соединялось у народников с острой критикой капитализма, торжествующего на Западе и усиливающегося в России, с попытками показать и осмыслить противоречия буржуазного строя, с враждой к апологетам капитализма — либералам»⁶⁹. Таким образом, эта дискуссия иллюстрирует те изменения в литературной науке, которые произошли за послевоенные десятилетия: отказ от положений марксистского литературоведения 1920–1930-х гг., размывание научного категориального аппарата, подмена теории литературы марксистско-ленинским учением в понимании середины XX в., переход к риторическим стратегиям аргументации.

В 1970-е гг. соответствующие процессы усилились и выдвинулась наметившаяся еще в середине 1960-х гг. тенденция к пересмотру литературного движения XIX в., его типологизации и уяснению роли в нем народничества. В это время публикуются обобщающие труды по истории русской литературы XIX в.⁷⁰, учреждаются серии сборников, посвященные различным аспектам творчества писателей 1870–1880-х гг.⁷¹, разрабатываются

⁶⁹ Дементьев А.Г. Народничество и народническая литература. С. 158.

⁷⁰ Например, см.: *Фохт У.Р.* Пути русского реализма. М.: Сов. писатель, 1963; Проблемы типологии русского реализма / под ред. Н.Л. Степанова, У.Р. Фохта. М.: Наука, 1969; *Фридендер Г.М.* Поэтика русского реализма. Очерки о русской литературе XIX в. Л.: Наука, 1971; Развитие реализма в русской литературе: в 3 т. / гл. ред. У.Р. Фохт. М.: Наука, 1972–1974; *Бялый Г.А.* Русский реализм конца XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973; Русская повесть XIX в. История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973; *Келдыш В.А.* Русский реализм начала XX в.; *Бушмин А.С.* Преемственность в развитии литературы. Л.: Наука, 1975. Также см.: *Пинаев М.Т.* Направления, течения и школы в русской литературе 60–70-х гг. XIX в. // Современная советская историко-литературная наука. Актуальные вопросы / под ред. Н.И. Пруцкова. Л.: Наука, 1975. С. 237–271.

⁷¹ См.: Русская литература и освободительное движение / отв. ред. Е.Г. Бушканец. Казань: [Б. и.], 1968–1977. (Ученые записки Казанского пед. ин-та). См. важные для нас статьи: *Беляева Л.А.* Д.Д. Минаев-критик. 1968. Вып. 1. С. 23–101; *Тунакова К.С.* Г.А. Мачтет и революционное движение 70-х гг. 1972. Вып. 3. С. 17–43; *Шакирова Д.И.* Литературные портреты С.Я. Елпатьевского. 1977. Вып. 8. С. 46–67.

Русские писатели и народничество / отв. ред. Б.Д. Дуров. Горький: [Б. и.], 1975–1977. Выделим репрезентативные статьи: *Пинаев М.Т.* Некоторые итоги и перспективы изучения литературного народничества. 1975. Вып. 1. С. 3–18; *Пруцков Н.И.* «В одно слово с Энгельсом» (Три очерка Г. Успенского).

и внедряются в университетские программы специальные курсы по истории литературного народничества⁷², а также продолжают поиски своеобразия народнической литературы⁷³. Небезынтересна в этом ряду книга М.С. Горячкиной⁷⁴. Подчеркивая то, что «художественной прозе народничества в советской науке уделялось чрезвычайно мало внимания» и что «все это только начальные наброски изучения большой и важной темы»⁷⁵, автор монографии взялась пересмотреть устоявшиеся представления о литературных корнях народничества. Видя в писателях-народниках прямых последователей шестидесятников, исследовательница составила типологию героев («золотые сердца», «герои из народа», герои революционного народничества и пр.) и художественных методов (идеализация крестьян у Златовратского, социологизм Наумова, натурализм Каронина и т.д.) разных писателей-народников, а также специфицировала основные жанры народнической прозы (очерк — цикл очерков — роман).

В отношении дискуссии о заблуждениях народников (полемика в «Вопросах литературы» упоминается на первых страницах ее книги) Горячкина писала: «Художественная литература народников 70–80-х гг. не является, конечно, зеркалом положительных и отрицательных сторон ее теории. <...> Конкретное художественное осуществление идейного замысла

1975. Вып. 1. С. 38–51; *Смирнов В.Б.* Салтыков-Щедрин и литературная школа «Отечественных записок». 1977. Вып. 2. С. 35–41.

⁷² Например, см. программы спецкурсов: *Спасибенко А.П.* Своеобразие языка и стиля народнической литературы. Чебоксары: [Б. и.], 1972; *Верховская М.М.* Русская литература и рабочий вопрос (Из истории реализма XIX в.). Рязань: Изд-во Рязанского гос. пед. ин-та, 1973.

⁷³ Например, см.: *Куприяновский П.В.* Журнал «Северный вестник» и литературное народничество // Страницы истории русской литературы: К 80-летию Н.Ф. Бельчикова / отв. ред. Д.Ф. Марков. М.: Наука, 1971. С. 234–244; *Пруцков Н.И.* Глеб Успенский. Л.: Просвещение, 1971. (Б-ка словесника); *Розанова Л.А.* Поэзия Некрасова и народников. Иваново: [Б. и.], 1972; *Смирнов В.Б.* «Записки охотника» и народническая беллетристика 70–80-х гг. // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве / отв. ред. Л.Г. Бараг. Уфа: [Б. и.], 1972. Вып. 2. С. 127–141; *Петрова М.Г.* Эстетика позднего народничества // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX вв. / отв. ред. Б.А. Бялик. М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького АН СССР, 1975. С. 116–170; *Бельчиков Ю.А.* Г. Успенский. М.: Мысль, 1979; *Смирнов В.Б.* Народнический очерк // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1973. № 6 (78). С. 10–20; *Соколов В.Б.* У истоков жанрового своеобразия народнической беллетристики // Жанр и композиция литературного произведения. Калининград: [Б. и.], 1974. Вып. 1. С. 71–80; *Маевская Т.П.* Идеи и образы русского народнического романа (70–80-е гг. XIX в.). Киев: Наукова думка, 1975; *Коновалов В.Н.* Литературная критика народничества. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1978.

⁷⁴ *Горячкина М.С.* Художественная проза народничества. М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького АН СССР, 1970.

⁷⁵ Там же. С. 12.

писателей-народников, как правило, несло в себе элементы серьезной критики уязвимых сторон народнической теории»⁷⁶. Более того, говоря, что «если подводить под понятие народнической беллетристики произведения, строго и неукоснительно следовавшие народнической теории, то таких почти не окажется»⁷⁷, исследовательница констатировала зонтичный характер этого понятия, его условность и проницаемость. Положения, высказанные Горячкиной, заметно расширили представления о народничестве в позднесоветском литературоведении и стали значимым подспорьем для последующих исследований русской прозы второй половины XIX в.

В 1980–1990-е гг. интерес к народнической литературе стал естественным продолжением более широкого поля изысканий: разработка творчества русских писателей второго ряда⁷⁸, исследования по истории и теории жанров⁷⁹, выстраивание аксиологии русской литературы⁸⁰. Новые

⁷⁶ Горячкина М.С. Художественная проза народничества. С. 12.

⁷⁷ Там же. С. 8.

⁷⁸ См.: Никифоров В.В. Творчество А.И. Эртеля (1855–1908): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1982; Никонова Г.Л. Творчество И.А. Салова в русской демократической литературе 70-х гг. XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МОПИ, 1984; Капустин Н.В. Творчество Ф.Д. Нефедова в литературном процессе второй половины XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1985; Новикова А.А. «Новые люди» в творчестве П.В. Засодимского конца 70-х – начала 90-х гг. XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МОПИ, 1985; Булацкая Н.А. Творческое наследие С.М. Степняка-Кравчинского (К проблеме художественного метода и жанра): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Минск: БГУ, 1988; Александров Н.Д. Роман А.И. Эртеля «Гарденины», его место в творчестве писателя и развитии русской романистики конца XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: ИМЛИ РАН, 1990; Бурчак В.П. Аллегория и ее функция в поэзии 1870-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Новокузнецк: Новокузнецкий гос. пед. ин-т, 1998; Семянова О.И. Проза И.А. Салова в контексте реалистического стиля 70–80-х гг. XIX в. (Проблемы поэтики): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, 1998; Фомина А.Н. Проблемы взаимодействия эпоса и лирики в творчестве П.Ф. Якубовича: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре гос. пед. ун-т, 2001.

⁷⁹ См.: Дуров Б.Д. Мемуарный жанр в художественной прозе революционного народничества: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1980; Подлужная Л.П. Некоторые жанровые особенности очерков А.И. Левитова // Вопросы русской литературы. 1981. Вып. 2 (38). С. 58–65; Соколова В.Ф. Проблема этнографизма в русской художественной литературе 40–70-х гг. XIX в.: дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01. Л.: Ин-т рус. лит. АН СССР, 1986; Гусев В.А. Жанровая система русской эпической прозы 80–90-х гг. XIX в. // Вопросы русской литературы. 1990. Вып. 1 (55). С. 91–102; Шпилевая Г.А. Жанровая эволюция циклов очерков Г.И. Успенского («Нравы Растеряевой улицы», «Разоренье», «Власть земли»): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т, 1993; Затеева Т.В. Народнический роман XIX в.: Философские истоки. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998; Дзюба С.Ю. Проблема развития русского очерка 70–80-х гг. Письма «Из деревни» А.Н. Энгельгардта: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 1999; Фокиев А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX в. Истоки, тип творчества, история развития: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГОУ, 2004.

⁸⁰ См.: Смирнов В.Б. На рубеже десятилетий (Русская литература в период второй революционной ситуации). Саратов: Изд-во СГУ, 1982; Барабохин Д.А. Глеб Успенский и русская журналистика (1862–1892). Л.: Изд-во ЛГУ, 1983; Буданова Н.Ф. Роман И.С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х гг. Л.: Наука, 1983; Мысляков В.А. Салтыков-Щедрин и народническая демократия. Л.: Наука, 1984; Гусев В.А.

перспективы в изучении этого материала обозначили междисциплинарный подход, предложенный М.С. Макеевым⁸¹. Опираясь на идеи К. Маннгейма, автор проанализировал антропологические модели, сформированные различными идеологиями 1860–1870-х гг. В частности, свел использованные левой критикой идеологические механизмы ко введению социальных аспектов в трактовки произведений и к «перекодировке» исходных авторских диспозиций (по П. Бурдье). Например, Чернышевский объяснял слабость тургеневского героя в любви отсутствием у него гражданских интересов; Михайловский подчеркивал, что Достоевскому нужно обратиться к изображению других эпох (например, Средневековья), для которых более характерно социальное объяснение описанных аффектов. Исходя из этой модели, исследователь подробно рассмотрел революционно-демократическую идеологию, нигилизм и народничество.

Писатели-народники, по мысли Макеева, не пытались выдвигать непротиворечивые решения, основанные на собственных диспозициях (как Чернышевский или Михайловский), но пользовались теми же радикальными идеологическими концептами, соединение которых отражало «само желание, саму чистую революционную волю»⁸². В целом автор подчеркивал искусственность идеологической модели народников, предполагавшей большое количество допущений и утратившей «всякую практическую ценность как система прогнозирования»⁸³. Однако для нас важен заданный в исследовании междисциплинарный вектор: рассматривая различные идеологии 1860–1870-х гг. в контексте наук о человеке, Макеев впервые

Литературный период как система и проблема русского реализма 70–80-х гг. XIX в. // Филологические науки. 1986. № 6. С. 14–20; *Петрова М.Г.* Блок и народническая демократия // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: в 5 кн. / отв. ред. И.С. Зильберштейн, Л.М. Розенблюм. М.: Наука, 1987. Кн. 4. С. 75–122; *Гущина Н.Н.* В.Г. Короленко и литературное народничество (1880–1900-е гг.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1988; «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М.: Наука, 1990; *Маркович В.М.* Вопрос о литературных направлениях и построение истории русской литературы XIX в. // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 3. С. 26–32.

⁸¹ *Макеев М.С.* Спор о человеке в русской литературе 60–70-х гг. XIX в. Литературный персонаж как познавательная модель человека. М.: Диалог-МГУ, 1999.

⁸² Там же. С. 97.

⁸³ Там же. С. 99.

привлек для анализа обозначенного материала методы из смежных гуманитарных областей. Так или иначе, все современные исследования русской литературы XIX в. исходят из междисциплинарной перспективы и предлагают разнообразные теоретические подходы.

Так, новейшие исследования XXI в. служат расширению арсенала инструментов для анализа идеологических концептов русской литературы второй половины XIX в.: в монографии швейцарской исследовательницы А. Цинк из перспективы теории дискурса рассматривается оппозиция «свое–чужое» и основанные на ней стереотипы и шаблоны национального сознания⁸⁴; совместное русско-американское исследование Т. Сабуровой и Б. Эклофа на примере биографии народника-семидесятника Н.А. Чарушина демонстрирует набор подходов «новой биографической истории», *memory studies* и — шире — социальной истории⁸⁵; А.В. Вдовин избрал нарратологическую оптику для изучения рассказов из крестьянского быта⁸⁶. В заданной перспективе народничество рассматривается не столько как общественное движение, сколько как дискурсивный комплекс, существенно повлиявший на художественный процесс второй половины XIX в. Этот комплекс включал в себя определенный круг идей, мотивов и установок: веру в историческую роль крестьянства, устойчивые представления о долге интеллигенции перед народом, утверждение социальной ответственности литературы и др.

Вслед за современными исследователями мы также склонны считать, что литературное народничество немонолитно: есть некий содержательно-дискурсивный комплекс, который влиял на литературу самой разной формации — от прозы Засодимского, Златовратского, Наумова и Г. Успенского до отдельных произведений Короленко, Толстого, Тургенева и Чехова.

⁸⁴ Zink A. *Wie aus Bauern Russen wurden. Die Konstruktion des Volkes in der Literatur des russischen Realismus 1860–1880*. Zürich: Pano Verlag, 2009. (Basler Studien zur Kulturgeschichte Osteuropas; Bd. 18).

⁸⁵ Сабурова Т., Эклоф Б. *Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х гг.* М.: Новое лит. обозрение, 2016. (HISTORIA ROSSICA).

⁸⁶ Вдовин А.В. *Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их культурные функции в Российской империи до отмены крепостного права*. М.: Новое лит. обозрение, 2023. (Интеллектуальная история).

Наиболее полно и прямолинейно этот комплекс реализовывался в среде писателей, непосредственно связанных с народническим движением, однако его отдельные мотивы, типы героев, сюжетные ситуации и жанровые модели постепенно входили и в литературу, не сводимую к народнической идеологии. У художественно самостоятельных авторов народнический материал, как правило, не воспроизводился в готовом виде, а подвергался отбору и переосмыслению и включался в более сложную систему эстетических задач. При таком понимании народничества цель исследователя состоит не в определении точного числа «народников», а в выявлении «народнического» субстрата у писателей, каждый из которых может быть охарактеризован иначе. Одним из таких писателей в настоящей работе предстает Бунин, чье творчество 1880–1890-х гг. обнаруживает сложное взаимодействие народнических художественных стратегий и оригинального авторского голоса.

1.2. Братья Бунины: первые литературные опыты и уроки народничества

Покидая Москву летом 1918 г. и осмысляя разразившуюся катастрофу, Бунин писал в дневнике: «Чуть не с детства я был под влиянием Юлия, попал в среду “радикалов” и чуть не всю жизнь прожил в ужасной предвзятости ко всем классам общества, кроме этих самых “радикалов”. О, проклятие!»⁸⁷. Влияние окружения на молодого писателя было колоссальным, и первейшую роль в его становлении играл старший брат Ю.А. Бунин, литератор и народник. Члены семьи и близкие друзья неоднократно подчеркивали то значение, которое имел брат в жизни Бунина. Например, жена писателя В.Н. Муромцева отмечала: «...скольким ему обязан Ян⁸⁸. <...> Эти вечные разговоры, обсуждение всего, что появлялось в литературе и в общественной жизни, с самых ранних лет принесли Яну большую пользу. Помогли не надорвать таланта. С юности ему указывалось, что действительно хорошо, а что от лукавого»⁸⁹. Писатель и организатор московского литературного кружка «Среда» Н.Д. Телешов также вспоминал: «Старший брат Бунина — Юлий Алексеевич, тоже коренной член “Среды” и неуклонный ее посетитель, был значительно старше Ивана Алексеевича и относился к нему почти как отец. Влияние его на брата было огромное, начиная с детства. Ему, как человеку широко образованному, любившему, ценившему и понимавшему мировую литературу, Иван Алексеевич очень многим обязан в своем развитии. Любовь и дружба между братьями были неразрывные»⁹⁰.

Фигура Юлия — без сомнений, одна из самых важных в жизни будущего нобелевского лауреата — значима для нашего исследования еще и как пример типичной судьбы молодого человека, сформировавшегося в 1870-е гг. Неслучайно Б.К. Зайцев писал: «“Юлий” был мера, образец и традиция. В

⁸⁷ Литературное наследство. Т. 110. Кн. 2. С. 118.

⁸⁸ Так на польский манер называла Бунина жена.

⁸⁹ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. М.: Посев, 1981. Т. 2. С. 69–70.

⁹⁰ Телешов Н.Д. Записки писателя. М.: Моск. рабочий, 1958. С. 41.

сущности, по нему одному, по его речи, суждениям, заседаниям, заграничным поездкам, можно было почувствовать всю ту жизнь, все то время»⁹¹. Тем не менее личность Юлия Бунина мало привлекала внимание исследователей: краткая информация о нем содержится в словарях и статьях⁹²; его деятельность на посту редактора «Вестника воспитания» фрагментарно описана в диссертации З.Г. Полуяковой⁹³; некоторые выдержки из его писем опубликованы в бунинских изданиях ИМЛИ РАН⁹⁴. Наибольший интерес сегодня представляют работы Т.В. Гордиенко, в которых в широкий научный обиход вводятся многие архивные материалы и неизданные произведения и письма автора⁹⁵. Так, опираясь на эти источники, мы в настоящем параграфе рассмотрим направления литературной и общественной деятельности Юлия, а также охарактеризуем степень его влияния на младшего брата.

Юлий родился в 1857 г. в семье орловских помещиков. Бунины принадлежали к старинному дворянскому роду, некогда владевшему землями в Воронежской, Тамбовской и Орловской губерниях, но к моменту рождения сына большинство этих владений были проданы. Маленький Юлий рос в скромной обстановке родового поместья Бутырки, в котором царило

⁹¹ *Зайцев Б.К.* Юлий Бунин // Собр. соч.: в 5 т. / сост., вступ. ст. и примеч. Т.Ф. Прокофьева; при уч. Н.Б. Зайцевой-Соллогуб. М.: Рус. кн., 1999. Т. 6 (доп.). С. 51.

⁹² См.: Деятели революционного движения в России / под ред. Ф. Кона. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3. Вып. 1. Стб. 460–462; *Кучеровский Н.М.* Братья Бунины; *Власов В.* Старший брат // Собеседник: Портреты. Этюды. Исторические повествования. Очерки / ред.-сост. З.Я. Анчиполовский, О.Г. Ласунский. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1973. С. 102–127; Русские писатели. 1800–1917 / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 362.

⁹³ *Полуякова З.Г.* Журнал «Вестник воспитания» и его общественно-педагогическое направление: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.00. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1967.

⁹⁴ См.: *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 гг.; *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 гг.; *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина.* Т. 1; 2.

⁹⁵ Например, см.: *Гордиенко Т.В.* Журналистская и литературная деятельность Ю.А. Бунина // Русский язык за рубежом. 2011. № 6. С. 103–110; *Гордиенко Т.В.* Брат беллетриста... // Журналист. 2012. № 3. С. 90–93; *Гордиенко Т.В.* Ю.А. Бунин и московский журнал «Вестник воспитания» // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2012. № 4. С. 79–92; *Гордиенко Т.В.* Юлий Бунин (1857–1921): Личность и судьба // Труды МИНЦ. Тамбов: Нобелистика, 2013. Вып. 5. С. 180–194; *Гордиенко Т.В.* К истории литературного и общественно-политического журнала «Путь»: Деятельность И.А. и Ю.А. Буниных // Бунинские чтения в Орле — 2013: Материалы Всерос. науч. конф. (Орел, 3–5 окт. 2013 г.). Орел: Орловский гос. ун-т, 2014. С. 24–31; *Гордиенко Т.В., Дмитрихина Л.В.* Эпистолярное наследие Ю.А. Бунина в российских архивах // Орловский текст российской словесности: Коллект. монограф. по материалам Всерос. науч. конф., посвящ. памяти Е.К. Дейч и Н.А. Куделько (5–6 окт. 2014 г.). Орел: Орловский гос. ун-т, 2015. С. 12–22; *Гордиенко Т.В.* Чернильный прибор Юлия Бунина // Москва. 2015. № 3. С. 200–206; *Гордиенко Т.В.* Из архива Юлия Бунина. Из жизни провинции в 90-х гг. // Москва. 2016. № 2. С. 196–213; *Гордиенко Т.В.* Ю.А. Бунин: Материалы к биографии. М.: Икар, 2017; *Гордиенко Т.В.* Ю.А. Бунин о литературных объединениях Москвы: 1890–1917 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 140–158.

запустение. Для получения начального образования его с младшим братом Евгением отправили в Елец. По-видимому, дальнейшее образование детей тоже должно было быть связано с Ельцом, но проучились они там недолго: в 1867 г. семья переехала в Воронеж, и, как указывала Муромцева в «Жизни Бунина» (1958), «выбрали они этот город потому, что были еще у них имения в этой губернии, и там жили родственники».

В 1869 г. Юлий был зачислен в Воронежскую губернскую (1-ю мужскую) гимназию, которую в 1877 г. окончил с золотой медалью. О его гимназических годах почти не сохранилось источников. Муромцева вспоминала: «Юлий был на редкость способным, учился блестяще. Например, пока учитель диктовал экстемпорале по-русски, Юлий писал по-латыни. Способен он был и к математическим наукам»⁹⁶. Также она отмечала, что «в Воронеже среди гимназистов вел революционную пропаганду семинарист, о котором Юлий долгие годы говорил младшему брату с благоговением, как о “светлой личности”»⁹⁷. Имя этого гимназиста не установлено, но, вероятно, в эти годы Юлий впервые познакомился с революционными идеями.

В 1877 г. Юлий поступил на физико-математический факультет Московского университета. Он преуспевал в учебе, увлекался историей и статистикой, посещал дополнительные занятия на юридическом и историко-филологическом факультетах. Многие прочили Юлию научную карьеру, но политика захватила его всецело. О тех годах он вспоминал так: «Активное студенчество делилось тогда на две группы: радикалов и либералов. Теперешних “академистов”, “черносотенцев” и т.п. тогда почти совсем не было, по крайней мере, они совсем стушевывались. Борьба шла лишь между “либералами” и “радикалами”, и борьба подчас ожесточенная, но нередко случалось, что в этой борьбе сказывалась не столько разница идей, сколько разница темпераментов. Мы, “радикалы”, своими духовными вождями

⁹⁶ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. 1870–1906. Париж: [Б. и.], 1958. С. 7. При создании книги Муромцева опиралась на некоторые документы и многочисленные беседы с мужем, его братом и родственниками. В настоящей работе мы будем относиться к ее воспоминаниям как к достоверному источнику.

⁹⁷ Там же. С. 24.

считали Чернышевского, Лаврова, Михайловского и др., зачитывались Гл. Успенским, Некрасовым, Златовратским и проч. Мы глубоко верили в скорое наступление на земле царства равенства и справедливости»⁹⁸.

В Москве Юлий организовал «воронежский» кружок, ядром которого были его земляки по гимназии. Согласно Муромцевой, «на квартире в Козицком переулке устраивались собрания, которые посещали и студенты университета, Петровской Академии, Технического училища и курсистки. Этими собраниями руководили настоящие революционеры. Главная цель их заключалась в помощи заключенным и ссыльным товарищам, расклеивали они на улицах и прокламации, рассылали их и по деревням и заводам»⁹⁹. Участница собраний «воронежцев» курсистка Е.Н. Игнатова вспоминала, какое впечатление произвел на нее Юлий: «Ю. Бунин отличался наибольшей деловитостью, энергией и преданностью трудящимся массам. Во всякое общественное предприятие он вкладывал всю свою душу, проявлял находчивость, инициативу, предприимчивость; при этом был чрезвычайно искренен, добр, отзывчив. Своим веселым и открытым нравом он сразу привлекал каждого на свою сторону»¹⁰⁰.

Постепенно Юлий входил в московские революционные круги: сближался с тайными организациями и знакомился со многими революционерами. Указания на это содержатся в «Жизни Бунина»: «Юлий присутствовал на знаменитом “Липецком съезде” в июне 1879 года, где революционеры партии “Земля и Воля” разделились на “Народную Волю” и “Черный передел”, из которого вышла партия социал-демократов во главе с Плехановым, жившим за границей... Юлий был знаком с Софьей Перовской, незадолго до 1 марта 1881 года встречался с Желябовым, осенью 1879 г. близко сошелся с революционером Ал. Дм. Михайловым»¹⁰¹. В своей автобиографической справке Юлий писал, что в именно в 1879 г. он «примкнул

⁹⁸ Бунин Ю.А. Из студенческих воспоминаний // Заря. 1914. № 2. С. 13.

⁹⁹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 32.

¹⁰⁰ Игнатова Е.Н. Московские народники конца 70-х гг. // Группа «Освобождение труда» (Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча) / под ред. Л.Г. Дейча. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Сб. 5. С. 46–47.

¹⁰¹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 32.

к революционным кругам»¹⁰². В этом же году у него прошел первый обыск, а в 1881 г. он был отчислен из университета за участие в студенческой сходке.

Встав перед выбором нового учебного заведения, Юлий предпочел Харьковский университет, который и окончил в 1882 г. В Малороссии он продолжал участвовать в революционном движении и под псевдонимом Алексеев писал листовки, тиражировавшиеся в тайной типографии. В частности, в 1883 г. Юлий написал брошюру «Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции»¹⁰³, в которой детально изложил политическую программу харьковских народников. Он критиковал партию «Народная воля» за отказ от работы с крестьянами, а также считал индивидуальный террор хотя и неизбежным, но несвоевременным без предварительной подготовки народа. Эту подготовку, по его мнению, должны осуществлять либеральные интеллигенты, земские деятели и публицисты.

Как следует из основных тезисов, Юлий в эти годы придерживался тактики лавризма и настаивал на широкой культурной и пропагандистской работе в народе, в сущности, манифестируя основные положения партии «Черный передел». Как отмечается, «о значении бунинской брошюры говорит тот факт, что она включалась в программу занятий с рабочими как общий источник к изучению “Истории России”, а также “Рабочего вопроса на Западе и у нас”»¹⁰⁴. Кроме того, широкий резонанс брошюры был вызван тем, что она вышла одновременно с работой Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883), в которой заявлялась программа группы «Освобождение труда» и с марксистских позиций критиковалась народовольческая тактика террористической борьбы¹⁰⁵.

Подпольная деятельность Юлия в Харькове продолжалась до января 1884 г., когда типография была раскрыта и он был объявлен в розыск и

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 2. Ед. хр. 1.

¹⁰³ См. позднюю перепечатку: *Бунин Ю.А.* Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции // Историко-революционный сборник / под ред. В.И. Невского. Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 3. С. 187–202.

¹⁰⁴ *Власов В.* Старший брат. С. 111.

¹⁰⁵ См. позднюю перепечатку: *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. [М.]: Гос. изд-во полит. лит., 1938.

арестован. По сообщению Муромцевой, «Юлий Алексеевич был арестован потому, что его адрес нашли в подпольной типографии. Он послал приятелю сапоги, а тот забыл разорвать обертку с адресом отправителя»¹⁰⁶. Родители были потрясены известиями, но наибольшее впечатление арест произвел на Ивана. Сблизившись со старшим братом за время его приездов на каникулы, он особенно тяжело переживал эти события: «Ему казалось, что весь мир для него опустел. Долго он бродил в тот вечер по городу, который казался ему чужим, и чувствовал свое одиночество. Несколько месяцев жил под этим впечатлением, стал серьезнее»¹⁰⁷.

Длительное следствие, однако, разрешилось для семьи Буниных благополучно: после года тюрьмы старший сын был сослан на три года под надзор полиции в родовое имение в деревне Озёрки. В этот период Юлий занялся образованием бросившего гимназию брата и обучал его математике, физике, астрономии, истории и языкам, но главным образом — литературе. Муромцева описала то, как проходили эти занятия:

Юлий Алексеевич рассказывал мне: «Когда я приехал из тюрьмы, я застал Ваню еще совсем неразвитым мальчиком, но я сразу увидел его одаренность, похожую на одаренность отца. Не прошло и года, как он так умственно вырос, что я уже мог с ним почти как с равным вести беседы на многие темы. Знаний у него еще было мало, и мы продолжали пополнять их, занимаясь гуманитарными науками, но уже суждения его были оригинальны, подчас интересны и всегда самостоятельны.

Мы выписали журнал “Неделя” и “Книжки Недели”, редактором которых был Гайдебуров, и Ваня самостоятельно оценивал ту или другую статью, то или иное произведение литературы. Я старался не подавлять его авторитетом, заставляя его развивать мысль для доказательства правоты своих суждений и вкуса».

Обычно они гуляли два раза в день: перед дневным чаем и после ужина. Во время этих прогулок и велись серьезные разговоры, обсуждались произведения литературы. Юлий Алексеевич умел разнообразить темы, иногда прибегал к сократовскому методу беседы.

¹⁰⁶ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 23.

¹⁰⁷ Там же. С. 24.

<...> иногда Юлий под клятвой сообщал Ване о своей подпольной деятельности, рассказывал, что еще в Воронеже у них был кружок гимназистов, который распропагандировал «очень умный и образованный семинарист», «светлая личность», член партии Земли и Воли¹⁰⁸.

Каким был круг чтения юного Бунина и что Юлий читал вместе с ним? Муромцева отмечала, что за первую зиму со старшим братом Бунин прочел «почти всех русских классиков, некоторых иностранных»¹⁰⁹. По письмам можно проследить, что это были также демократические писатели (В.Г. Короленко, Г.И. Успенский, А.И. Эртель)¹¹⁰, критика и публицистика радикального направления (Н.К. Михайловский, М.А. Протопопов, М.Е. Салтыков-Щедрин)¹¹¹ и работы по философии, социологии и истории¹¹². Через несколько лет Бунин даже потребовал от возлюбленной В.В. Пащенко прочесть К.Д. Кавелина, А.М. Скабичевского, Н.В. Шелгунова¹¹³ и сообщил об этом Юлию: «Хожу в библиотеку, доканчиваю “афоризмы Щедрина”, читаю с Варей по вечерам... (Представить себе ты не можешь, как я заразил ее разными идеями (серьезно!), статьями Цебриковой по женскому и моральным вопросам, Скабичевским, Кавелиным, Шелгуновым и т.д.)»¹¹⁴. Кроме того, в письмах близким людям Бунин неоднократно цитировал стихи

¹⁰⁸ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 31–32.

¹⁰⁹ Там же. С. 39.

¹¹⁰ См. письмо Юлию от 18 октября 1888 г.: «Читать почти нечего. Софья выписала Короленко. Мы с Григорием Андреевичем наслаждались вполне. В самом деле — роскошь» (Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 16–17). Также см. письмо Юлию от 26 декабря 1888 г.: «...читал на днях “С двух сторон” Короленко, прочитал “Обрыв” Гончарова, “Минеральные воды” и некот<орые> другие вещи Эртеля. Хочу выписать себе новое издание Гл. Успенского в 2 т. за 3 руб.» (Там же. С. 20).

¹¹¹ См. письмо Юлию от 15 сентября 1888 г.: «Не правда ли здорово озаглавлена статья у Прото<по>пова про Мак. Белинского: “Пустоцвет”?» (Там же. С. 12). Также см. письмо Юлию от 20 ноября 1888 г.: «...записался вместе с Григорием Андреевичем и Софьей в библиотеку. Софья, разумеется, ничего не читает, и мы с ним распоряжаемся. Читали в “Вестнике” Е<вропы>” “Мелочи жизни” Н. Щедрина, “О новейших поэтах” статьи Арсеньева и кой-что другое. Вообще, выбор в Елецкой библиот<еке> ты знаешь сам какой; сейчас был там, взял (читаем по 1-му разу) “Подчиненность женщины” Милля, “Стихотворения” Клишиеева, “Сев<ерный> вест<ник>” за ноябрь» (Там же. С. 18).

¹¹² См. характерную попытку Бунина применить свои знания из этих областей в ранней неоконченной статье «Поэзия и отвлеченное мышление»: Литературное наследство. Т. 110. Кн. 1. С. 324–326.

¹¹³ См. письмо от 3 ноября 1891 г.: «Прошу тебя, ради Бога, сделать следующее: взять из библиотеки 3-ю книгу “Русск. мысли” за 88-й год и прочесть там статьи: “Переходные характеры” Шелгунова, “Злобы дня” Кавелина (одного из самых благородных и умных писателей 60 и 70 годов), “Очерки литературного движения” Скабичевского и “Г. Андерсен” — статья Брандеса. Первые три статьи только начаты, так что дочитай их, пожалуйста, до конца» (Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 122).

¹¹⁴ Там же. С. 134.

Н.А. Некрасова, подчеркивая свое эмоциональное состояние — от возвышенных чувств любви до уныния и тоски¹¹⁵.

В эти годы старший брат стал для Бунина не только учителем и наставником, но и читателем и критиком его произведений. В 1887 г. при поддержке Юлия в журнал «Родина» были отправлены и впоследствии напечатаны его первые поэтические опыты: «Над могилой Надсона», «Деревенский нищий», «В венке из свежих роз я Музу увидал...» и др. Всего за 1887–1890 гг. в «Родине» было опубликовано 20 текстов Бунина: 18 стихотворений и 2 рассказа («Два странника», «Нефедка» (позже «Божьи люди»))¹¹⁶. Еще 10 стихотворений 1888–1890 гг. были посланы по совету брата в журнал «Книжки Недели» П.А. Гайдебурова, увидевшего в Бунине «несомненные задатки поэтического творчества»¹¹⁷. Выбор этого издания далеко не случаен: журнал выходил при газете «Неделя», которая являлась печатным органом либеральных народников. Нужно полагать, что сотрудничество с «Книжками Недели», хотя и не принесло результатов, имело для Бунина значение, поскольку на его страницах публиковались Михайловский, Салтыков-Щедрин, Г. Успенский и др.

По истечении срока ссылки в 1888 г. Юлий вернулся к друзьям в Харьков. Тяжело переживая разлуку с ним и устав от однообразия сельской жизни, Бунин в 1889 г. отправился к брату. Там он пробыл почти два месяца и впервые увидел быт радикально настроенной интеллигенции. Муромцева писала: «Жили почти все бедно, кроме некоторых, которые имели состояние или хорошую службу и сочувствовали революционному движению, — вот у них все эти “радикалы” часто проводили вечера в спорах, слушали музыку. Иногда тайно приезжал бежавший из ссылки, иной раз и какой-нибудь известный революционер; тогда все подтягивались, вели бесконечные

¹¹⁵ См. письма от 26 декабря 1888 г., 22 июля и 8 ноября 1891 г. (Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 20; 91; 124). В первом Бунин процитировал стихотворение «...одинокый, потерянный, // Я как в пустыне стою» (1864), во втором — стихотворение «Если мучимый страстью мятежной...» (1847), а в третьем перепел позднее некрасовское стихотворение «Зине» (1876).

¹¹⁶ О первых публикациях Бунина см.: Афанасьев В.Н. Ранний Бунин // Филологические науки. 1963. № 4. С. 66–79; Морозов С.Н. Дебют И.А. Бунина-прозаика // Филологос. 2022. № 2 (53). С. 68–74.

¹¹⁷ Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 17.

разговоры, обсуждая политическое положение, потом за ужином затягивали революционные песни и делились воспоминаниями, произносили тосты, шутили друг над другом»¹¹⁸.

Молодой писатель был очарован тем кругом, в который его ввел брат: «Все отнеслись к младшему, еще совсем желторотому брату Юлия, очень приветливо, сразу приняли его в свою среду и говорили в его присутствии обо всем»¹¹⁹. Со многими членами народнического кружка у Бунина сложились товарищеские отношения, а с некоторыми он подружился. В частности, долгая дружба будет связывать его с искусствоведам Э.Д. Воронцом и его женой переводчицей З.Н. Воронец. Впоследствии Бунин неоднократно упоминал о харьковских товарищах и с теплом отзывался о них. Например, 29 сентября 1890 г. он писал Юлию: «Видел в Харькове почти всех. Они гнали меня к тебе <в Полтаву>, и я думал, да деньжонок было обмалковато. Они сказали, что ждут тебя в Харьков»¹²⁰.

В 1890 г. Юлий получил место в статистическом бюро Полтавской губернской земской управы, и через некоторое время Бунин со своей возлюбленной Пащенко перебрался к нему. В этот период братья посещали кружки радикально настроенной молодежи (в частности, по чтению «Капитала» К. Маркса), наблюдали устройство толстовских колоний (в середине 1890-х гг. Бунин пережил увлечение толстовством) и занимались культурной деятельностью (Юлий устроил младшего брата сначала в бюро, а после в библиотеку управы)¹²¹. Как значится в автобиографической справке Юлия, в Полтаве он оставался «по своим убеждениям народником, но не принадлежал к политическим партиям, участвовал в попытках объединения левой интеллигенции»¹²². В годы политической реакции народническое движение видоизменялось, шли поиски новых форм работы, наиболее популярной из которых была земская.

¹¹⁸ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 53–54.

¹¹⁹ Там же. С. 54.

¹²⁰ Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 54.

¹²¹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 130.

¹²² РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 2. Ед. хр. 1.

В Полтаве на рубеже веков активно развивалось украинское движение, заметную роль в жизни общества играли толстовцы, а также постепенно проникали марксистские идеи. Из всех возможных общественных движений и организаций Юлий предпочел земскую работу, в которой видел развитие своих прежних начинаний: «Мы, земские работники, можно сказать, со страстностью увлекались нашими профессиональными занятиями, нередко проводя за работой чуть не целые ночи, в особенности осенью, перед земскими собраниями. Отчасти это происходило оттого, что в начале 90-х годов в Полтаве не было почти никаких общественных организаций, где мы могли бы проявить свою энергию, а главным образом оттого, что занятия в земстве вообще и, в частности статистикой, мы считали работой в духе наших старых народнических идеалов»¹²³.

Как вспоминал Юлий, полтавские интеллигенты «мечтали о возвращении радикального движения, строили даже планы этого возрождения, читали идейные книги и журналы»¹²⁴. В полтавском земстве в 1890-е гг. служили многие участники революционного движения 1870-х гг.: Н.Г. Кулябко-Корецкий, руководивший статистическим бюро, И.Н. Присецкий, А.А. Русов, братья В.И. и С.И. Мельниковы, С.П. Балабуха и др. Это земство являлось одним из самых прогрессивных в России, и его центральным направлением деятельности было народное просвещение и распространение грамотности: создание сети народных школ, обеспечение учебных заведений наглядными пособиями и принадлежностями и формирование института подготовки народных учителей¹²⁵.

Кроме того, земцы предпринимали попытку реорганизации газеты «Полтавские губернские ведомости» и издания журнала «Хуторянин», которые «велись <...> в очень прогрессивном направлении». В обе редакции входили и братья Бунины. В целом все 1890-е гг. жизненные пути братьев были

¹²³ Бунин Ю.А. Из жизни провинции в 90-х гг. // Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин: Материалы к биографии. С. 158.

¹²⁴ Там же. С. 158.

¹²⁵ Там же. С. 167. Подробнее о деятельности земства см. воспоминания участницы тех событий: Женжурист Л.А. <Воспоминания о Полтаве> // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 236–246.

неразрывно связаны. Многие письма этого периода свидетельствуют о братской любви и взаимной преданности. Например, в середине октября 1891 г. Бунин сообщал: «Я тебе ни йоту не врал, когда писал, что во всяком горе и страдании я надеялся не совсем потеряться, помня, что у меня есть человек, в дружбе и участии которого никогда не придется разочароваться, с которым мне не будет *страшно*... Понимаешь ты меня? — В горе я больше всего *боюсь* его, боюсь его, как ребенок тихой, громадной и сумрачной комнаты... В этой комнате, я вспоминал, *ты* со мной и мне не так страшно...»¹²⁶ Уже в эмиграции в разговоре с женой Бунин вспоминал среду, в которую он попал в Полтаве, и характеризовал ее как очень значимую для его становления: «...я вращался если не среди таких блестящих людей, как Владимир Соловьев, то все же среди очень образованных, как, например, Кулябко-Корецкий, Русов и другие. Кроме того, вся наша среда только и делала, что разбирала вопросы политические, литературные, общественные, и я принимал в этом горячее участие»¹²⁷.

В этом отношении особенно показательно быстрое вхождение Бунина в большую литературу в 1895–1896 гг., также во многом подготовленное народническим посредничеством. Первые серьезные публикации писателя появились в «Русском богатстве» и «Новом слове» — изданиях, близких тому демократическому кругу, к которому принадлежал Юлий. Прямых свидетельств о том, что именно старший брат рекомендовал Бунина издателям и редакторам, не сохранилось, однако сама конфигурация литературного поля позволяет предположить его косвенное участие в этом процессе. Представители народнической и либерально-демократической среды, вероятно, воспринимали молодого автора не только как начинающего беллетриста, но и как младшего брата известного им народника и литератора. Существенно и то, что первый крупный успех Бунина был связан с рассказом «На край света» (1895), построенным на актуальном для народнической

¹²⁶ Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 118.

¹²⁷ Цит. по: Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. С. 65. Подробнее о харьковском и полтавском окружении Бунина см.: Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой (1880-е –1900-е гг.). С. 22–23.

литературы сюжете крестьянского переселения и посвященном статистику Д.И. Звереву. Материал рассказа восходил к полтавскому земскому опыту писателя и к его служебным поездкам со Зверевым. Тем самым само вхождение Бунина в петербургскую литературную среду оказалось непосредственно связано с тем кругом идей и знакомств, к которому младший брат был приобщен через Юлия¹²⁸.

В 1897 г. Юлий переселился в Москву. Муромцева отмечала, что ему предлагали место в министерстве финансов в Петербурге, но «он не мог, по своим убеждениям, поступить на государственную службу»¹²⁹. Поэт И.А. Белоусов вспоминал: «Ю.А. Бунин как-то сразу вошел в литературную московскую жизнь, — он был видным членом очень многих литературных организаций, а на “Средах” всегда председательствовал»¹³⁰. Действительно, Юлий стал завсегдатаем целого ряда литературных собраний: «четвергов» у Н.Ф. Михайлова, «суббот» у Н.Н. Златовратского, «литературного особняка» и мн. др. собраний и чтений. Но главными из них, безусловно, были телешовские «среды»¹³¹.

«Среды» выросли из литературного кружка «Парнас», организованного еще в 1883 г., и, как правило, проводились на квартире у Телешова. На этих собраниях литераторы читали и обсуждали новые произведения, и в разные годы их посещали не только писатели (Л. Андреев, М. Горький, Короленко и т.д.), но и многие выдающиеся художники и музыканты (например, И.И. Левитан, С.В. Рахманинов, Ф.И. Шаляпин). Кружок просуществовал до конца 1910-х гг. и стал значительным явлением в культуре не только Москвы, но и России. В 1912 г. при «Средах» было организовано Книгоиздательство писателей в Москве, объединившее по примеру петербургского «Знания» авторов реалистического направления. Учредителями издательства были

¹²⁸ Подробнее о вхождении Бунина в литературу при народническом посредничестве см. следующий параграф.

¹²⁹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 94.

¹³⁰ Белоусов И.А. Литературная среда. Воспоминания 1880–1928. М.: Кооператив. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1928. С. 131.

¹³¹ Краткие воспоминания Юлия об этих собраниях и мероприятиях см.: Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин о литературных объединениях Москвы.

братья Бунины, Белоусов, В.В. Вересаев, Зайцев, С.С. Мамонтов, Телешов, И.С. Шмелев и др.

Главным родом деятельности Юлия в этот период была журналистика. Он фактически заведовал «Вестником воспитания» до самого его закрытия в 1917 г. В журнале, основанном детским врачом Е.А. Покровским, освещались актуальные проблемы народного образования, а также уделялось большое внимание детской психологии и школьному воспитанию. Редакция привлекала к сотрудничеству историков, философов и медиков, а силами Юлия в журнале публиковались художественные произведения (в основном переводы). В его архиве сохранилось большое количество материалов этого периода, свидетельствующих не только о серьезной организаторской работе, но и о его собственных исследованиях. Юлий вспоминал: «...в “Вестник воспитания” писал много статей и заметок — большей частью анонимно»¹³².

Молодой Бунин при каждом приезде в Москву пользовался положением брата: «Ежедневно в пятом часу, когда кончается прием в редакции, у Юлия Алексеевича в двухэтажном флигеле, в глубине просторного двора, за большим особняком с садом доктора Михайлова, издателя журнала “Вестник Воспитания”, в нижнем этаже, происходит чаепитие. Младший брат, во время своего пребывания в Москве, не пропускает этих сборищ, куда почти ежедневно приходили: журналист Николай Алексеевич Скворцов (покончивший жизнь самоубийством в Киеве в 1918 или 1919 году), милый, горячий, умный человек, всем сердцем преданный Юлию Алексеевичу, и другие приятели из «Русских Ведомостей», а когда племянники Пушешниковы стали учиться в Москве, то и они были неизменными гостями. И тут начиналось большое оживление, смех, шутки и рассказы младшего Бунина о том, где он был накануне или в этот день. Затем возникали споры о литературе. Юлий Алексеевич старался уговорить своего брата, нападавшего то на одно, то на другое произведение, уже шумящее, и попутно представлявшего в лицах своих друзей и недругов, да так что все помирали со смеху. Обсуждались у

¹³² РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 2. Ед. хр. 1.

Юлия Алексеевича и текущие политические события»¹³³. Юлий привлекал брата к участию во всех своих начинаниях: Бунин регулярно посещал и неоднократно выступал на литературных «Средах», работал и публиковал свои произведения в Книгоиздательстве писателей в Москве, а также писал статьи и рецензии в «Вестник воспитания»¹³⁴.

В 1900–1910-е гг. при общем сохранении левых убеждений Юлий отошел от радикальной народнической деятельности. Его взгляды развивались от более революционных форм народничества в молодости к менее политизированным и умеренным в зрелом возрасте. В Москве помимо журналистики Юлий занимался литературно-общественной работой: состоял членом совета общества Взаимная польза, Общества помощи лицам интеллигентных профессий, различных педагогических и просветительских обществ; был членом правления Общества грамотности, Толстовского общества и др.; стоял во главе Общества деятелей периодической печати и литературы, Общества помощи литераторам и журналистам. Отход от радикальной деятельности в это время был закономерным и связан с общим перерождением народничества в неонародничество, признававшее развитие капитализма и ряд положений марксизма. Об идеологических сдвигах Юлия свидетельствует и тот факт, что в 1899 г. он с группой литераторов организовал журнал «Начало», в котором печатались работы Плеханова, В.И. Ульянова (Ленина) и т.д.

Активная журналистская и общественная деятельность Юлия подорвала его здоровье. В письме от 26 октября 1915 г. он сообщал брату: «...Здоровье так себе»¹³⁵, и со временем оно ухудшалось. 7 октября 1917 г. Бунин писал художнику П.А. Нилусу: «...тут еще новая беда — болен Юлий Алексеевич (которого ты вообще не узнал бы теперь, — так он постарел, ослабел,

¹³³ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 133.

¹³⁴ Подробнее о сотрудничестве с Книгоиздательством писателей в Москве см.: Черников А.П. И.А. Бунин в «Книгоиздательстве писателей в Москве» // Иван Бунин и литературный процесс начала XX в. С. 112–122; Фролов М.А. И.А. Бунин и «Книгоиздательство писателей в Москве». Материалы к теме и комментарии // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 198–234.

¹³⁵ Цит. по: Власов В. Старший брат. С. 125.

изменился) <...>. Я просто в отчаянии, — думаю, что это неизлечимо, и полон самых ужасных ожиданий»¹³⁶. Состояние здоровья, в частности, не позволило Юлию уехать из Москвы во время революции: «Мы звали с собой ехать Юлия Алексеевича, но он решил ждать выздоровления <...> Почему не поехал Юлий Алексеевич? Трудно сказать. Вероятно, и он, несмотря на свой пессимистический ум, не представлял, до чего могут довести страну большевики и до чего они упрочатся. <...> Кроме того, у него была квартира, были книги, конечно, если бы он уехал, то квартиру потерял бы»¹³⁷. С момента отъезда в Одессу летом 1918 г. Бунин узнавал о судьбе брата только от приезжавших из Москвы знакомых и по редким письмам.

Юлий умер в одиночестве и нищете в июле 1921 г. Его последним годам жизни посвящен очерк Зайцева «Юлий Бунин» (1928)¹³⁸. Близкие старались оберегать Бунина от этих вестей, и о смерти брата он узнал только спустя несколько месяцев. В декабре 1921 г. Муромцева записала: «Ян из газеты узнал о смерти Юлия Алексеевича. <...> После завтрака он пошел отдохнуть, развернул газету и прочел, как он потом рассказывал, “Концерт Юл. Бунина”. Перечел, секунду подумал, и решил, что концерт в пользу Юл. Бунина. Подумал: кто такой Юл. Бунин? Наконец, понял то, чего он так боялся. Сильно вскрикнул. Стал ходить по комнате и говорить: “зачем уехал, если бы я там был, то спас бы его”. <...> Он говорит, что не хочет знать подробностей. Он сразу же похудел. Дома сидеть не может. Побежал к Ландау. Я его не оставляю. <...> Он говорил вечером, что вся его жизнь кончилась: ни писать, ни вообще что-либо делать он уже не будет в состоянии»¹³⁹.

Тяжело переживая уход брата, Бунин в январе 1922 г. писал в дневнике: «И все мысли о Юлии, о том, как когда-то приезжал он, молодой, начинающий жизнь, в Озёрки... И все как-то не верится, что больше я никогда его не увижу. Четыре года тому назад, прощаясь со мной на вокзале, он заплакал (конец мая

¹³⁶ Бунин И.А. Письма 1905–1919 гг. С. 402.

¹³⁷ Устами Буниных. Т. 1. С. 171–172.

¹³⁸ Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 6 (доп.). С. 51–53.

¹³⁹ Устами Буниных. Т. 2. С. 69.

1918 г.). Вспомнить этого не могу. Люди спасаются только слабостью своих способностей, — слабостью воображения, недуманием, недодумыванием»¹⁴⁰. На следующий день еще одна запись: «Каждый день по 100 раз мысль вроде такой: “Вот я написал 3 новых рассказа, но теперь Юлий уже никогда не узнает их — он, знавший всегда каждую мою новую строчку, начиная с самых первых озёрских!”»¹⁴¹. Через день еще: «Я не страдаю о Юлии так отчаянно и сильно, как следовало бы, м<ожет> б<ыть>, потому, что не додумываю значения этой смерти, не могу, боюсь... Ужасающая мысль о нем часто как далекая, потрясающая молния... Да можно ли додумывать? Ведь это сказать себе уже совсем твердо: всему конец»¹⁴². Бунину предстояло еще долго и мучительно переживать смерть брата.

Жизнь Юлия наглядно иллюстрирует целую эпоху в истории России: начал революционную деятельность в студенчестве, попал в тюрьму, был сослан, после продолжил подпольную работу, а позже перешел к службе в земстве и народному просвещению. У многих молодых людей, прошедших 1870-е гг., схожая биография¹⁴³. Лучшие представители этого поколения не только исповедовали идеалы революционной борьбы, но и реализовывали их на практике: на всех этапах жизни они руководствовались принципами морального императива, общественного блага и долга перед народом. Безусловно, к числу лучших принадлежал и Юлий. Вероятно, поэтому его личная жизнь оказалась неустроенной, а последние годы наполнены драматизмом. У нас нет прямых свидетельств того, разочаровался ли Юлий в революции, но его судьба воплощает внутренний конфликт поколения русской интеллигенции 1870-х гг., чьи стремления вступили в противоречие с исторической реальностью.

Идеалы общественного служения и нравственного самосовершенствования Юлий пытался привить и брату. За годы

¹⁴⁰ Литературное наследство. Т. 110. Кн. 2. С. 166.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. С. 69.

¹⁴³ См.: *Лурье Л.Я.* Перепись народников: От Нечаева до Дегачева. СПб.: Нестор-История, 2022.

наставничества старший брат приобрел особое значение в жизни Бунина — то самое, о котором он вспоминал позже и которое отмечали многие современники: Юлий определил его круг чтения и представлений о литературе, поддержал первые литературные опыты и ввел в журнальный и издательский мир. Уже по названиям ранних текстов видно, что эстетические взгляды молодого писателя во многом определялись старшим братом, и Юлий воспитывал его в русле демократических и народнических ценностей второй половины XIX в. Благодаря репутации брата Бунин оказался «своим» сначала в радикальных кругах, а позже в левых литературно-общественных организациях, в которых принимал активное участие. Это участие носило системный характер и стало важнейшим фактором формирования мировоззрения, а также писательской социализации. Усвоенный при посредничестве брата опыт, безусловно, стал отправной точкой литературного пути Бунина.

1.3. Становление И.А. Бунина и литературная среда 1880–1890-х гг.

Размышляя о раннем периоде творчества, Бунин писал:

Начало моей новой жизни совпало с началом нового царствования. Плохие писатели писали тогда романы и повести, пошлые заглавия которых верно выражали сущность происходившего: «На переломе», «На повороте», «На распутье», «Смены»... Все и впрямь было на переломе, все сменялось: Толстой, Щедрин, Глеб Успенский, Златовратский — Чеховым, Горьким, Скабичевский — Уклонским, Майков, Фет — Бальмонтом, Брюсовым, Репин, Суриков — Левитаном, Нестеровым, Малый театр — Художественным... Михайловский и В.В.¹⁴⁴ — Туган-Барановским и Струве, «Власть земли» — «Котлом капитализма», «Устои» Златовратского — «Мужиками» Чехова и «Челкашем» Горького.

Первое время в том разнообразном, но все же довольно однородном обществе, в котором я бывал и черты которого мне были известны еще с Харькова, над всеми чувствами и мыслями преобладало одно — сознание того перелома, который совершился со смертью Александра III: все сходились на том, что совершилось нечто огромное — отошла в прошлое долгая пора тяжкого гнета, которого не было в русском обществе и политической жизни России со времен Николая I, и настала какая-то новая...

Далее писатель конспективно изложил несколько ключевых идеологем того времени:

«Россия — сфинкс». Религия Герцена — религия земли. «Община, артель — только на них, на этих великих началах, на этих святых устоях может развиваться Россия. И это — свет во тьме *мещанского* запада».

«И вот почему, среди скорби и негодования, мы далеки от отчаяния и протягиваем вам, друзья, нашу руку на общий труд. Перед нами светло и дорога пряма» (Герцен).

¹⁴⁴ Литературная подпись социолога и публициста либерально-народнического крыла В.П. Воронцова.

Вера в народную жизнь. Народничество влияло на все — на литературу, науку, жизнь. Народничество жило верой, что Россия войдет в светлое царство социализма. Народничество было проникнуто истинным религиозным пафосом.

Россия — страна особая, у России свой особенный путь развития. России предстоит великое слово — она скажет миру свое новое слово: вот положения, выражающие душу общественного и духовного движения за последние сто лет истории русского самопознания в девятнадцатом веке, вот история русского освободительного движения. Чаять будущего века — чаять светлого будущего.

Герцена спасала вера в социализм, в идеал.

Да, назначение русского человека — это, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Достоевский.

Пропагандисты, герои, борцы, мученики.

«Да, веры в будущее у нас было много! Мы чувствовали силы необычайные — нам давала их вера в народ». Мокриевич.

«О, если бы я мог утонуть, распастся в этой серой грубой массе народа, утонуть... но сохранить тот же светоч истины и идеала, какой мне удалось добыть на счет того же народа!» Михайловский¹⁴⁵.

Большинство бунинских выписок — из трактатов, заложивших основы народничества. Писатель принадлежал к тому поколению, чья молодость выпала на годы господства народнической идеологии в кругах интеллигенции, и обращение к интеллектуальному мейнстриму было самым очевидным путем для молодых людей в это время. Так, многие писатели, вступившие в литературу в 1880-е гг., сочувственно относились к народникам и формировали свое мировоззрение по моделям 1860–1870-х гг. В частности, народнические идеи сказались в ранних произведениях А.А. Блока, В.В. Вересаева, А.И. Куприна, Д.С. Мережковского, Н.М. Минского и др.¹⁴⁶ Несомненно, общая интеллектуальная атмосфера эпохи совместно с влиянием

¹⁴⁵ Бунин И.А. <Записи> // Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. С. 362–363.

¹⁴⁶ Например, см.: Волков А.А. Творчество А.И. Куприна. М.: Сов. писатель, 1962; Келдыш В.А. Русский реализм начала XX в.; Петрова М.Г. Блок и народническая демократия; Минц З.Г. Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Блоковский сборник IX: Биография и творчество в русской культуре начала XX в. / отв. ред. З.Г. Минц. Тарту: [Б. и.], 1989. С. 44–57. (Ученые записки Тартуского ун-та; вып. 857); Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое лит. обозрение, 2008.

брата не могли не отразиться и на становлении Бунина. В этой связи задачей настоящего параграфа является определение роли народничества в формировании эстетических воззрений начинающего писателя. Мы предпримем попытку очертить основные имена и идеи народнической литературы, с которыми был связан Бунин, а также реконструировать сложный процесс взаимодействия автора с социокультурным контекстом эпохи 1880–1890-х гг.

Первые серьезные литературные опыты Бунина относились к середине 1890-х гг. и были связаны с народническими изданиями. Сам писатель вспоминал: «В Полтаве я впервые приступил более или менее серьезно к беллетристике, и первый же рассказ (без заглавия) послал в “Русское богатство”, руководимое тогда Кривенко и Михайловским. Михайловский написал, что из меня выйдет “большой писатель”»¹⁴⁷. Поддержка влиятельнейшего народнического критика предопределила сотрудничество Бунина с «Русским богатством» и отделившимся от него «Новым словом». За 1893–1898 гг. писатель поместил в журналах несколько стихотворений и семь рассказов: «Деревенский эскиз» (позже «Танька»), «Кастрюк», «На хуторе», «Неожиданность» («Вести с родины»), «На край света», «Тарантелла» («Учитель»), «Байбаки»¹⁴⁸. Несмотря на небольшое количество напечатанных текстов, этот период является важным в творческом пути писателя — периодом самоопределения и признания. Неслучайно именно этими рассказами Бунин открыл прозаический том Полного собрания сочинений 1915 г., ставшего итоговым для дореволюционного периода¹⁴⁹.

Со страниц «Русского богатства» и «Нового слова» к Бунину пришла первая известность. Например, А.М. Скабичевский писал о рассказе «На край

¹⁴⁷ Бунин И.А. Автобиографическая заметка. С. 337.

¹⁴⁸ См.: Тимохина Н.В. Ранние рассказы И.А. Бунина в «Русском богатстве» 90-х гг. XIX в. // Вопросы истории русской литературы и методики преподавания ее в средней школе / под ред. Ф.М. Головенченко, Б.В. Рождественского. М.: МГПИ, 1964. С. 325–343. (Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина; № 213); Морозов С.Н. Ранняя художественная проза И.А. Бунина в периодических изданиях 1887–1902 гг. // Филологические науки. 2023. № 1. С. 34–41.

¹⁴⁹ Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Пг.: Изд-во т-ва А.Ф. Маркса, 1915. Т. 2. Том открывает пейзажная зарисовка «Перевал», которая скорее является эпиграфом; за ней следуют рассказы «Танька», «Кастрюк», «На хуторе», «Вести с родины», «На чужой стороне», «На край света», «Учитель», «Байбаки» и т.д.

света» (1895): «Я не могу не поделиться тем сильным впечатлением, какое произвел на меня маленький эскизик г. Бунина. Это не повесть, не рассказ в истинном смысле этих слов. Вы не найдете здесь никакого сюжета, фабулы. Перед вами разворачивается просто-напросто картина, но какая поэтическая, захватывающая вас за душу картина! <...> давно уже не появлялось у нас ничего столь поэтичного, художественного, столь хватающего вас за самое сердце... Это уже не жанр, не бытописание, не этнография, не сухой и холодный протоколизм, а сама жизнь!...»¹⁵⁰

Рассказ «На край света» был посвящен статистику Д.И. Звереву, с которым Бунин в 1890-е гг. работал в Полтавской губернской земской управе. Зверев происходил из барнаульской крестьянской семьи, учился в Санкт-Петербургском университете, близко дружил с А.И. Ульяновым, принимал участие в революционной деятельности, а после служил в статистическом бюро Нижегородской губернской земской управы под руководством известного ученого-экономиста и писателя-народника Н.Ф. Анненского, откуда и перевелся к Юлию в Полтаву. Муромцева описывала совместные поездки Бунина и Зверева по земским делам: «Иногда статистик Зверев брал с собой молодого писателя, когда объезжал села и деревни для опросов, и это было большим наслаждением для него. Со Зверевым всегда бывало весело, Бунин любил его заразительный смех. Мог он и сравнивать тамошних мужиков с нашими великороссами, его восхищала их чистота, спорость в работе, домовитость и большая независимость. Восхищала и природа. Познакомился он и с местной интеллигенцией, среди которой были и увлеченные украинским движением. Возвращался он всегда очень освеженным, и после каждой поездки появлялся рассказ или стихи»¹⁵¹.

После одной из таких поездок Бунин и создал рассказ о переселении крестьян. «На край света» получил столь широкий общественный резонанс, что писателя пригласили прочитать этот рассказ на литературном вечере

¹⁵⁰ Скабичевский А.М. Литературная хроника // Новости и биржевая газета. 1895. 26 окт. № 295. С. 2.

¹⁵¹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 80.

петербургского Общества попечения о переселенцах, на котором зимой 1895 г. он познакомился со многими литераторами. В мемуарах Бунин так описал свои впечатления от того вечера: «...и сразу попадаю в общество знаменитостей, прочих участников вечера, уже собравшихся в артистической: “сам” Михайловский, “сам” Потапенко, — он тогда гремел на всю Россию, — затем Засодимский, Мамин, Минский, Баранцевич, — он славился как отличный чтец, — и “сам” Петр Исаевич Вейнберг, душа всех литературных вечеров Петербурга <...> из числа распорядителей вечера всплыла М.Г. Савина, а за нею <...> З.Н. Гиппиус, сопровождаемая сзади Мережковским»¹⁵². Тогда же Бунин посетил редакции журналов «Русское богатство» и «Новое слово» и встретился с С.Н. Кривенко, Н.К. Михайловским, Скабичевским. Кривенко, как отмечал писатель, отнесся к нему «с истинно-отеческой нежностью»¹⁵³. Из Петербурга Бунин отправился в Москву, где был принят в редакции «Русской мысли» и познакомился с В.А. Гольцевым и другими сотрудниками журнала, а также некоторыми писателями и критиками¹⁵⁴.

Обязательной частью «литературной» поездки Бунина было знакомство с Н.Н. Златовратским: «Когда я заходил к Златовратскому, он, по-толстовски хмурия свои косматые брови, — он вообще играл немного под Толстого, благодаря своему некоторому сходству с ним, — с шутливой ворчливостью говорил порой: “Мир-то, друзья мои, все-таки спасается только лаптем, что бы там ни говорили господа марксисты!” Златовратский из года в год жил в Гиршах в маленькой квартирке с неизменными портретами Белинского, Чернышевского; он ходил <...> и бормотал: Все эти марксисты, *декаденты* какие-то, все это, милый, эфемериды, накипь!»¹⁵⁵ О том, какое благоговение Бунин испытывал перед крупнейшим писателем-народником, можно судить по письму Юлию от 3 ноября 1897 г.: «Милый Юричка! Пишу тебе спешно и из всех сил прошу тебя исполнить мою просьбу *непрерывно тотчас же!* Дело в

¹⁵² Бунин И.А. Заметки // Критика и публицистика 1911–1953 гг. С. 380.

¹⁵³ Бунин И.А. Автобиографическая заметка. С. 338.

¹⁵⁴ Подробнее об окружении Бунина в эти годы см.: Двинятина Т.М. Литературный круг И.А. Бунина-поэта в 1895–1900 гг. // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 3. С. 126–147.

¹⁵⁵ Бунин И.А. «Записная книжка» // Критика и публицистика 1911–1953 гг. С. 385–386.

том, что петербургские студенты обратились ко мне с просьбой *написать адрес Златовратскому*. Я сдуру согласился. Но все-таки сам боюсь писать и умоляю тебя написать и тотчас прислать мне»¹⁵⁶. Еще в 1892 г. Бунин писал: «<Н.В. Успенский> не знал народа, не знал сердца мужика, — так, как, например, знает его Глеб Успенский или Златовратский»¹⁵⁷. Подытоживая эту поездку, молодой писатель даже выделил Златовратского в отдельную «эпоху»: «Я увидел сразу целых четыре литературных эпохи: с одной стороны — Григорович, Жемчужников, Толстой; с другой — редакция “Русского богатства”, Златовратский и ему подобные; с третьей — Эртель, Чехов, а с четвертой — те самые служители “новой красоты”, которые, по слову Мережковского, уже “преступали все законы, нарушали все черты”»¹⁵⁸.

Через год, в 1896 г. Бунин участвовал в аналогичном вечере Общества попечения о переселенцах и читал рассказ «Неожиданность» (позже «Вести с родины»). На вечере также выступали К.С. Баранцевич, П.В. Засодимский, Михайловский; и Засодимский пригласил Бунина участвовать в еще одном вечере, на котором тот согласился прочитать рассказ «Деревенский эскиз»¹⁵⁹. Так писатель постепенно вошел в литературную жизнь Петербурга и Москвы и утвердился в этой среде. Документы 1890-х – начала 1900-х гг. фиксируют глубокое почтение Бунина к писателям-народникам: в письме матери он называл «Русское богатство» «очень серьезным» журналом, «где участвуют лучшие литературные силы»¹⁶⁰; находился в дружеских отношениях с Кривенко и часто посещал редакцию «Нового слова»¹⁶¹; принимал участие в 30-летнем юбилее литературной деятельности Златовратского¹⁶²; посвятил рассказ «Руда» ялтинскому врачу и народнику С.Я. Елпатьевскому¹⁶³; преподнес книгу стихотворений Михайловскому с подписью

¹⁵⁶ Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 246.

¹⁵⁷ Бунин И.А. Забытый человек // Русская жизнь. 1892. 8 дек. № 333. С. 2.

¹⁵⁸ Бунин И.А. «Записная книжка». С. 384.

¹⁵⁹ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. С. 232–233.

¹⁶⁰ Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 177.

¹⁶¹ Там же. С. 229.

¹⁶² Там же. С. 243–244.

¹⁶³ Бунин И.А. Руда // Журнал для всех. 1901. № 8. Стб. 963–968.

«Глубокоуважаемому Николаю Константиновичу Михайловскому от автора»¹⁶⁴.

В этот период Бунин стремился не только сблизиться с кругами народников, но и мыслить в рамках их идеологием. Народнические убеждения начинающего писателя нашли наиболее полное выражение в его литературной критике. В первой статье «Наброски. Несколько слов к вопросу об искусстве» (1888) Бунин писал: «Искусство, как и наука, как и право и проч., точно также не может существовать ради самого себя; формула “искусство для искусства”, взятая в абсолютном смысле, является простым абсурдом; но отрицатели этой теории впали в другие крайности, низводя значение искусства до значения узкопрактического. Одна крайность вызвала, как это почти всегда происходит, другую, столь же нелепую»¹⁶⁵. В статье также упоминается трактат Д.И. Писарева «Разрушение эстетики» (1865), который представляет собой анализ диссертации Н.Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1853). Оба текста, без сомнений, были глубоко осмыслены молодым автором благодаря обсуждению со старшим братом и изучению под его руководством «некоторых университетских курсов: по политической экономии, истории и философии»¹⁶⁶.

Лишь заявленный в «Набросках» вопрос о назначении искусства стал предметом отдельного рассмотрения в статье «Недостатки современной поэзии» (1888): «...поэт должен проникаться всеми радостями и печалью людскими, быть искренним выразителем нужд и потребностей общества, направить ближних к добру и прекрасному»¹⁶⁷. Писатель сопровождал эти слова цитатой из пушкинского «Пророка» (1826) и провозгласил: «Вот истинное призвание поэта, если только на поэзию смотреть серьезно, как на могущественный двигатель цивилизации и нравственного совершенствования людей»¹⁶⁸. Называя достойные поэтического произведения темы, Бунин

¹⁶⁴ Литературное наследство. Т. 107. Кн. 2. С. 525.

¹⁶⁵ Бунин И.А. Наброски. Несколько слов к вопросу об искусстве // Родина. 1888. 7 февр. № 6. Стб. 86.

¹⁶⁶ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 39.

¹⁶⁷ Бунин И.А. Недостатки современной поэзии // Родина. 1888. 10 июля. № 28. Стб. 737.

¹⁶⁸ Там же.

подчеркнул исключительное значение гражданских мотивов: «Теперь почти вошло в моду, в противоположность недавнему прошлому, считать за особенное достоинство поэтических произведений, если они не касаются общественных вопросов, если в них не слышно “гражданских иеремиад”, как будто индифферентизм в этом случае — невесть какое преимущество»¹⁶⁹.

Свой вариант интеллигентского служения народу писатель предложил в статье, посвященной елецкому поэту-самоучке Е.И. Назарову (1888)¹⁷⁰: «...раздавались и раздаются у нас голоса о необходимости интеллигенции прийти на помощь народу <...> Мы полагаем, что представители интеллигенции сослужили бы большую службу народу, если бы принимали близко к сердцу умственные интересы народа, если бы, по крайней мере, сумели направить на истинный путь и способствовать совершенствованию тех проблесков народной мысли, которые сами собой начинают обнаруживаться»¹⁷¹. Иллюстрацией этой мысли стал разбор стихов из первой поэтической книги Назарова, среди которых автор выделил «Памяти Надсона», «Встреча Нового года», «Море житейское» и др. Пафос Бунина заключался в призыве «не упускать из виду подобных личностей, вводить их в круг широких, умственных интересов, стараться развивать эстетический вкус и пр. Личное знакомство и советы также могли бы сыграть здесь значительную роль. Литературная критика также не должна бы проходить молчанием эти явления и, при разборе подобных сочинений, нельзя ограничиваться одной иронией, что обыкновенно достается в удел им»¹⁷².

Еще один центральный народнический концепт обозначен Буниным в статье, посвященной А.М. Жемчужникову (1900). Причисляя поэта к писателям-шестидесятникам, он утверждал: «Эта “покаянная” пора, так же как и фигура “кающегося дворянина”, представляется некоторым теперь если и

¹⁶⁹ Бунин И.А. Недостатки современной поэзии. Стб. 738.

¹⁷⁰ Бунин И.А. Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е.И. Назарова // Родина. 1888. 12 июня. № 24. Стб. 630–634.

¹⁷¹ Там же. Стб. 630.

¹⁷² Там же. Стб. 634.

симпатичною, то все же несколько смешною и сентиментальною. Но на самом деле так могут думать лишь люди, оторвавшиеся от традиций недавнего прошлого или недостаточно разбирающиеся в них. В действительности эти “кающиеся дворяне” были воплощением общественной совести, людьми с повышенным нравственным настроением, с сознанием чувства долга, того чувства, которое не может быть уделом только какой-либо исторической эпохи, а должно быть явлением постоянным для всех времен, — разница может заключаться лишь в содержании стремлений общественной мысли»¹⁷³. Жемчужников и оказался для Бунина таким «кающимся дворянином», тем, кто «является либералом и демократом в истинном значении этих слов, в смысле истинного защитника свободы совести, слова и общественной инициативы, а не в смысле оппортуниста, приспособляющегося к обстоятельствам»¹⁷⁴.

Таким образом, отрицая искусство ради искусства и не признавая безыдейности в литературе, призывая интеллигенцию развивать литературный вкус народа и идеализируя фигуру кающегося дворянина, Бунин в литературно-критических статьях утверждал позитивистское понимание творчества. Подобные суждения указывают на то, что эстетические взгляды писателя были сформированы преимущественно в традициях демократической критики середины – второй половины XIX в.: Н.А. Добролюбова, Писарева, Чернышевского и наследовавших им Михайловского, Скабичевского и др. Об этом же свидетельствуют и бунинские журнальные обзоры конца 1880–1890-х гг., в которых он отмечал произведения В.Г. Короленко, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Г.И. Успенского и т.д.¹⁷⁵ и его

¹⁷³ Бунин И.А. Поэт-гуманист. По поводу 50-летнего юбилея литературной деятельности А.М. Жемчужникова // Вестник воспитания. 1900. № 3. С. 89–90.

¹⁷⁴ Там же. С. 91.

¹⁷⁵ См.: Периодические издания // Родина. 1888. 14 авг. № 33. Стб. 86–87; Литературный дневник. «Книжки Недели», IX // Южное обозрение. Одесса, 1898. 24 сент. № 594. С. 2; Литературный дневник. «Мир Божий», X кн. // Южное обозрение. 1898. 12 окт. № 611. С. 2; Литературный дневник. «Русское богатство», IX кн. // Южное обозрение. 1898. 26 окт. № 624. С. 3; Литературный дневник. «Русское богатство», X кн. // Южное обозрение. 1898. 7 нояб. № 636. С. 2; Литературный дневник. «Мир Божий», V кн. // Южное обозрение. 1899. 10 мая. № 805. С. 2. Об эволюции литературно-критических взглядов Бунина см.: Добровольски Ю. Литературно-критические взгляды И.А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Киев: Ин-т лит. им. Т.Г. Шевченко, 1985; Морозов С.Н. И.А. Бунин — литературный критик: дисс. ... канд. филол. наук; Дякина А.А., Кравченко А.А. Журналистика в творческой судьбе И.А. Бунина. Елец: ЕГУ, 2019.

литературно-критические статьи о И.С. Никитине, Н.В. Успенском, Т.Г. Шевченко, пронизанные гражданским пафосом¹⁷⁶. Бунин даже предполагал написать биографии Никитина¹⁷⁷ и Н. Успенского¹⁷⁸, но замыслы остались нереализованными.

Развитие народнических воззрений Бунина отражает его увлечение толстовством в полтавские годы. Как вспоминал Юлий, переселение толстовской колонии в Полтаву в 1891 г. «вызвало большое оживление» в городе:

В Полтаве поселились «лидеры» толстовского движения, в том числе И.Б. Файнерман (Тенеремо), братья Алехины, Дудченко, Б.Н. Леонтьев <...> Их своеобразная и аскетичная жизнь, совершенно не похожая на жизнь прочей интеллигенции (даже радикальной), их мужичья внешность, физический труд как профессия (большинство из них занималось столярничеством), приподнятый тон их речи, большею частью доктринальной и непримиримой, — все это, в особенности в первое время, производило на нас сильное впечатление. Даже такой человек из их среды, как И.М. Клопский, отличительной чертой которого было стремление огорошивать слушателей всякими парадоксами, человек, на мой взгляд, неискренний и по натуре грубый, привлекал к себе всеобщее внимание. <...> Обаянию толстовства в известной мере поддался и мой брат И.А. Бунин, тогда еще очень юный и только что вступивший на литературное поприще. Он служил в то время библиотекарем губернского земства. Брат открыл тогда небольшую книжную лавочку, в которой продавал исключительно произведения толстовской литературы фирмы «Посредник». Вместе с А.А. Волкенштейном он, между прочим, съездил в Сумской уезд Харьковской губернии к сектантам села Павловка для ознакомления и собеседования с ними¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Бунин И.А. Памяти Т.Г. Шевченко // Орловский вестник. 1891. 26 февр. № 56. С. 2; Бунин И.А. Забытый человек; Бунин И.А. Памяти сильного человека (По поводу 70-летней годовщины со дня рождения И.С. Никитина — 21 сентября 1824 г.) // Полтавские губернские ведомости. 1894. 21 сент. № 72. С. 2. Часть неофициальная.

¹⁷⁷ См. упоминания об этом в письмах: Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 317; 319. Также Бунин в октябре 1899 г. принимал участие в вечере Одесского литературно-артистического общества, посвященном памяти Никитина, и читал его стихотворения, см.: Там же. С. 607.

¹⁷⁸ См. подготовительные статьи: «Талант, выброшенный на улицу. По поводу самоубийства Н.В. Успенского» (статья не сохранилась, сведения о ней см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 309); «К будущей биографии Н.В. Успенского» (Орловский вестник. 1890. 31 мая. № 125. С. 3–4).

¹⁷⁹ Бунин Ю.А. Из жизни провинции в 90-х гг. С. 159–160.

Описываемый Юлием интерес молодого Бунина и радикальной интеллигенции того времени к учению Толстого закономерен¹⁸⁰. Несмотря на то, что идеологи народничества не принимали нового учения, некоторые постулаты толстовства почти полностью совпадали с народническими¹⁸¹. В известной степени призывы Толстого «опроститься», «сесть на землю» и «учиться у мужика» соответствовали стремлениям народников. Толстовство в 1880–1890-е гг. привнесло в нисходящее радикальное народничество новое содержание — идеи морального и нравственного самосовершенствования. Но практическая деятельность народников и толстовцев совпадала: они селились в деревнях и кормились собственным трудом. Это переходное состояние общества отметил Короленко в «Истории моего современника» (1906–1919):

Представление о «народе» со времени освобождения занимало огромное место в настроении всего русского общества. Он как туча лежал на нашем горизонте, в него вглядывались, старались уловить формы, роившиеся в этой туманной громаде, разглядеть или угадать их. При этом разные направления видели разное, но все вглядывались с интересом и тревогой и все апеллировали к народной мудрости. Не говоря о славянофилах, в системе которых народ занимал такое огромное место, но даже Катков и консерваторы указывали на «мудрость народа», который, по их мнению, вполне сознательно поддерживает устои существующего строя... Для Достоевского народ был «богоносец», а Иван Аксаков еще в 80-х годах любил в своей газете прибегать по разным поводам к речениям «русских мужичков», хотя бы эти «мужички» были, в сущности, толстосумы из крестьян, давно и с большим успехом перешедшие в купеческое звание. Это все равно. Уже самое происхождение из народа давало своего рода патент на обладание истинно народной мудростью. В одном рассказе Златовратского («Золотые сердца») выведен интеллигент из крестьян, медик Башкирцев. Он говорит почти нечленораздельно, но все чувствуют, что он знает что-

¹⁸⁰ Отношение Бунина к толстовству со временем менялось, но до последних дней он преклонялся перед Толстым-писателем. Подробнее см.: *Кучеровский Н.М.* «Мундир толстовства»; *Пономарев Е.Р.* И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: дисс. ... канд. филол. наук; *Пономарев Е.Р.* И.А. Бунин и Л.Н. Толстой (1880-е – 1900-е гг.).

¹⁸¹ О неприятии толстовства писал Михайловский в «Дневнике читателя» (Северный вестник. 1886. № 5–7), Н.В. Шелгунов — в «Очерках русской жизни» (Русская мысль. 1886–1891), Скабичевский — в статьях разных лет, объединенных в книгу «Граф Толстой как художник и мыслитель: Критические очерки и заметки» (1887).

то не известное мятущимся интеллигентам; и когда заговорит в нужную минуту, то скажет какое-то новое настоящее слово¹⁸².

Следующий этап писательского становления Бунина был связан с публикацией первого прозаического сборника «На край света и другие рассказы». Он вышел в 1897 г. в типографии О.Н. Поповой, народоволки и издательницы журналов «Русское богатство» и «Новое слово». Сборник был положительно встречен критикой, прежде всего — народнической. Например, Скабичевский писал: «Но все-таки это несомненный талант, имеющий все задатки развиться до чего-нибудь очень хорошего и видного. <...> у г. Бунина есть одна преобладающая, — не скажу идея, а, скорее, тема, на которой он более всего любит останавливаться и которая наиболее ему дается. Тема эта — изображение томительной скуки, какую испытывают люди, когда жизнь их пуста, бесцельна, ничем не наполнена, не согрета, особенно же если им приходится коротать свое никому не нужное существование где-нибудь в глуши непроглядной <...> “Тарантелла”. Это лучший рассказ г. Бунина, наиболее осмысленный и цельный»¹⁸³.

А.И. Богданович отмечал, что «в рассказах с еще большею силою проявилась поэтическая сторона таланта г. Бунина», а о рассказе «Кастрюк» писал: «...лучший в сборнике рассказ “Кастрюк”, бесподобно передающий тоскливое настроение старика крестьянина, вдруг оказавшегося не у дел за старостью и слабосилием. <...> Вдумчивость, какое-то любовное, задушевное отношение к природе, к деревне — таковы положительные достоинства г. Бунина как художника, умеющего схватить более характерные черты, сжато набросать картину и внести в нее настроение»¹⁸⁴. Первая книга стала несомненной удачей автора¹⁸⁵. Критики народнического направления активно

¹⁸² *Короленко В.Г.* Собр. соч.: в 10 т. / подгот. текстов и прим. С.В. Короленко и Н.В. Короленко-Ляхович; вступ. ст. А.К. Котова. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 6. С. 140–141.

¹⁸³ *Скабичевский А.М.* «На край света и другие рассказы» (СПб., 1897) // Сын Отечества. 1897. 23 мая. № 138. С. 2.

¹⁸⁴ *Богданович А.И.* Критические заметки // Мир Божий. 1897. № 2. С. 6–7. (2 паг.).

¹⁸⁵ Подробнее о рецепции первого сборника в критике см.: Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е гг.) / под ред. Н.Г. Мельникова. М.:

откликались и на последующие издания произведений Бунина. Например, сборник стихотворений «Под открытым небом» 1898 г. вызвал три благосклонных рецензии крупных критиков-народников: Скабичевского¹⁸⁶, Богдановича¹⁸⁷, Якубовича¹⁸⁸.

Издательница Попова выпустила также сокращенную версию бунинского сборника, состоящую из рассказов «На край света» и «Кастрюк», для бесплатного распространения в народных библиотеках и учебных заведениях. Однако обе книги встретили цензурные препятствия и не были одобрены цензурным комитетом. Как нам представляется, ориентация на народничество, открытое участие в левых литературных кружках, а также революционное прошлое брата могли сказаться на «благонадежной» репутации Бунина. Вероятно, с этими же обстоятельствами связано отклонение цензурой кандидатуры писателя на пост соредактора газеты «Южное обозрение», которую он вместе с тестем Н.П. Цакни, бывшим народовольцем-эмигрантом, хотел реорганизовать летом-осенью 1898 г. Формальной причиной отказа, значившейся в утвержденном министром внутренних дел докладе Главного управления по делам печати, стало то, что «Бунин не обладает образовательным цензом, соответствующим званию редактора»¹⁸⁹. Бунин действительно не окончил даже полного курса гимназии.

Как видно по выдержкам из цензурных рапортов, опубликованных А.В. Блюмом, члены комитета нередко обращали внимание на избираемые писателем темы: «...автор описывает тяжелое положение переселенцев, которые не по своей вине должны искать других мест»; «Во втором рассказе “На даче” описывается толстовец и противником ему является г. Примо —

Книжница; Русский путь, 2010. С. 23–70; Крутикова Л.В. «На край света» — первый сборник рассказов И. Бунина; Крылов В.Н. Ранняя проза И.А. Бунина в оценке литературной критики конца 1890-х — начала 1900-х гг. // Раннее творчество И.А. Бунина. С. 298–311.

¹⁸⁶ Сын Отечества. 1898. 28 сент. № 262. С. 4.

¹⁸⁷ Мир Божий. 1898. № 10. С. 74–75. (2 pag.).

¹⁸⁸ Русское богатство. 1898. № 12. С. 46–47. (2 pag.).

¹⁸⁹ Блюм А.В. Цензура о раннем Бунине // Русская литература. 1970. № 3. С. 133. См. также: Блюм А.В. Бунин и «Южное обозрение» // Дружба народов. 1968. № 7. С. 283–284. Полный корпус материалов, связанных с историей несостоявшегося утверждения Бунина, см.: Бакунцев А.В. Иван Бунин — несостоявшийся редактор газеты «Южное обозрение» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 124–142.

развратник, который хвалится своим пьянством и развратом <...> В рассказе “Вести с родины” описывается, как народ умирал с голоду, а помощи было мало. Самый длинный рассказ описывает, как спился сельский учитель Турбин. Вообще книга не заслуживает никакой степени одобрения»; «Бедная деревенская старуха, замерзающая среди дороги, так как была лишена приюта своими зятем и дочерью... удивительный выбор сюжетов для рассказов, предназначенных для чтения детям и народу»; «Молодой помещик, разговаривая с Мелитоном, старым отставным солдатом, задает ему разные вопросы. Один из них, например, такой: “Правда ли, что тебя гоняли сквозь строй?” На что Мелитон отвечал: “Правда”»¹⁹⁰. Переселение крестьян, голод в деревне, тяжелое положение сельской интеллигенции и пр. — традиционные народнические темы, которые, очевидно, не могли устроить «педагогическую» цензуру.

Тем не менее Бунин продолжил сотрудничество с детскими изданиями: в 1898–1900 гг. он опубликовал в журналах «Всходы» и «Детское чтение» рассказы «В деревне», «На “Чайке”» (позже «Казацким ходом»), «Кукушка», продолжившие народнические темы первого сборника и вошедшие в следующую книгу «Стихи и рассказы» из серии «Библиотека “Детского чтения”». К тому моменту у Бунина даже сложилась репутация детского писателя, о чем свидетельствует покровительственная рецензия Златовратского, написанная под псевдонимом¹⁹¹. По поводу этого отзыва Бунин раздраженно писал издателю В.С. Миролубову: «...прошу Вас как-нибудь загладить ошибку г. Оранского, — напечатать, что ли, поправку, — ошибку, возмутительную принципиально. Оранский напечатал у Вас заметку о двух моих книжках, о “Стихах и рассказах” и о “На край света”, отнеся их обе к числу книг для детей. Не говорю уже о том, что Оранский с необыкновенной снисходительностью толкует обо мне, точно мне не 30 лет, а 10 и точно я вчера начал печататься, — странно то, что он, видимо, не читал

¹⁹⁰ Блюм А.В. Цензура о раннем Бунине. С. 134–135.

¹⁹¹ Златовратский Н.Н. Бунин И.А. «На край света» и другие рассказы. СПб., 1897; Бунин И.А. Стихи и рассказы. М., 1901 // Журнал для всех. 1901. № 12. Стб. 1533. Подпись: Н. Оранский.

“На край света”»¹⁹². По всей видимости, последующее сближение Бунина с московским символистским издательством «Скорпион» и петербургским товариществом «Знание» в 1898–1900 гг. было направлено на преодоление этой репутации¹⁹³.

Обозначившаяся в конце 1890-х гг. тенденция к смене литературного круга указывает на постепенный отход писателя от народничества и поиск новых художественных и идеологических ориентиров. Несмотря на то, что и символисты, и знаньевцы с презрением относились к мужику (первые — в силу солипсизма, вторые — под влиянием М. Горького), этот процесс не носил характера резкого разрыва и не сопровождался публичной полемикой. Поиск Буниным новых эстетических и мировоззренческих опор в начале 1900-х гг. свидетельствует не столько об отрицании народнического опыта, сколько о его преодолении и начале формирования нового художественного сознания. Так, рубежной для этого этапа творчества стала публикация в 1900 г. на страницах журнала «Жизнь» поэмы «Листопад» и рассказа «Антоновские яблоки», которые привлекли пристальное внимание критики и обозначили резкую трансформацию поэтики автора¹⁹⁴. В эти годы Бунин обрел свой, ни на кого не похожий голос в литературе и вступил в зрелый период творчества.

Без сомнений, народничество оказало значительное влияние на Бунина в первое десятилетие его творчества: писатель вошел в литературу при посредничестве брата-народника; крупнейший теоретик народничества поддержал его ранние литературные опыты; молодой автор печатался в народнических изданиях и вращался в левых литературных кругах; общался

¹⁹² Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 395.

¹⁹³ О литературном окружении Бунина в эти годы см.: *Афанасьев В.Н.* И.А. Бунин и русское декадентство 90-х гг. (В порядке постановки вопроса) // *Русская литература.* 1968. № 3. С. 175–181; *Логвинов А.С.* Тема деревни в произведениях И.А. Бунина и писателей «Знания»: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. М.: МГПИ, 1977; *Михайлова М.В.* От любви до ненависти... (Творческие взаимоотношения И.А. Бунина и В.Я. Брюсова) // *Филологос.* 2018. № 4 (39). С. 53–61; *Двинятина Т.М.* Литературный круг И.А. Бунина-поэта в 1895–1900 гг.

¹⁹⁴ Подробнее см.: *Крутикова Л.В.* Проза И.А. Бунина начала XX в. (1900–1902) // *Русская литература XIX–XX вв.* / отв. ред. И.Г. Ямпольский. Л.: ЛГУ, 1971. С. 96–118. (Ученые записки Ленинградского гос. ун-та им. А.А. Жданова; № 355); *Пономарев Е.Р.* Системная перестройка поэтики И.А. Бунина в начале 1900-х гг. Трансформация идейного в философическое // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2025. Т. 24. № 2. С. 123–133.

со многими писателями-народниками и выказывал им искреннее уважение; был принят народнической критикой и последовательно ориентировал свое творчество на этот контекст; самое главное — писатель избирал соответствующие темы и выражал основные народнические идеологемы. Все это и позволило Бунину в интервью по случаю двадцатипятилетия творческой деятельности сказать: «Пережил я очень долгое народничество, затем толстовство; теперь тяготеем больше всего к социал-демократии, хотя сторонюсь всякой партийности»¹⁹⁵.

* * *

В середине 1930-х гг. Бунин оспорил свое же признание. В ряде мемуарных и публицистических очерков, набросков и отдельных записей эмигрантской поры писатель осмеял многих народников¹⁹⁶ и выразил однозначное неприятие основ народнического учения¹⁹⁷. Показательны в этом отношении и автобиографические эпизоды в романе «Жизнь Арсеньева» (1927–1952): Алексей Арсеньев, главный герой и alter-ego автора, относился к революционным воззрениям старшего брата с усмешкой¹⁹⁸, считал участие в

¹⁹⁵ Бунин И.А. Интервью // Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. С. 541.

¹⁹⁶ Например, см. о Златовратском: «Златовратский... Интереснейшая фигура! Сколько лет этот самый Златовратский был чуть не для всей интеллигенции истинно Иверской! Он искренне мнил себя великим знатоком народа (его самых основных “устоев”, глубины его души и “золотых сердец”, его “извечных чаяний”, его “подоплеки”, его языка, его быта). Он считал себя замечательным писателем, таким, что то и дело хмуро и презрительно трунил над Толстым, а если хвалил, то тоже как-то свысока, небрежно. Что Толстой! Он считал, что он и сам мудрец, в некоторых отношениях даже почище Толстого: “Да, талант, но и чепухи в голове немало”, нередко говорил он про Толстого <...>. И все хмурил свои большие брови, чувствуя, вероятно, до чего даже и наружность его может потягаться с толстовской наружностью, — эти брови, маленькие глазки, огромный лысый лоб, остатки длинных жидких волос, вообще весь его мужицко-патриархальный вид, вид какого-нибудь Псося Псоича, Псося Сысоича (излюбленные имена его героев из стариков)» (Бунин И.А. Записная книжка. С. 144).

¹⁹⁷ Например, см. в очерке об Эртеле: «Народничество? Но оказалось, что “народнические грезы суть грезы, и больше ничего... Вот организовать (вне всякой политики) какой-нибудь огромный союз образованных людей с целью помощи всяческому крестьянским нуждам — это другое дело... Русскому народу и его интеллигенции, прежде всяких попыток осуществления “царства божия”, предстоит еще создать *почву* для такого царства, словом и делом водворять сознательный и твердо поставленный культурный быт...” Социализм? “Но не думаешь ли ты, что он может быть только у того народа, где проселочные дороги обсажены вишнями и вишни бывают целы? Там, где посадили простую, жалкую ветелку и ее выдернут просто ‘так себе’ и где для сокращения пути на пять саженей проедут на телеге по великолепной ржи, — не барской, а крестьянской, — там может быть Разиновщина, Пугачевщина, все, что хочешь, но не социализм...” А потом — что такое социализм? “Жизнь, друг мой, нельзя ввести в оглобли!”» (Бунин И.А. Эртель // Критика и публицистика 1911–1953 гг. С. 357–358).

¹⁹⁸ См.: «Брату и в гимназии и в университете пророчили блестящую научную будущность. Но до науки ли было ему тогда! Он, видите ли, должен был “всецело отказаться от личной жизни, всего себя посвятить страждущему народу”. Он был добрый, благородный, живой, сердечный юноша, и все-таки тут он

харьковских и полтавских кружках малозначительным¹⁹⁹, отвергал постулат об общественном назначении искусства²⁰⁰ и т.д. Вслед за писателем исследователи однозначно констатировали: «Нет оснований не верить автору “Жизни Арсеньева” в том, что он *никогда* не разделял восторгов старшего брата перед “Перовской и Желябовым”; нет оснований не верить тому, что он “не мог слушать”, когда ему внушали, что “весь смысл жизни заключается в работе на пользу общества, то есть мужика или рабочего... какого-нибудь вечно пьяного слесаря или безлошадного Клима”»²⁰¹.

Однако материалы настоящей главы показывают обратное: Бунин не относился к народничеству формально. На раннем этапе творчества писатель принимал активное участие в радикальных кружках, с почтением относился к народникам, разделял многие их положения и благодаря авторитету брата воспринимался в этой среде как близкий ей автор. Последующие попытки переписать первые страницы биографии связаны, по-видимому, с переживанием и осмыслением революционных событий: мы предполагаем, что народническое движение в сознании писателя переплелось с разразившейся трагедией 1917 г. Несмотря на то, что народники имели лишь

просто врал себе или, вернее, старался жить — да и жил — выдуманными чувствами, как жили тысячи прочих. Чем вообще созданы были “хождения в народ” дворянских детей, их восстание на самих себя, их сборища, споры, подполья, кровавые слова и действия? В сущности, дети были плоть от плоти, кость от кости своих отцов, тоже всячески прожигавших свою жизнь. Идеи идеями, но ведь сколько, повторяю, было у этих юных революционеров и просто жажды веселого безделья под видом кипучей деятельности, опьянения себя сходками, шумом, песнями, всяческими подпольными опасностями, <...> мечтами об обысках и тюрьмах, о громких процессах и товарищеских путешествиях в Сибирь, на каторгу, за полярный круг! Что побуждало брата, превосходно кончившего и гимназию и университет только в силу своих совершенно необыкновенных способностей, весь жар своей молодости отдавать “подпольной работе”? Горькая участь Пилы и Сысойки? Несомненно, читая о ней, он не раз прослезился. Но почему же, подобно всем своим соратникам, никогда даже не замечал он ни Пилы, ни Сысойки в жизни, в Новоселках, в Батуристине? Во многом, во многом был он сын своего отца» (Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 96).

¹⁹⁹ См.: «В этой среде были, конечно, люди весьма разные не только по степени революционности, “любви” к народу и ненависти к его “врагам”, но и по всему внешнему и внутреннему облику. Однако, в общем, все были достаточно узки, прямолинейны, нетерпимы, исповедовали нечто достаточно несложное: люди — это только мы да всякие “униженные и оскорбленные”; все злое — направо, все доброе — налево; все светлое — в народе, в его “устоях и чаяниях”; все беды — в образе правления и дурных правителях (которые почитались даже за какое-то особое племя); все спасение — в перевороте, в конституции или республике... И вот к этой-то среде и присоединился я в Харькове. Уж как не подошла она мне!» (Там же. С. 174).

²⁰⁰ См.: «И к какой именно деятельности вы хотите готовиться? К литературной только или и к общественной, служебной? <...> — Общественность не дело поэта, — ответил я. Доктор взглянул на меня с легким удивлением: — Так что Некрасов, например, не поэт, по-вашему? Но вы все-таки следите хоть немного за текущей общественной жизнью, знаете, чем живет и волнуется в настоящий момент всякий честный и культурный русский человек?» (Там же. С. 65).

²⁰¹ Кучеровский Н.М. Братья Бунины. С. 89. См. также: Мальцев Ю.В. Иван Бунин. С. 50 и далее.

косвенное отношение к революции, в творчестве Бунина сформировался устойчивый психологический комплекс, вызванный утратой воспетой им дворянско-помещичьей России и эмиграцией²⁰². Усилил чувства писателя и процесс канонизации народников как борцов и мучеников в советской традиции в 1930-е гг.²⁰³ Эти обстоятельства неизбежно повлияли на то, что народничество в эмигрантской памяти Бунина оказалось неотделимо от образа исторической катастрофы, и предопределили резкость и непримиримость его суждений.

²⁰² Схожие травмы эмиграции исследовал П.Ф. Успенский на материале творчества В.Ф. Ходасевича: *Успенский П.Ф. Травма эмиграции: Случай Владислава Ходасевича*. Condé-sur-Noireau: Éditions Tourgueneff, 2024.

²⁰³ См. характерный эпизод о «хлебном диктаторе» в «Жизни Арсеньева»: «И ужасную неприязнь возбуждали два человека: бывший рабочий Быков, коренастый парень в блузе, в кудрявой голове которого, в толстой шее и выкаченных глазах было и впрямь что-то бычье, и еще один, по фамилии Мельник: весь какой-то дохлый, чахлый, песочно-рыжий, золотушный, подслепый и гнусавый, но необыкновенно резкий и самонадеянный в суждениях, — много лет спустя оказавшийся, к моему крайнему изумлению, большим лицом у большевиков, каким-то “хлебным диктатором”» (Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. С. 173).

Глава 2.

Традиции народнической литературы в раннем творчестве И.А. Бунина

В недавно опубликованных записных книжках Бунина нашелся лист, датируемый 1944 г., на котором писатель набросал фамилии наиболее авторитетных авторов 1880–1890-х гг.:

Салов, Наумов, Нефедов, Златовратский, Каронин, Гл. Успенский, Н. Успенский, Каразин, Гаршин, Альбов...

Короленко, Елпатьевский, Чехов, Потапенко, Серошевский, Мамин, Тихонов, Луговой, Будищев, Михеев, Федоров, Козырев, Баранцевич, Эртель.

Майков, Фет, Полонский, Случевский, Жемчужников, Голен<ищев>-Кутузов, Надсон, Минский, Фруг, Льдов, Фофанов, Гиппиус, Мережковский, Лохвицкая, Червинский, Лебедев, Коринфский, Медведев, Леонов, Белоусов, Ладыженский, Бальмонт, Брюсов, Сологуб...

Тихомиров, Скабичевский, Кривенко, Михайловский...

И уже ни одного, ни единого нет в живых! Чудовищно! Только Гиппиус²⁰⁴.

Среди них и признанные мэтры, и нарождавшиеся модернисты, но большинство — писатели и критики народнического лагеря. Со многими Бунин был знаком лично, с некоторыми — заочно, но так или иначе все они оказали влияние на писателя на заре его литературной карьеры. Е.Р. Пономарев отмечает, что, «в отличие от идейно-выстроенных “Воспоминаний”, в этой записи мы видим попытку объективной литературной автобиографии. Такой объективности Бунин никогда не достигал в своих официальных автобиографических сочинениях»²⁰⁵. Создание подобной объективной

²⁰⁴ Литературное наследство. Т. 110. Кн. 2. С. 488.

²⁰⁵ Пономарев Е.Р. История русской литературы XIX – начала XX вв. глазами И.А. Бунина (Один лист неопубликованной записной книжки) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 90.

литературной биографии является актуальной задачей в современном буниноведении, и, как следует из записи, особый интерес в этом контексте представляет народническая традиция, определившая писательское становление Бунина. Исходя из этого, целью настоящей главы оказывается сопоставление ранних лирических и прозаических произведений автора с произведениями писателей-народников и определение истоков и влияний его творчества.

2.1. Литературные ориентиры юношеской лирики И.А. Бунина

В поздние годы в разговоре с А.В. Бахрахом Бунин вспоминал об одном из первых поэтических опытов: «...вы, несомненно, приняли бы ближе к сердцу одну из самых ранних моих вещей, которую начал сочинять еще в Ельце <...>. О, это был “роман в стихах” — “Петр Лихачев”²⁰⁶. В чем там было дело, конечно, не помню, помню только, что мой роман был не чужд народнических тенденций, которые, честно говоря, были от меня дальше, чем Большая Медведица, но эти тенденции носились в то время в воздухе, и я ими невольно заразился»²⁰⁷. Далее писатель, «словно каясь», признавался, что, бросив гимназию, «с помощью брата сам себя образовывал, четыре года всецело отдав чтению, изгрызая любимых поэтов»: «К ним <...> притесался и Надсон. Не взыщите, время было такое, но эта “любовь” продолжалась у меня недолго»²⁰⁸. Собеседник также отметил, что Бунин «никогда <...> не забывал, что его первый (до того были только “пробы пера” с примесью надсоновщины) “настоящий” сборник стихов был издан “Скорпионом”»²⁰⁹. Таким образом, зрелый писатель скептически относился к своей юношеской лирике и

²⁰⁶ Аберрация памяти или ошибка Бахраха: поэма называется «Петр Рогачев». О поэме см.: Гольдин С.Л. О литературной деятельности И.А. Бунина конца восьмидесятых – начала девяностых годов. С. 9 и далее; Маркович В.Я. Традиционное и новаторское в поэзии И.А. Бунина (1883–1917): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького АН СССР, 1977. С. 11 и далее.

²⁰⁷ Бахрах А.В. Бунин в халате: По памяти, по записям. Bayville: Т-во зарубеж. писателей, 1979. С. 17–18.

²⁰⁸ Там же. С. 18.

²⁰⁹ Там же. С. 146.

воспринимал ее прежде всего через призму «надсоновщины» и «времени» народничества. Однако каким было это время и какие тенденции характеризовали народническую поэзию 1880–1890-х гг.?

Принято считать, что народническая поэтическая традиция является ответвлением некрасовской линии русской литературы²¹⁰. Действительно, поздняя лирика Н.А. Некрасова, сочувствовавшего народнической интеллигенции, стала исходной точкой для семидесятников: «Молодые лошади» (1876), «Ты не забыта», (1877), «Праздному юноше» (1878) и т.д. Как отмечал М.С. Макеев, при переходе от декабристской лирики к поэзии революционного народничества середины XIX в. произошло «овеществление», «опредмечивание» важнейших слов-сигналов: «Так, например, традиционное для высокой гражданской лирики слово “бич” обретает прямое значение. Если у декабристов и у Пушкина бичом “угнетают”, держат в рабстве, то у Некрасова бичом бьют, наносят раны, рубцы, шрамы. Это слово легко заменяется своим синонимом с более предметным значением — “кнут”, который у декабристов не мог быть использован в том же поэтическом ораторском контексте, что и бич»²¹¹. Именно это свойство поэзии Некрасова — сопротивление к символизации — и легло в основу поэтического строя народников.

Г.А. Мачтет, П.Л. Лавров, С.С. Синегуб и мн. др. продолжили некрасовские традиции, но сделали это по-своему, публицистически заостряя и закрепляя их. Если у Некрасова социальная проблематика сочеталась с глубокой языковой работой и напряженным взаимодействием лирического и эпического начал, то в народнической поэзии усилилась декларативность, и слово приобрело характер прямого высказывания. Многоуровневый

²¹⁰ Это представление закреплено в академических историях литературы, см.: *Григорьян К.Н.* Поэзия 70–80-х гг. // История русской литературы: в 10 т. / гл. ред. П.И. Лебедев-Полянский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. IX. Ч. 1. С. 419–445; *Лотман Л.М.* Демократическое направление в русской поэзии 50–70-х гг. // История русской поэзии: в 2 т. / отв. ред. Б.П. Городецкий. Л.: Наука, 1969. Т. 2. С. 78–123; *Лебедев Ю.В.* Поэзия 70-х гг. // История русской литературы: в 4 т. / гл. ред. Н.И. Пруцков. Л.: Наука, 1982. Т. 3. С. 584–605.

²¹¹ *Макеев М.С.* Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX в. // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой / редкол.: Г.В. Зыкова и др. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 99.

художественный образ в поэзии народников трансформировался в прозрачную революционную аллегория: «весенний гром», «гроза обновления» — революция; «ярмо угнетения», «ржавые цепи народной неволи» — царизм и т.д. В народнической лирике сформировалась целая система таких устойчивых слов-символов с неподвижно закрепленным за ними поэтическим смыслом. С литературной точки зрения поэзия 1870-х гг. представляет собой поэтическую публицистику, питающуюся массовой культурой и использующую художественные образы элитарного искусства в практических целях²¹².

В эпоху 1880–1890-х гг. усилилось разочарование в общественных идеалах, революционный пафос сменился исповедально-лирическими настроениями, а народнические аллегории были растиражированы и вульгаризированы. «Пламенные души», «святой идеал», «глухая печаль», «заветные мечты» и тому подобные готовые поэтические формулы кочевали из стихотворения в стихотворение, превращаясь в штампы. Поэзия этого периода формально оставалась связана с Некрасовскими и народническими традициями, но испытывала серьезное влияние новейших философских и этических учений. В частности, ницшеанскую линию репрезентируют такие авторы, как Л.И. Пальмин, П.Ф. Якубович и пр., с ней же связаны и написанные позднее в аллегорическом жанре произведения М. Горького. Для всех этих авторов характерен «культ творчества и творческой личности, который полностью уравнивал политический и эстетический радикализм»²¹³. Неслучайно самым популярным поэтом конца XIX в. был С.Я. Надсон, в чьем творчестве соединились демократические и романтические традиции, а лозунг «хождение в народ» был переосмыслен: идти в «толпу», но не призывать ее

²¹² Подробнее см.: *Осьмаков Н.В.* Поэзия революционного народничества. М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького АН СССР, 1961; *Гаркави А.М.* Н.А. Некрасов и революционное народничество. М.: Высш. школа, 1962; *Шигарева Ю.В.* Проблемы поэтики лирики народников: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.

²¹³ *Золотоносов М.Н.* «Есть ли в поле жив человек?» // Поэзия революционного народничества / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М.Н. Золотоносова. СПб.: Мирь, 2019. С. 53. (Репринт). О Золотоносове и его сборнике см.: *Холиков А.А., Хрушова В.Г.* Поэзия революционного народничества. От эдической практики к изучению форм взаимодействия литературы и журналистики // Вопросы литературы. 2021. № 3. С. 178–209.

революционному преобразованию общества, а страдать вместе с ней и по возможности утешать страждущих²¹⁴.

Поздненародническая поэтическая традиция занимала важное место в художественном сознании юного Бунина. Близость этой традиции наглядно демонстрирует его первое опубликованное стихотворение «Над могилой Надсона» (1887). Об увлечении Бунина творчеством Надсона писала Муромцева:

В это время в «Книжках Недели» появилось объявление о выходе отдельного издания стихов Надсона, имя которого «гремело» по всей России, им зачитывались даже в медвежьих углах сельские учителя, доктора, семинаристы, дети помещиков и сами помещики. Действительно, слава Надсона была всероссийской.

Это объявление взволновало юного поэта, — он потом признавался, смеясь, что всероссийская слава Надсона его очень окрылила, и он решил «самому добиться подобной славы». Был нетерпелив: сказано — сделано. Прежде всего надо скорее прочесть всю книгу целиком, чтобы понять, чем вызвана такая слава! Значит, нужно отправиться в Елец, в библиотеку, и внимательно прочесть стихи. Но как добраться до города? Кабардинка, как на грех, захромала. Рабочие лошади были заняты, да и их было уже мало. Евгений ни за что не дал бы, — как все мелкопоместные дворяне, он был жаден на лошадей. Что же делать? Решил идти пешком. Юлий отсоветовал, а мать поддержала, — она сама в один день с бабами ходила в Задонск на богомолье, а потому ей казались пустяками тридцать верст! <...>

Вышел он на заре и без отдыха дошел до Ельца. Вышел он на заре и без отдыха дошел до Ельца. Сначала шел по холодку большой дороги, а затем стало печь солнце, и от Становой он зашагал уже вдоль шоссе, часам к трем был у цели своего пути. Библиотекарша огорошила его:

— На Надсона запись. Раньше месяца не дождетесь.

Он чуть ни заплакал, — путь был немалый!

Стоял, молчал, не зная, что делать?

²¹⁴ Подробнее об основных поэтических тенденциях конца XIX в. см.: *Тарланов Е.З.* Между золотым и серебряным веком. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2001; *Безменова Л.П.* Поэзия С.Я. Надсона. Стилистика и версификация: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017; *Щенникова Л.П.* История русской поэзии 1880–1890-х гг. как культурно-исторический феномен. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002; Предсимволизм — лики и отражения / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: ИМЛИ РАН, 2020.

Но барышня оказалась милостивой: она читала его стихи в «Родине», знала его в лицо еще гимназистом, когда сама училась, и дала ему собственный экземпляр.

Это была настоящая радость. Он схватил драгоценную книгу и опрометью бросился из библиотеки, чуть не сшиб с ног встретившуюся ему на крыльце барышню и, идя по мостовой в трактир, чтобы закусить и напиться чаю, не отрываясь, читал стихи за стихами²¹⁵.

Стихотворение «Над могилой Надсона» было создано Буниным под впечатлением от смерти двадцатичетырехлетнего поэта-народника от чахотки в Крыму:

Угас поэт в расцвете силы,
Заснул безвременно певец;
Смерть сорвала с него венец
И унесла под свод могилы.
В Крыму, где ярки неба своды,
Он молодые кончил годы
И скрылись в урне гробовой
Его талант могучий, сильный,
И жар души любвеобильной,
И сны поэзии святой!..

Он мало жил, но благородно
Служил искусству с детских лет;
Он был поэт, душой поэт,
А не притворный, не холодный;
Могучей силой песнопенья
Он оживлял мечты свои;
В нем сердце билось вдохновеньем
И страстью искренней любви!
Корысть и ненависть глубоко
Он благородно презирал...

И, может быть, удел высокий
Его в сей жизни ожидал!..

Но ангел смерти быстrokрылый
Его уста оледенил,
И камень с надписью унылой
Его холодный труп сокрыл.
Умолк поэт... Но вечно будет
Он жить в преданиях времен,
И долго, долго не забудет
Отчизна лиры его звон!

Она должна теперь цветами
Гробницу юноши повить
И непритворными слезами
Его могилу оросить!

«Спи ж тихим сном!» — скажу с тоскою
И я, вплетая лепесток
Своей неопытной рукою
В надгробный лавровый венок²¹⁶.

²¹⁵ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 42–43.

²¹⁶ Бунин И.А. Над могилой Надсона // Родина. 1887. 22 февр. № 8. Стб. 228.

Стихотворение представляет собой характерный ученический опыт, в котором отразился почти весь устойчивый репертуар русской поэзии XIX в. Текст написан преимущественно четырехстопным ямбом и состоит из пяти строфических блоков неравного объема; его интонация развивается от элегически-скорбного сообщения о смерти поэта к торжественному утверждению его посмертной славы. Образная система стихотворения построена на традиционных формулах поэтического некролога: «угас поэт», «заснул безвременно певец», «смерть сорвала с него венец», «лиры его звон», «лавровый венок». Эти образы имеют двойной источник: с одной стороны, они восходят к массовой мемориальной поэзии 1880-х гг., сложившейся вокруг смерти Надсона, а с другой — к пушкинско-лермонтовскому мифу о гибели поэта.

Ранний уход Надсона потряс Россию и вызвал немедленную реакцию образованной части общества: литераторы организовали сбор средств на памятник поэту, издали сборник некрологов, воспоминаний и стихотворных посвящений, а также утвердили в критике представление о нем как о центральной фигуре «больного поколения» 1880-х гг.²¹⁷ Поскольку Надсон умер за десять дней до пятидесятилетней годовщины со дня гибели А.С. Пушкина, авторы нередко использовали призму 1837 г. для осмысления трагической кончины поэта²¹⁸. Бунинское стихотворение, воспроизводящее интонацию лермонтовского «Смерть поэта» (1837), органично вошло в этот ряд (в сохранившемся черновом автографе даже снабжено эпиграфом из «Смерти поэта»: «Замолкли звуки дивных песен, // Не раздаваться им опять; // Приют певца угрюм и тесен, // И на устах его печать»²¹⁹).

Вместе с тем в стихотворении заметны и штампы поэзии современников, принадлежащие тому кругу позднеромантической и надсоновской

²¹⁷ См.: С.Я. Надсон: Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1887.

²¹⁸ Подробнее о формировании «пушкинского мифа» см.: *Весслинг Р.* Смерть Надсона как гибель Пушкина: «Образцовая травма» и канонизация поэта «больного поколения»; *Рейтблат А.И.* Буренин и Надсон: Как конструируется миф // Новое литературное обозрение. 2005. № 5. С. 122–153; С. 154–166.

²¹⁹ Цит. по: *Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского дома; Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 329. (Новая Б-ка поэта).

фразеологии, который был особенно распространен в 1880-е гг. («сны поэзии святой», «жар души любвеобильной», «могучая сила песнопенья», «страсть искренней любви»). Существенно, однако, что собственно народническая риторика здесь почти отсутствует: в тексте нет характерных мотивов борьбы, служения народу, революционного подвига или «цепей» народной неволи. Бунин воспринимает Надсона не как поэта-гражданина, а как поэта вообще — носителя вдохновения, любви и нравственной чистоты. Финал стихотворения особенно показателен: это не только жест памяти, но и самоопределение начинающего автора, который осознает собственное ученичество и стремится включить свой голос в уже сложившуюся традицию поэтического поминовения.

Как видно из записи Бахраха, Бунин не любил вспоминать об этом стихотворении и неоднократно подчеркивал, что считает своим дебютным произведением «Деревенского нищего» (1887)²²⁰, а о том, какие поэты вдохновляли его в годы юности, всякий раз писал с оговоркой: «Начал <...> под влиянием Пушкина, Веневитинова. Увлекался Надсоном (но недолго), Шиллером, Майковым»²²¹. Между тем поэтическому посвящению Надсону было суждено сыграть исключительную роль в жизни юного писателя и ознаменовать начало его пути в литературу. Так, в том же номере «Родины» на последней странице в рубрике «Почтовый ящик» редакция поместила для автора сообщение: «Ст. Измалково. *И.А. Бу-ну*. Трудитесь, со временем выйдет прок. Из присыла некоторые возьмем»²²². Эти слова стали первой публичной реакцией на ранние опыты автора.

²²⁰ В 1911 г. при ответе на анкету Ф.Ф. Фидлера Бунин писал о первом напечатанном произведении: «Стихотворение “Деревенский нищий”, отправленное и напечатанное в мае 1887 года (в “Родине”») (Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / собр. Ф.Ф. Фидлер. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 265). В марксовском собрании сочинений 1915 г. стихотворение «Деревенский нищий» получило подзаголовок «первое напечатанное стихотворение», а в «Автобиографической заметке», завершившей собрание, Бунин подкрепил этот факт подробностями: «В апреле 1887 года я отправил в петербургский еженедельный журнал “Родина” стихотворение, которое и появилось в одном из майских номеров. Утра, когда я шел с этим номером с почты в Озёрки, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не забуду» (Бунин *И.А.* Критика и публицистика 1911–1953 гг. С. 336).

²²¹ Первые литературные шаги. С. 265.

²²² Цит. по: Бунин *И.А.* Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 14.

Бунин продолжил художественное освоение наследия Надсона и в других стихах этого времени: в стихотворении «Поэту» (1888) развил темы «Над могилой Надсона»; обратился к характерному надсоновскому жанру «из дневника» (см. короткий цикл Бунина «Листки из дневника», 1888). В целом, в бунинской лирике второй половины 1880-х гг. неоднократно встречаются текстуальные и тематические сближения с поэзией Надсона:

<u>Надсон</u>	<u>Бунин</u>
Есть страдания ужасней, чем пытка сама, — Это муки бессонных ночей²²³. («Есть страдания ужасней, чем пытка сама», 1880)	Как измучился я, как от дум изнемог, Как устал от бессонных ночей²²⁵. («Листки из дневника», 1888)
Когда душа твоя истерзана страданьем И грудь полна тоской, безумною тоской, — Склонись тогда пред тем с горячим упованием, Кто — кротость и любовь, забвенье и покой²²⁴. («Когда душа твоя истерзана страданьем», 1879)	Кто испытал и тоску, и мученья, Знает, как сладко для сердца порой Стать на колени и все треволненья Вылить в молитве святой!²²⁶ («Кто испытал и тоску, и мученья», 1888)

Некоторые исследователи считают, что уже в стихах, созданных весной–летом 1887 г., заметно неприятие Буниным надсоновского мировидения. По наблюдениям Т.Г. Динесман, при сходстве поэтической интонации и образного строя бунинское «Не шумный бал, увенчанный цветами» (1887) полемизирует с «Грезами» (1882), а «Из записной книжки» и «Ночь тиха... Голубые зарницы» (1887) — со стихотворением «Из дневника» (1882). Отмечается, что лирический герой Надсона отказывается от «ярких снов фантазии своей», чтобы встать «в ряды борцов поруганной свободы», в то время как герой Бунина противопоставляет этим идеалам свой: «Надо верить, любить,

²²³ Надсон С.Я. Полн. собр. стихотворений / вступ. ст. Г.А. Бялого; подгот. текста и примеч. Ф.И. Шушковой. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. С. 131. (Б-ка поэта).

²²⁴ Там же. С. 97–98.

²²⁵ Бунин И.А. Листки из дневника // Родина. 1888. 29 мая. № 22. Стб. 572.

²²⁶ Бунин И.А. Кто испытал и тоску, и мученья // Родина. 1888. 21 февр. № 8. Стб. 290.

наслаждаться в эти тихие лунные ночи»²²⁷. Действительно, пафос уныния и скорби чужд бунинской юношеской лирике, но, несмотря на постепенное преодоление надсоновской картины мира, писатель на уровне стиля еще долгое время оставался зависим от его стихотворного языка. Вплоть до начала 1890-х гг. бунинская лирика переполнена штампами, характерными для поэзии Надсона: «невозвратные дни», «незабвенный образ», «призрак смерти», «грезы юности», «гнет скорбей», «больная грудь», «сладкие мечтанья», «светлые стремленья» и т.д.

В подобной стилистике и риторике было написано и стихотворение «Памяти Салтыкова-Щедрина», опубликованное в «Орловском вестнике» в первую годовщину смерти писателя в 1890 г.:

Кончен путь. Засыпана могила...	И пускай нередко упрекали
Для могучего, для нового труда	За твое глумленье над толпой, —
Светлый ум и творческая сила	Верь, что нет — без злобы и печали —
Не воскреснут больше никогда...	И любви, глубокой и святой...
Кончен путь. Но кончен не бесплодно, —	Оттого-то тяжкая утрата
Смерть тебя застала за трудом;	Вдвое всем покажется больней,
До конца все так же благородно	Всем, кому и дороги, и святы
Ты работал сердцем и умом.	Интересы родины своей...
До конца своим орлиным взором	И сегодня с искренней печалью
Озирал ты родины простор;	И с любовью скажет не один:
И тяжелой грустью и укором	Мир тебе в могиле молчаливой,
До конца светился грустный взор.	Мир тебе, великий гражданин! ²²⁸

²²⁷ Подробнее см.: *Динесман Т.Г.* По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина. С. 124 и далее. См. также: *Михайлов О.Н.* Строгий талант. С. 33; *Денисова Э.И.* Дооктябрьская поэзия И.А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1972. С. 47 и далее.

²²⁸ *Бунин И.А.* Памяти М.Е. Салтыкова // Орловский вестник. 1890. 28 апр. № 94. С. 2–3. Также см.: *Миокин М.* Стихотворение Бунина о Салтыкове-Щедрине // Русская литература. 1960. № 3. С. 204–206; Стихотворные отклики современников на смерть М.Е. Салтыкова / сост., вступ. ст. Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова; подгот. текстов Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова, Д.К. Равинского // Культура и текст. 2015. № 4 (22). С. 154–202.

В сопоставлении с «Над могилой Надсона» это стихотворение обнаруживает заметное изменение поэтической конструкции. Если надсоновское посвящение еще строилось как ученический вариант высокой некрологической лирики, насыщенной пушкинско-лермонтовской фразеологией, то в стихотворении о Салтыкове-Щедрине этот пласт почти исчезает. Вместе с ним уходит и более живая, внутренне подвижная интонация раннего дебютного текста. «Памяти Салтыкова-Щедрина» звучит значительно однороднее: стихотворение организовано повтором формул («кончен путь», «до конца»), последовательным перечислением нравственных заслуг умершего и завершается общегражданской формулой «Мир тебе, великий гражданин!» (а не личным жестом ученика, как в финале «Над могилой Надсона»). Надсоновская лексика в этом стихотворении принимает более отвлеченный и педантичный характер: «светлый ум», «творческая сила», «тяжелая грусть», «искренняя печаль». Поэтическая речь утрачивает индивидуальную напряженность и подчиняется готовой системе ценностей, близкой поздненароднической и неонароднической риторике: Салтыков-Щедрин предстает прежде всего как нравственно стойкий патриот, человек труда и служения.

Через год Бунин выступил со статьей «Новые течения» (1891), в которой от лица «Орловского вестника» писал: «В феврале нынешнего года в маленькой заметке нашей газеты было сказано несколько слов о том, что Комитет грамотности устроил подписку в память М.Е. Салтыкова с тем, чтобы на собранные деньги закупить книг и учебных пособий для бедных учеников некоторых школ. Мы тогда выразили только скромную надежду на то, что собранный комитетом капитал наверно будет увеличиваться. “Московские ведомости” с обычным усердием и своеобразной силой в слогe сейчас же обвинили “Орловский вестник” в неблагонадежности, в “передовых чувствах”, как они извоили выразиться»²²⁹. Писатель, в сущности, обвинил столичные органы печати в подстрекательстве, и, хотя, как пишет Бунин, это положение

²²⁹ Бунин И.А. Новые течения // Орловский вестник. 1891. 29 мая. № 139. С. 2.

дел сохранялось уже несколько лет, именно выпад «Московский вестник» по вопросу, связанному с Салтыковым-Щедриным, вызвал такую непримиримую реакцию молодого автора. Этот вопрос был столь принципиален для Бунина, что разногласие с редакцией повлекло его разрыв с «Орловским вестником», с которым он сотрудничал с 1888 г.

Отстаиванию другого идеолога и кумира поколения 1870-х гг. Бунин посвятил небольшую статью «Маленькая беседа» (1891). В ней писатель обратил внимание на заметку корреспондента журнала «Север», в которой тот утверждал, что в послепушкинскую эпоху «поэзия упала: явился Некрасов, внес новый дух, дал новые мотивы, но под конец “совсем исписался, печатал зачастую невообразимый вздор, давал кучу никуда не годной дряни”. Разные последователи его понесли ту же участь: так, напр<имер>, Надсон, которого, было, стали венчать лаврами, “читают теперь одни жида”. К счастью, так продолжалось недолго: общество сознало, что только Фет и его мотивы — истинная поэзия»²³⁰. Оспаривая эти положения, молодой писатель поддержал социальные мотивы некрасовской поэзии: «Некрасов — представитель нового духа поэзии, поэт, затронувший общественные мотивы; затронул он их, может быть, и неверно, но как же говорить, что совсем-то не следует затрагивать таких мотивов? Какое же это будет “развитие”, какое же это движение “колеса”, с которым автор заметки сравнивает общественную жизнь? И можно ли “жечь сердца людей” фетовскими стихотворениями? Мы вовсе не отрицаем их значения, но разве уж только в них в одних значение?...»²³¹

Судя по письмам, Бунин неоднократно обращался и к произведениям Салтыкова-Щедрина, и к стихам Некрасова²³². Однако если интерес к фигуре сатирика представляется нам отзвуком общего настроения передовых кругов, то внимание к художественным принципам некрасовского творчества неслучайно для Бунина. Во многих бунинских текстах конца 1880-х — 1890-х гг. встречаются цитаты из Некрасова. Например, в посвященном

²³⁰ Бунин И.А. Маленькая беседа // Орловский вестник. 1891. 27 янв. № 27. С. 2.

²³¹ Там же.

²³² См. предыдущий параграф.

Н.В. Успенскому очерке автор писал: «Судьба Никитина, Решетникова, Помяловского, Надсона, Левитова и подобных им несчастливцев, которым словно на роду было написано “что-то роковое”, всякому известна»²³³ (цитата из «В больнице», 1855). Или в рассказе «На даче» один из героев провозглашал: «Так я тебе скажу, мой милый, что мысль Софьи Марковны совершенно справедливая. И твоя обычная ирония тут ни при чем. “Оставь ее отжившим и нежившим!”» («Я не люблю иронии твоей», 1850)²³⁴.

Стихи молодого Некрасова превращаются в контексте интеллигентского спора героев «На даче» в риторическую декларацию, которая, с одной стороны, звучит расхожей цитатой, с другой — «выпрямляет» (известная метафора Г.И. Успенского) поэтическое творчество до банального приема дискуссии. Полагаем, что молодой писатель не только вводит в текст — как черту времени — реальные, хорошо знакомые ему по разного рода интеллигентским салонам, разговорные приемы 1890-х гг., демонстрирующие актуальность некрасовской поэзии для самых разных общественных кругов. Но вместе с тем приземленное отношение к некрасовской поэзии, использование Некрасова «для красного словца» не лучшим образом характеризует персонажа, имеющего, казалось бы, некоторое отношение к искусству (Некрасова цитирует Илья Подгаевский, весьма неприятный субъект).

В 1902 г. Бунин, отвечая на анкету «Отжил ли Некрасов?», проводившейся газетой «Новости дня», оставил восторженный отзыв о поэте: «Я очень люблю Некрасова и часто перечитываю его с большим удовольствием. Это большой и яркий талант: возьмите хотя бы некрасовский “Мороз, Красный нос” — какое это ослепительное великолепие! Как хороши в нем картины русской природы, как пленительны образы русской женщины. Я положительно удивляюсь, как Толстой, этот великий художник <...> не оценил поэтического дарования Некрасова. После Пушкина и Лермонтова Некрасов не пошел за ними, а создал свою собственную поэзию, свои ритмы, свои

²³³ Бунин И.А. К будущей биографии Н.В. Успенского // Орловский вестник. 1890. 31 мая. № 125. С. 3.

²³⁴ Бунин И.А. На даче // На край света и другие рассказы. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1897. С. 68.

созвучия, свой тон — между тем, как и Ал. Толстой, и Майков, и Полонский творили под влиянием Пушкина. По моему мнению, Некрасов далеко еще не отжил своего времени; и нескоро еще потеряет интерес, так как это был искренний и настоящий художник»²³⁵. Помимо высочайшей оценки поэзии Некрасова в этом отзыве примечательно то, что, защищая свои взгляды, молодой писатель публично вступил в спор с не менее почитаемым им Л.Н. Толстым.

Исходя из этой реплики, можно предположить, что Некрасов интересовал Бунина не столько как идеолог гражданского направления, сколько как художник русской природы и русской жизни и поэт-новатор, «создавший собственную поэзию, свои ритмы, свои созвучия, свой тон». Последнее подтверждается, например, тем, что в самом раннем из известных нам стихотворений Бунина «Клубился туман над рекою» (1883), слышна, как неоднократно отмечалось, ориентация на некрасовские дактилические двуступиши «Саши» (1855)²³⁶. «Деревенского нищего» исследователи традиционно сравнивают со стихотворением «Нищий» (1857) поэта некрасовской школы И.С. Никитина²³⁷, хотя в трехстопном анапесте можно видеть и следы влияния самого Некрасова.

Вторая ипостась некрасовского творчества — «как хороши в нем картины русской природы, как пленительны образы русской женщины» — соотносится с более общим интересом Бунина к «страшным загадкам русской души»²³⁸. Вероятно, именно из этой предпосылки проистекает пристальное внимание молодого автора к писателям — выходцам из народа: Е.И. Назарову, Никитину (бунинскому земляку-воронежцу), Н. Успенскому, Т.Г. Шевченко. В каждой из судеб, описанных в специальных биографических статьях, Бунин пытался выделить национальные черты характера: в Назарове — «стремление

²³⁵ Новости дня. 1902. 27 дек. № 7023. С. 3. См. также: *Афанасьев В.Н.* И. Бунин о Некрасове // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 249–250; *Фролова Т.Д.* Некрасов в восприятии Бунина // Русская литература и освободительное движение. Казань: [Б. и.], 1972. Вып. 3. С. 3–16. (Ученые записки Казанского пед. ин-та; т. 107).

²³⁶ Например, см.: *Динесман Т.Г.* По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина. С. 137.

²³⁷ Например, см.: *Михайлов О.Н.* Строгий талант. С. 33–34.

²³⁸ *Бунин И.А.* Заметки. С. 378.

к истине» и «нравственное достоинство»²³⁹; в Никитине — «физическую мощь» и «удивительную силу духа»²⁴⁰; в Н. Успенском — желание «делать все по-своему» и не идти «по обычной для многих дорожке»²⁴¹; в Шевченко — «искренность, задушевность и малороссийский юмор»²⁴².

Статью о Н. Успенском Бунин завершил стихом Некрасова: «Нет, слушая рассказы о Н<иколае> В<асильевиче>, представляя себе его одинокую, загубленную жизнь, я не смел улыбаться вместе с другими. Думал я горькую думу!...»²⁴³ Лирический герой стихотворения «В больнице» — умирающий нищий писатель — «думал горькую думу» о судьбах литераторов:

...в нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое —
Не было б точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!
Чтоб одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит²⁴⁴.

Цитаты из этого стихотворения несколько раз встречаются у Бунина, — несомненно, с ранних лет знавший нужду писатель обрел в лице Некрасова соратника по мироощущению. Таким образом, некрасовское творчество вобрало в себя те тенденции, которые в ранний период были особенно значимы для Бунина: работа с поэтическим словом, интерес к русской жизни и народной судьбе (в том числе писательской), а также внимание к основам национального характера.

²³⁹ Бунин И.А. Поэт-самоучка. Стб. 632.

²⁴⁰ Бунин И.А. Памяти сильного человека. С. 2.

²⁴¹ Бунин И.А. К будущей биографии Н.В. Успенского. С. 3.

²⁴² Бунин И.А. Памяти Т.Г. Шевченко. С. 2.

²⁴³ Бунин И.А. К будущей биографии Н.В. Успенского. С. 4.

²⁴⁴ Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений: в 3 т. / под ред. М.С. Маковского. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2021. Т. 1. С. 432. (Новая Б-ка поэта).

Наряду с этим Т.М. Двинятина отмечала, что «народнические мотивы ранней бунинской лирики питались и творчеством поэтов, легко совмещавших гражданские, пейзажные и любовные темы. Так было, например, с лирикой А.Н. Плещеева, при возможном посредничестве которого в стихи начинающего Бунина пришли и характерная риторика (ср. “Страдал он в жизни много, много...” и “Поэту” Плещеева — с одной стороны, и “Над могилой С.Я. Надсона” и “Поэту” Бунина — с другой), и конкретные сюжеты: во всяком случае, в “Деревенском нищем” отзываются “Нищие” Плещеева»²⁴⁵. Среди поэтов «легко совмещавших» самые разные стилевые и идейные тенденции может быть назван и К.М. Фофанов. Бунин неоднократно обращался к его стихам и вспоминал, что «познакомился с некоторыми молодыми поэтами из плеяды Фофанова, — самого Фофанова, к сожалению, не видал»²⁴⁶. В частности, в письме брату от 22 июля 1890 г. он процитировал стихи Фофанова и соотнес их с творчеством Полонского: «...ты не подумай, что я стал вообще вля к поэзии, к красоте в любви и природе. Нет, я все такой же. В настоящее время все читаю Полонского и очень часто испытываю ощущение, которое характеризовал Фофанов: “Он мрачен, он угрюм, *душа его полна // Каких-то смутных слов и ноющей печали // И плачет, как струна...*”»²⁴⁷

В этом отношении показательно и то, что критика — и народническая, и символистская — не признавала ни в Бунине, ни в Фофанове «своих». С одной стороны, Якубович рассматривал Бунина и Фофанова в одном ряду представителей упадка русской поэзии 1890-х гг.²⁴⁸, а с другой — В.Я. Брюсов в переписке с П.П. Перцовым признавал творчество поэтов 1880–1890-х гг. (среди которых Фофанов и Бунин оказывались опять же в одном ряду)

²⁴⁵ Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01. СПб.: ИРЛИ РАН, 2015. С. 29–30.

²⁴⁶ Бунин И.А. «Записная книжка». С. 384.

²⁴⁷ Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 34. См. также письма от 6 марта 1891 г. (Там же. С. 68); 14 мая 1891 г. (Там же. С. 84); 12 июля 1893 г. (Там же. С. 181).

²⁴⁸ См. цикл «Современные миниатюры»: Якубович П.Ф. Очерки русской поэзии. СПб.: Изд. ред. журнала «Русское богатство», 1904. С. 281–369. Подпись: Л. Мельшин.

«вырождением» классической поэзии²⁴⁹. И для народников, и для символистов была одинаково чужда эта линия поэзии конца XIX в.: «Если первые критиковали эту поэзию за отход от “заветов” “пушкинской школы”, то вторые — за чересчур механическую приверженность им. Критики-народники усматривали этот кризис в забвении пушкинских норм естественности, целостности, то есть правдивости переживания. Поэты-восемидесятники слишком оригинальничают, передают не чувство, а “извивы” чувства, в результате оно мельчает, дробится, сбивается на прозу. Критики-символисты не видели у своих предшественников никаких “извивов” и “тонкостей”. По сравнению с “тонкими ощущениями” поэзии того же Брюсова все “извивы” того же Фофанова или Бунина кажутся им детской игрушкой»²⁵⁰.

Наблюдение Двинятиной представляется нам очень глубоким и важным, поскольку позволяет точнее определить характер «народнических тенденций» в ранней лирике Бунина. Не приходится говорить о формировании последовательной гражданской программы, скорее — об одном из тематико-стилевых пластов юношеской поэзии, еще не отделенном от других ее составляющих. Народнические мотивы входят у начинающего автора в более широкий круг тем и интонаций, где гражданское переживание свободно сочетается с элегизмом, созерцательностью и медитативностью. Так, уже в черед «надсоновских» текстов 1887 г. появились сугубо лирические, пейзажные стихи: «Ночь тиха... голубые зарницы», «В глуши», «Воспоминание» и др. Стихотворения, прямо использующие народническую фразеологию или воспроизводящие близкие ей поэтические сюжеты, составляют лишь небольшую часть ранней лирики Бунина²⁵¹.

²⁴⁹ Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. 1894–1896 гг.: (К истории раннего символизма). М.: Гос. академия худ. наук, 1927. С. 9.

²⁵⁰ Сапожков С.В. Поэзия 1880–1890-х гг. под «перекрестным огнем» народнической и символистской критики // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 101. См. также основополагающую работу: Сапожков С.В. Русские поэты «безвременья» в зеркале критики 1880–1890-х гг. М.: Прометей, 1996.

²⁵¹ Показательно и позднейшее отношение самого Бунина к этому пласту своего творчества: в первом томе Полного собрания сочинений 1915 г. в разделе «Из юношеских стихотворений» лишь два текста могут быть рассмотрены как близкие народнической традиции по сюжету и фразеологии — «Деревенский нищий» (1887) и «Родине» (1898).

По мере формирования собственной поэтики народнические мотивы у Бунина все более ослабевали и встраивались в общий поток его лирики. Если у поэтов народнического круга социальное и гражданское начало нередко определяло самую основу поэтического высказывания, то у Бунина оно сравнительно рано оказывалось подчинено задачам иного порядка: передаче настроения, пейзажного впечатления, индивидуального душевного движения. В первой половине 1890-х гг. отвлеченные пейзажные стихи составляли большую часть бунинского поэтического корпуса²⁵². В этом смысле ранний Бунин не столько продолжал народническую поэзию, сколько усваивал отдельные образы, приемы, интонации и риторические ходы, перерабатывая их в русле собственной художественной системы.

Ярким примером того, как молодой писатель работал с заимствованными из народнической поэзии мотивами мятежа, бури, морской стихии и аллегорическими образами-символами, служит рассказ «Праздник» (1891), который может быть прочитан как стихотворение в прозе. Сюжет «сказки»²⁵³, как определил ее жанр автор, прост: стая альбатросов сообщает прилетевшим только что птицам, что скоро «праздник», то есть скоро буря. Альбатросы устремляются навстречу этому «празднику», а птицы, не поверив, отправляются за ними. Однако старый альбатрос был прав: их застала буря, и только «мокрые трупы перелетных птиц качались в прибое», а альбатросы «праздновали тот праздник, они жили порывами темной холодной бури»²⁵⁴. Рассказ, с одной стороны, опирается на долгую традицию европейского романтизма²⁵⁵, а с другой — на народничество. Интересно, что альбатросов — стая, вопреки романтическому эскапизму гордой и одинокой птицы. Вероятно, эта странность может быть прочитана в контексте народнической идеологии:

²⁵² См. разбор ранней пейзажной лирики Бунина: *Двинятина Т.М.* Поэзия И.А. Бунина: дисс. ... доктора филол. наук. С. 30–38.

²⁵³ О традиции литературной сказки у Бунина см.: *Шустов М.П.* Сказочная традиция в русской литературе XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Нижний Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 2003. С. 295–312.

²⁵⁴ *Бунин И.А.* Праздник // *Русская жизнь*. 1891. 25 дек. № 351. С. 3.

²⁵⁵ О романтических традициях в «Празднике» см.: *Калениченко О.Н.* Синтез традиций мировой литературы в сказке И.А. Бунина «Праздник» // *Наука. Искусство. Культура*. 2013. № 2 (2). С. 101–106.

народники отрицали индивидуальный подвиг и выступали за коллективное деяние. Тогда само собой напрашивается прочтение бури как революции, исторических катаклизмов, которые одновременно преобразят человечество.

Однако Ю.В. Мальцев справедливо называл интерпретацию сказки, «написанной якобы в духе поэзии революционного народничества и воспевающей, как и горьковский “Буревестник”, бурю-революцию», «фальшивой»: «Если это “революция”, то вид ее отвратителен. Здесь нет ничего общего с романтическим ее восхвалением»²⁵⁶. Если революционно-народническая аллегорика и присутствует в рассказе, то лишь как один из возможных кодов прочтения, причем код, заведомо осложненный самой образной системой рассказа. Бунина интересует не столько политический смысл бури, сколько описания предельных состояний: восторга перед силой стихии, необратимости гибели, контраста между бессилием птиц и почти демонической энергией альбатросов. Во многом экспериментальный для поэтики раннего периода рассказ «Праздник» относится к немногочисленным у автора аллегорическим сюжетам: «В летний вечер» (позже «В погоду»), «О милых людях», 1895; «Велга», 1898; «Три просьбы», 1901. По всей видимости, этот рассказ был известен Горькому и повлиял на него при создании «Песни о Буревестнике» (1901)²⁵⁷. Так, в творчестве Бунина этой поры приемы поэтической речи начинают все больше проникать в прозу, и «Праздник» ярко иллюстрирует этот тезис.

Итак, народнические традиции в ранней лирике Бунина не образовали устойчивой системы и были связаны главным образом с именами Надсона, Некрасова и кругом поэтов, соединявших гражданский пафос и традиции чистого искусства. Надсон был важен для Бунина прежде всего как поэт «больного поколения», в лирике которого гражданская скорбь утратила декларативность и приобрела форму личной исповеди. Эта особая надсоновская сентиментальность откликалась в бунинских стихах все

²⁵⁶ Мальцев Ю.В. Иван Бунин. С. 361.

²⁵⁷ Подробнее см. нашу статью: Зайцев Д.В. К. Бальмонт, И. Бунин и М. Горький: К истории создания «Песни о Буревестнике» // Раннее творчество И.А. Бунина. С. 288–297.

1890-е гг. Некрасовская традиция входила в его поэзию иначе: Некрасов воспринимался Буниным не как идеолог гражданского направления и кумир семидесятников, а как крупный художник, исследовавший в своих стихах сущностные явления русской жизни. Наконец, обращение к поэтам, совмещавшим разнородные стилевые и идеологические черты, позволило Бунину усвоить социально окрашенные мотивы вне жесткой идеологической заданности и в будущем соотносить их с лирическим переживанием, пейзажной созерцательностью и элегической исповедальностью. На этом фоне гораздо более значимой представляется ориентация молодого поэта на классическую литературную традицию первой половины XIX в., определившую основной корпус его ранних пейзажных стихотворений.

2.2. Жанровый генезис ранней прозы И.А. Бунина

Известно, что «ранняя бунинская проза вырастает из газетного бытового очерка, хорошо знакомого юному Бунину по газетной работе <...> и народническо-“прогрессистскому” кругу чтения»²⁵⁸. Действительно, к середине 1890-х гг. молодой автор имел уже немалый опыт журналистской работы. С конца 1880-х и всю первую половину 1890-х гг. Бунин был сотрудником нескольких провинциальных газет: в 1889–1892 гг. он служил помощником редактора газеты «Орловский вестник», для которой, по собственным воспоминаниям, «был всем, чем придется, — и корректором, и передовиком, и театральным критиком»²⁵⁹; в 1892–1894 гг. Бунин сблизился с газетой «Киевлянин», в которой его «ценили как автора серьезных корр<еспонденций>»²⁶⁰. Известны также выступления Бунина в газетах «Новости и биржевая газета» (Санкт-Петербург), «Полтавские губернские ведомости», «Русская жизнь» (Санкт-Петербург), «Харьковские губернские ведомости», «Южное обозрение» (Одесса). Нередко такие публикации выходили анонимно, поэтому мы можем предполагать участие писателя и в других столичных и провинциальных газетах.

Оценить объем газетной работы Бунина в силу той же анонимности большинства очерков сегодня трудно. По приблизительным подсчетам исследователей, общее количество бунинских газетных выступлений за первую половину 1890-х гг. исчисляется несколькими сотнями²⁶¹. В жанровом отношении это самые разные тексты: статьи, журнальные обзоры, книжные и театральные рецензии, заметки, отчеты, но в основном — корреспонденции

²⁵⁸ Пономарев Е.Р. Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И.А. Бунина // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 4. С. 182.

²⁵⁹ Бунин И.А. Автобиографическая заметка. С. 337.

²⁶⁰ Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 201.

²⁶¹ Подробнее см.: Дякина А.А., Кравченко А.А. Журналистика в творческой судьбе И.А. Бунина; Бакунцев А.В. Раннее критико-публицистическое и журналистское творчество И.А. Бунина (1888–1900 гг.) // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2023. № 2. С. 145–167; Бакунцев А.В., Морозов С.Н. И.А. Бунин — корреспондент газеты «Киевлянин» (1892–1894) // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2023. № 6. С. 192–210.

(из Ельца, Полтавы и т.д.). Чрезмерная активность и «всеядность» Бунина-газетчика связана с необходимостью дополнительного заработка. В письме брату от 27 июля 1890 г. он признавался: «Главным же образом строчу “Литературу и печать”, — заметки говенные и маленькие, а за месяц все-таки набирается денег до 15, а иногда с фельетоном 20 рублей. Две копейки за строку. Впрочем, за последнее время стал писать меньше: надоело, опошлишься. Да и ты вряд ли рад, как ты пишешь, что я строчу все это. Я, брат, помню твой совет не поддаваться “писательскому зуду”...»²⁶² Нужно полагать, что журналист Сергей, главный герой рассказа «Без роду-племени» (1899), высказывал созвучные автору мысли:

... у нас образовался «музыкально-драматический кружок», и я сам написал об этом событии корреспонденцию в «Летопись Юга». Корреспонденции увеличивают мое жалованье в земской управе рублей на восемь, на десять в месяц, и я аккуратно сообщаю в «Летопись» обо всех выдающихся городских событиях. С кривой улыбкой, я пишу газетным жаргоном о положении народной столовой и чайной, о полковых праздниках, о дамском благотворительном кружке, о доме трудолюбия, где бедные старики и старухи, измученные и обездоленные жизнью, обречены под конец этой жизни выполнять идиотскую работу — трепать, например, мочало... Пишу о том, что сельскохозяйственное общество «заслушало» и «передало в комиссию» чрезвычайно любопытный доклад под заглавием «К вопросу об урегулировании свиноводства», и тут же добавляю, что, «нельзя не отметить и другого отрадного факта: в среде местного интеллигентного общества, по инициативе ее превосходительства, супруги начальника губернии, возникла благая мысль организовать в нашем богоспасаемом городке кружок с целью проведения в жизнь и доставления публике здоровых и разумных развлечений...»²⁶³

Одновременно с этим газетная поденщина стала для молодого Бунина, не получившего полноценного образования, школой литературного мастерства, которая не могла не сказаться и на его художественном творчестве.

²⁶² Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 37.

²⁶³ Бунин И.А. Без роду-племени // Мир Божий. 1899. № 4. С. 23.

Характерно письмо А.И. Эртеля от 27 января 1898 г., в котором тот отмечал очерковый, газетный след в рассказах Бунина: «...упомяну о “Тарантелле”. Это один из лучших Ваших рассказов. Все тут, по-моему, совершеннейшая правда. Тип (учителя) нарисован смело, объяснен правильно, — включая и его “падение”; и тем не менее чем-то коробит этот рассказ, — я думаю — чуждым Вашему таланту реализмом; отсутствием поэтической перспективы — воздуха, как говорят живописцы, того воздуха, что смягчает назойливую грубость и чрезмерную “правдивость” вещей. Иными словами — “правда”-то рассказа только внешняя, — та самая, что видна обыкновенному, “обывательскому”, глазу — одним словом, это — правда превосходно написанной корреспонденции, а не художественного произведения»²⁶⁴.

На наш взгляд, в раннем художественном творчестве писателя сильны очерковые тенденции, и прежде всего они отразились в жанровом своеобразии прозы конца 1880-х – 1890-х гг. В этом отношении наиболее репрезентативны авторские жанровые определения рассказов: «Божьи люди» (1889) — очерк; «“Шаман” и Мотыка» (1890) — очерк; «Дементевна» (позже «Федосевна»), «Судоржный» (1891) — очерки из жизни обездоленных; «Мелкопоместные» (1891) — очерки из жизни елецких помещиков; «Помещик Воргольский» (1892) — из очерков «Старое и новое»; «На хуторе», «Неожиданность» («Вести с родины»), «Кастрюк» (1895) — очерки; «По Днепру» (1895) — из письма; «На край света» (1895) — из записной книжки; «В лесах» (1895) — из дневника; «Тарантелла» («Учитель», 1896) — из жизни деревенской интеллигенции; «Байбаки» (1896) — из быта мелкопоместных; «Без роду-племени» (1899) — из повести о современных людях; «Антоновские яблоки» (1900) — картины из книги «Эпитафии»; «Руда» («Эпитафия», 1901) — из книги «Эпитафии» и др. Без сомнений, таким образом Бунин подчеркивал связь с очерковыми традициями в современной ему литературе.

Жанр очерка на русской почве восходит ко французскому физиологическому очерку 1830–1840-х гг., повествующему о повседневной

²⁶⁴ Цит. по: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. С. 1067.

жизни горожан²⁶⁵. С подачи В.Г. Белинского в литературе 1840-х гг. утвердился именно этот «натуральный» очерк, для которого характерны отсутствие интриги и авторской оценки, экономия художественных средств и минимизация психологизма («Физиология Петербурга», 1845). Беллетристы тех лет, сосредотачиваясь на литературной социологии, стремились вывести сословные и профессиональные типы и тем самым обновить сферу изображаемого²⁶⁶. Продолжателями этой линии были Д.В. Григорович («Деревня», 1846; «Антон-Горемыка», 1847) и И.С. Тургенев («Записки охотника», 1852). Если Григорович избрал путь резкой смены объекта «физиологического» анализа (не городской житель, а крестьянин), то Тургенев ставил перед собой в чем-то контрфизиологичную задачу: не вывести единый тип «мужика», но показать индивидуальные и несоположимые судьбы отдельных крестьян. Во многом это удалось благодаря усложнению нарративной рамки очерков: в «Записках охотника» повествователь уже не наблюдатель частной жизни, а охотник, вступающий в особые отношения с крестьянами²⁶⁷.

Новые эстетические завоевания привнесла в очеркистику пореформенная эпоха. В 1861 г. Н.Г. Чернышевский сокрушался о предшествующей литературе: «...писали о народе точно так, как написал Гоголь об Акакии Акакиевиче. Ни одного слова жесткого или порицающего. Все недостатки прячутся, затушевываются, замазываются. Налегается только на то, что он несчастен, несчастен, несчастен... Читайте повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателями — все это

²⁶⁵ Например, см.: Французы, нарисованные ими самими. Парижанки / сост., вступ. ст. и ред. пер. В. Мильчина. М.: Новое лит. обозрение, 2014. (Культура повседневности). Подробнее о французском физиологическом очерке см.: Якимович Т.К. Французский реалистический очерк. 1830–1848 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

²⁶⁶ Подробнее см.: Манн Ю.В. Натуральная школа // История всемирной литературы: в 9 т. / гл. ред. Г.П. Бердников. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 384–396.

²⁶⁷ Дальнейшие нарративные эксперименты Тургенева в прозе привели к полной элиминации рассказчика и преодолению феномена (не)прозрачного сознания, см.: Вдовин А.В. Тургенев между мистикой и наукой // Тургенев И.С. Таинственные повести и рассказы / сост. А.В. Вдовин, А.С. Федотов. М.: Rosebud Publishing, 2019. С. 17–39; Вдовин А.В. Крестьянская речь и голоса в «Записках охотника» И.С. Тургенева и прозе о крестьянах до отмены крепостного права // Slověne. 2022. Т. 11. № 2. С. 168–186; Вдовин А.В. Прозрачное мышление и крестьянская субъективность в повести И.С. Тургенева «Постоялый двор» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 60–72.

насквозь пропитано запахом “шинели” Акакия Акакиевича»²⁶⁸. Именно безжалостная документальность и фотографизм отличали очерки 1860-х гг.: «Очерки народного быта» Н.В. Успенского (1858–1862), «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского (1862–1863), «Подлиповцы» Ф.М. Решетникова (1864) и пр. В отличие от беллетристов натуральной школы, шестидесятники не только фиксировали то или иное положение дел и выводили разные социальные типы, но и пытались анализировать причины происходящих в обществе перемен («Разоренье» Г.И. Успенского, 1868–1871). Как следствие, очерки этого периода характеризует активная авторская позиция, публицистическая направленность и обращенность к читателю («Письма об Осташкове» В.А. Слепцова, 1862–1863)²⁶⁹.

Наследуя литературным достижениям предшественников, писатели-народники обратились к более пристальному изучению крестьянской жизни, в то время как шестидесятников интересовал человек безотносительно его сословной принадлежности. На уровне стиля семидесятники расширили арсенал приемов художественного исследования действительности: насытили произведения этнографическими подробностями, социологическими размышлениями и даже экономическими и статистическими выкладками. Кроме того, очерк 1870-х гг. отличало стремление к циклизации: см. циклы «Сила соломѹ ломит» (1874) Н.И. Наумова; «Рассказы о парашкинцах» (1879–1881) Н.Е. Каронина-Петропавловского. Стержнем, скрепляющим циклы, была народническая идеология, и, как отмечается, народническое учение «придало целенаправленность (чего не было у шестидесятников) изучению русской деревни, дало возможность объединить разрозненные наблюдения общей мыслью, доминирующей проблематикой. Это обусловило и силу очерка, и слабость его ввиду противоречивости и утопичности самого

²⁶⁸ Чернышевский Н.Г. Не начало ли перемены? (Рассказы Н.В. Успенского. Две части. СПб. 1861 г.) // Современник. 1861. № 11. С. 83. (2 паг.).

²⁶⁹ Подробнее о поколении шестидесятников см.: Сажин В.Н. Книги горькой правды: Н.Г. Помяловский «Очерки бурсы». Ф.М. Решетников «Подлиповцы». В.А. Слепцов «Трудное время». М.: Книга, 1989; Печерская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX в.: Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (Мемуары, дневники, письма, беллетристика). Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1999.

учения»²⁷⁰. Так или иначе, народнический очерк сыграл важную роль в осмыслении крестьянской темы, сделав ее одной из центральных в общественном сознании эпохи.

Под влиянием народнической литературы к этой проблематике обратился и Бунин. Нам представляется, что для всех этих приемов писатель нашел новые, еще не выработанные в русской литературе, но заметные в синхронной европейской модернистской практике художественные основания²⁷¹. Во-первых, редукция интриги для такого типа очерка перестает быть связана с какой-либо целью, с желанием беллетриста сосредоточиться на анализе определенного явления. Ранний бунинский рассказ включает в себя эстетизирующий взгляд на мир:

Жаворонки заливались в теплом ясном воздухе. Весело и важно какакали грачи... Мирно зацвели цветы в густой траве около линии... Спутанный меринок, пофыркивая, мирно щипал подорожник, и дед чувствовал, как даже мерину хорошо и привольно теперь, на весеннем корму в ясное, тихое утро.

<...>

По дороге назад дед поболтал с пастухами и полюбовался на стадо.

— Чечеренское стадо-то? — спросил он.

— Его самого, — ответил подпасок и вдруг с криком «азад! азад, смертные!» бросился за свиньями.

Стадо привольно разбрелось по паре. Жеманно и в разные тона, тонкими голосками перекликались ягнята. Один из них, упав на колени, засовал мордочкой под пах матери и так нервно, торопливо, дрожа хвостиком и подталкивая ее носком, стал сосать, что дед засмеялся от удовольствия...²⁷²

(«Кастрюк»)

Повествователь предлагает любоваться жизнью во всех ее проявлениях, и именно созерцание и переживание бытия составляет подлинное содержание

²⁷⁰ Смирнов В.Б. Народнический очерк. С. 11. См. также: Шахов В.В. И.А. Бунин и традиции демократической беллетристики 60–70-х гг. XIX в.

²⁷¹ О разных исследовательских оптиках, касающихся этого вопроса, см.: Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой (1880-е – 1900-е гг.). С. 135–138. (Раздел «Модернизм и неореализм»).

²⁷² Бунин И.А. Кастрюк // Русское богатство. 1895. № 4. С. 130–131.

произведения. В центре оказывается не развитие конфликта или событие как таковое, а сама ткань существования — ощущение времени, случайные детали, мгновенные впечатления, из которых и складывается восприятие мира. В результате сюжет утрачивает организующую функцию: он не выстраивает действие и не ведет к кульминации, а лишь очерчивает минимальный событийный каркас, на который нанизываются наблюдения. Всем этим писатель последовательно смещает фокус художественного исследования от социального объяснения действительности, характерного для народнической и шестидесятнической прозы, к субъективному восприятию мира. Реальность для Бунина перестает быть объектом анализа и становится пространством внутреннего переживания, где значим не столько внешний факт, сколько его отражение в сознании. Этот сдвиг — от социологизирования к изучению устройства человеческого воображения — уже на раннем этапе обозначил одну из важнейших констант художественного мира Бунина: красота и обаяние мира важнее рассказываемой истории.

Во-вторых, Бунин метафоризирует ограниченность очерка. В прозе 1890-х гг. автор повествует не просто об одном дне из жизни героев, но об их последних днях:

В темном небе вспыхнула и прокатилась звезда. Он поднял глаза за нею и долго смотрел в небо. И от этой глубины и мягкой темноты звездной бесконечности ему стало еще легче. Хотя что-то волновало его, поднимались тревожные ощущения и мысли о смерти, о прожитом — в сущности, на них был ответ. Он ощущал в себе другое настроение, другой голос, который говорил: «Ну так что же? Все это было во веки веков и всегда будет!»

— Только как-же я прожил? — думал Капитон Иваныч, — хорошо или дурно?

— Не знаю, — сказал он сам себе. — Верно, надо было не так.

Он опять вспомнил свою молодую пору. Хотелось многого — любви, встреч, богатства, шумной жизни большого города. А он прожил одиноко, глухо...²⁷³

(«На хуторе»)

²⁷³ Бунин И.А. На хуторе // Русское богатство. 1895. № 5. С. 124–125.

В ранних рассказах Бунин регулярно создает образы стариков: старый барин из «Деревенского эскиза» (позже «Танька»), Капитон Иванович из «На хуторе», дед Кастрюк и лесник Кукушка из одноименных рассказов, Василь Шкут из «На край света», Яков Петрович из «Байбаков», Мелитон из «Скита» («Мелитон») и др. Все они остались «на стариковском положении»²⁷⁴, их судьба лишена динамики, конфликт заранее исчерпан, и само повествование фиксирует не развитие характеров, а постепенное угасание. Исследователи справедливо отмечают: «Старость в прозе молодого Бунина является производной от молодости/зрелости персонажей, это невозможность исполнения функций человека нестарого. <...> Старики у Бунина — лишние люди, лишние не в переносном, а в прямом смысле, лишние в жизни. Сюжетная роль персонажа-старика чаще всего заключается в реализации базовой для Бунина функции старости — демонстрации невозможности действия или полноценного действия»²⁷⁵.

Однако минимизируя сюжет и усиливая значение пейзажных описаний, писатель добивается эффекта любования угасанием. Событийная сторона повествования отступает на второй план: важным оказывается не то, что происходит с героем, а то, как переживается состояние приближающейся смерти. Бунина интересует не столько сам факт конца, сколько то, что ему предшествует — атмосфера, обнаженность чувств, ощущение замедленности времени и пр., — благодаря чему смерть и умирание перестают быть исключительно трагическими фактами и осмысляются как онтологически значимые и внутренне выразительные явления. Подобная сосредоточенность на предельных состояниях человеческой жизни соотносится с мироощущением рубежа XIX–XX вв. и обнаруживает родство с декадентской поэтикой, для которой характерны мотивы угасания, исчерпанности и хрупкости бытия. Таким образом очерковая форма, ориентированная у

²⁷⁴ Бунин И.А. Кастрюк. С. 128.

²⁷⁵ Николаев Д.Д. Старость как функция: Образы стариков в прозе молодого Бунина // Старость как сюжет: Сб. ст. / ред. С.А. Васильева, С.В. Денисенко, А.Ю. Сорочан. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. С. 219. (Время как сюжет; вып. 9).

народников на протокольную фиксацию и типизацию, у Бунина наполняется экзистенциальным содержанием.

В-третьих, бунинский нарратор подмечает в мире отдельные мелкие черты и подробности, которые оказываются чрезвычайно значимыми именно своей обыденностью. Например, «в кабинете был придвинут к лежанке стол, и на нем *тихо звенел догорающий самовар*»²⁷⁶; «дед только улыбался, легонько подталкивая лаптями *под брюхо кобылы*»²⁷⁷; «он свернул толстую папиросу из асмоловского табаку и все сидел у окна, *поджав под себя одну ногу*»²⁷⁸ (выделено нами — Д.З.) и т.д. Можно вспомнить, что в 1890 г. критик К.Н. Леонтьев в брошюре «О романах гр. Л.Н. Толстого. Анализ, стиль, веяние» обрушивался на писателей за подобные «натуралистические» подробности:

Нигде во всем перечисленном не коробит взыскательного ценителя ни то, что «Маня *зашагала* в раздумьи по комнате»; ни «“Тпрру” — сказал кучер, *с видом знатока глядя на зад широко расставляющей ноги лошади*»... Ни что-нибудь вроде: «Потугин *потупился*, потом, *осклабясь*, *шагнул* вперед и молча ответил ей кивком головы!» *На всем этом*, — и русском, и не русском, и древнем, и новом, — одинаково *можно отдохнуть* после столь долголетнего «шагания», «фырканья», «сопенья», «всхлипыванья», «нервного наливания водки», «брызганья слюною» в гнев²⁷⁹.

Важно отметить то, что Леонтьев видит корни этих физиологических подробностей в натуральной школе:

Но и граф Толстой все-таки прав, я это понимаю. Он прав двояко: он прав потому, что чувствовал долго непобедимую потребность *так, а не иначе* наблюдать, так, а не иначе выражаться; он не мог перейти к простому и чистому стилю последних, народных рассказов, не насытившись предварительно всеми этими

²⁷⁶ Бунин И.А. Деревенский эскиз // Русское богатство. 1893. № 4. С. 10.

²⁷⁷ Бунин И.А. Кастрюк. С. 136.

²⁷⁸ Бунин И.А. На хуторе. С. 121.

²⁷⁹ Леонтьев К.Н. О романах гр. Л.Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние (Критический этюд). М.: Тип. В.М. Саблина, 1911. С. 14.

пишками и колючками натуральной школы, не превзойдя далеко других (например, Тургенева) даже и на этой почве грубоватой преизбыточности. Не отслуживши до пресыщения одному стилю, трудно, а быть может и невозможно, художнику вступить на новый путь²⁸⁰.

У Бунина эти наблюдения, звуки и запахи передают медитативное настроение, обеспечивая ощущение физического, почти физиологического контакта с реальностью. Уже в первых рассказах автора чувственное восприятие наделяется самостоятельной художественной ценностью: мир не объясняется и не оценивается, как это часто происходило в очерковой прозе предшественников, а непосредственно переживается. С этим связан и особый эффект ностальгии, сопровождающий наблюдения повествователя: услышав запах или звук, мы должны окунуться в стихию воспоминаний. Память и воображение как бы замещают сюжет и действия героев, а их мысли лиризируют повествование. Бунин также искусно работает с эффектом нарушенных ожиданий: когда барин встречает Настьку, мы можем предполагать по предшествующему эпизоду жестокого обращения с мужиком, что с девочкой случится что-то ужасное; в рассказах «Кастрюк», «На хуторе», «Байбаки» мы ожидаем смерть героев в финале; в рассказе «На даче» предполагаем, что Гриша совершит самоубийство или уйдет из дома²⁸¹. Нарушение ожиданий подчеркивает вторичность фабулы по отношению к сознанию. Бунин словно проверяет границы очерковой формы, превращая ее из средства социального анализа в инструмент эстетического и психологического воздействия. Сохраняя внешние признаки народнического очерка — внимание к крестьянской и мелкопоместной среде, отражение черт и деталей их быта, короткий временной охват (чаще всего в рассказах описывается день героя от утра до вечера) — писатель меняет его внутреннюю организацию.

²⁸⁰ Леонтьев К.Н. О романах гр. Л.Н. Толстого. С. 22.

²⁸¹ В сохранившемся автографе рассказа «На даче» представлен план будущего текста. Среди прочего там есть пункт «С утра Миша весел, потом апатичен, лежит, стреляет» (ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8761 оф.).

Наконец, если классический очерк мотивирует свои границы исчерпанностью предмета — полнотой описания определенного общественного события или широтой обобщения того или иного типа, — то у Бунина это не так. Если принимать расхожую метафору фотографии при обсуждении очерка, то у Бунина возникает эффект случайности, будто объектив не направлен куда-то конкретно и произвольно выхватывает фрагменты бытия: сцены из жизни деревенской девочки; эпизоды дня деревенского старика; передвижения обнищавшего помещика по усадьбе и т.д. Эти «случайные» фрагменты лишены какой-либо интерпретации и вследствие такой нарративной обработки провоцируют символическое толкование. Частное начинает восприниматься как знак целого, впечатление — как обозначение экзистенциального состояния, и очерковая форма, утрачивая аналитическую функцию, сближается с модернистским рассказом. В целом все обозначенные нами стратегии работы Бунина с русской очерковой традицией — эстетизирующий взгляд, любование упадком, медитативные подробности, эффект случайности — направлены на то, чтобы создать настроение философизма и подтолкнуть к притчевому прочтению произведений.

Соединение приемов газетного очерка и модернистского повествования в ранних рассказах Бунина выглядит необычно и требует объяснения. В первую очередь нужно подчеркнуть то, что эпоха, в которую молодой писатель вошел в литературу, отмечена упадком журнала как литературной формы и переходом к более «быстрым» медиа вроде газеты, и в этом смысле обращение Бунина к очеркистике вполне современно. С другой стороны, модернистские элементы — субъективизация повествования, лиризация прозы, импрессионистичность — по своей сути не просто не свойственны жанру очерка, но противопоставлены ему²⁸². На наш взгляд, корни такого жанрового сращения можно искать не в прозаической традиции, а в поэтической.

²⁸² О жанре очерка на рубеже веков см.: *Завельская Д.А.* Очерк // *Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX вв. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза* / научн. ред. В.А. Келдыш, В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 397–436.

Классически ориентированный поэт Бунин уже в ранних прозаических произведениях пробует пойти по пути синтеза поэзии и прозы и применяет свой поэтический опыт в ранних рассказах. Так, обозначенная нами медитативность имеет, по всей видимости, элегические корни, а импрессионистичность и окказиональность — пейзажные²⁸³. Следовательно, модернистские модификации жанра очерка у молодого писателя обусловлены не внешним влиянием или отторжением реалистического направления, а внутренней логикой самого творчества.

Эти художественные принципы были наиболее отчетливо заявлены писателем в рассказах 1900-х гг. и определили основное направление дальнейшего развития его прозы. Показательно то, что при последующих публикациях в сборниках и собраниях сочинений Бунин постепенно перерабатывал эти рассказы, исключая очерковые черты и усиливая модернистские. Например, при подготовке тома прозы собрания сочинений писателя (1902) из рассказа «Тарантелла» были изъяты описания работников винокуренного завода, подробности жизни Кондрата Семеныча и детали конфликта пьяного Турбина. Схожие изменения претерпели рассказы, включенные в сборник «Перевал и другие рассказы» (1912): в «На хуторе» Бунин сократил фрагменты о болезни тетки и ее поездке в Задонск и некоторые эпизоды биографии Капитона Ивановича; в «На чужой стороне» (прежде «Святая ночь») — фрагменты с размышлениями старика о грядущей праздничной службе и описания сборов героев. Кроме того, перерабатывая журнальные публикации рассказов, писатель снимал жанровые подзаголовки (очерк, из быта мелкопоместных, из записной книжки, из письма и т.д.) и посвящения (Звереву в рассказе «На край света»; Елпатьевскому в рассказе «Руда» и пр.)²⁸⁴.

²⁸³ Подробнее о влиянии поэзии на прозу в раннем творчестве Бунина см.: Михайлов О.Н. Проза Бунина // Вопросы литературы. 1957. № 5. С. 128–155; Полоцкая Э.А. Взаимопроникновение прозы и поэзии у раннего Бунина // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1970. № 5. С. 412–418; Муценко Е.Г. В поисках первореальности. С. 45–59.

²⁸⁴ См. также показательный пример: Закружная З.С. «Федосевна» И.А. Бунина: На пути к лирической прозе // Раннее творчество И.А. Бунина. С. 87–97.

Эмблематическим примером можно считать «Антоновские яблоки». Этот рассказ публиковался десять раз, два из которых — в сборниках «Избранные рассказы» (1914; 1918) из серии «Народно-школьная библиотека». В остальных публикациях — трех изданиях тома рассказов собрания сочинений писателя (1902; 1903; 1904), сборниках «Перевал и другие рассказы» (1912) и «Перевал: рассказы 1892–1902 гг.» (1913), полном собрании сочинений (1915 г.) и эмигрантском сборнике «Начальная любовь» (1921) — в тексте рассказа последовательно вычеркивались точные временные определения, имена героев, топонимы и другие конкретные подробности. В частности, при подготовке собрания сочинений был исключен фрагмент с указанием на время действия: «Иногда на базаре услышишь запах сена и сразу вспомнишь сенокосы, *Петровки*, жаркие летние дни, вечерние зори... Иногда пахнет в окно вагона весенним ветром, сыростью земли — и сразу точно помолодеешь на несколько лет...»²⁸⁵ При включении в сборник «Перевал и другие рассказы» было вычеркнуто имя мужика в следующем фрагменте: «...если, например, мужик, насыпающий яблоки, и ест их с сочным треском одно за одним, мещанин не оборвет его, а еще весело скажет: // — Вали, *Матвей*, — делать нечего!»²⁸⁶; а также исключен отрывок, содержащий название деревни: «Это, конечно, не совсем справедливо, но некоторые мои воспоминания о наших *Выселках* отчасти подтверждают пословицу»²⁸⁷ (выделено нами — Д.З.). В сборнике «Начальная любовь» были убраны фамилии героев (тетки Кологривовой, шурина Клементьева²⁸⁸) и многие временные обозначения («через пятьдесят лет», «лет двадцать тому назад», «прошло почти пятнадцать лет»²⁸⁹).

Постепенно избавляясь от очерковых элементов, рассказ приобретал все более вневременное — и тем самым модернистское — звучание²⁹⁰.

²⁸⁵ Бунин И.А. Антоновские яблоки // Жизнь. 1900. № 10. С. 149.

²⁸⁶ Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Изд-во т-ва «Знание», 1904. Т. 1, изд. 3. С. 75–76.

²⁸⁷ Там же. С. 79.

²⁸⁸ Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Пг.: Изд-во т-ва А.Ф. Маркса, 1915. Т. 1. С. 168–169.

²⁸⁹ Там же. С. 163; 169; 175.

²⁹⁰ Подробнее о текстологии «Антоновских яблок» см.: Суртин М.Л. В творческой лаборатории И.А. Бунина (Работа над рассказом «Антоновские яблоки») // Русская литература XX в. (Доктябрьский

Неслучайно уже современная критика обратила внимание на то, что бунинская проза этого периода имеет особый характер повествования-настроения. Так, Н.Л. Геккер отмечал, что Бунин принадлежит к новому течению в литературе, которое «характеризуется господством в нем “настроения”. <...> Настроение г. Бунина есть вдохновение поэта и художника, которого интересует и трогает окружающее не само по себе и не в сложных отношениях общественного взаимодействия, а в живом и непосредственном влиянии на его авторскую душу, на его чувства, ум и весь психический строй»²⁹¹. Л.В. Львов-Рогачевский, характеризуя «Антоновские яблоки», писал, что автор «не повторяет старых поэтов, не имитирует, не занимается подделкой, он завершает наше вчера, он говорит *свое* слово и *последнее* слово о прошлом, об отходящем и отошедшем, он договаривает, что случилось с деревней, “где скучал Евгений”, где каялся “рыцарь на час”, где занимался естественными науками Базаров, где терзали себя рефлексией Гамлеты Щигровского уезда и где проводили время в разговорах Агарин из поэмы “Саша” и Ракитин из драмы Тургенева “Месяц в деревне”»²⁹². В эмиграции текст «Антоновских яблок» закономерно приобрел дополнительный оттенок: от рассказа-воспоминания об уходящей дворянско-усадебной России — к рассказу об ушедшей навсегда жизни.

Таким образом, ранняя проза Бунина демонстрирует сложный и внутренне напряженный диалог с очерковой жанровой традицией. Наследуя тематику и стилистику современного ему народнического очерка, писатель одновременно подверг этот жанр глубокой переработке: социологическая направленность уступила место эстетизирующему взгляду повествователя, анализ — медитативности, типизация — индивидуальному переживанию. Очерковая форма у Бунина перестала быть инструментом общественного

период). 1973. Сб. 4. С. 3–16; Морозов С.Н. Текстология рассказа И.А. Бунина «Антоновские яблоки» // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте. С. 704–727.

²⁹¹ Геккер Н.Л. «Настроение» в прозе. Ив. Бунин. Рассказы. Том первый. СПб. 1902 // Одесские новости. 1902. 11 июня. № 5657. С. 2.

²⁹² Львов-Рогачевский В.Л. Поэма запустения. (И.А. Бунин) // Современный мир. 1910. № 1. С. 19. (2 pag.).

анализа и превратилась в средство художественного мирозерцания и философского обобщения. Уже в 1890-е гг. в творчестве Бунина наметилось движение к формированию собственного, лирико-импрессионистического стиля, в котором поздние реалистические традиции XIX в. оказались не отвергнуты, а преодолены и преобразованы. Не отказываясь от жизнеподобия, фабульности и внимания к бытовым деталям, молодой писатель подчинил их другой художественной задаче: передать не сам сюжет или характер, а мгновенные впечатления и ощущения от него. Во многом развитие именно этих художественных решений определило дальнейшее развитие прозы писателя. От ранних рассказов 1890-х гг. тянется линия к «Жизни Арсеньева» (1927–1952) и позднеэмигрантским шедеврам, в которых эти установки получили наиболее совершенное выражение.

2.3. Сюжетология и типология характеров ранних рассказов И.А. Бунина

Из писателей-«народников» во времена моей ранней молодости еще были живы Николай Успенский, Глеб Успенский, Златовратский, Засодимский, Наумов, Нефедов. Все они еще пользовались большой известностью и очень читались, — особенно Глеб Успенский и Златовратский; читались и некоторые из более ранних, уже умерших — Омулевский, Левитов... Большого различия между ними их почитатели не делали. А меж тем различие было огромное: Левитов и оба Успенских были столь талантливы, что можно и теперь перечитывать их. Прочие «народники» были бездарны и забыты вполне справедливо.

Некоторые из рассказов Левитова поразили меня в ту пору, — особенно «Горбун», — поразили тем более, что связывались с его несчастным образом. Теперь о Левитове никто не знает, не помнит, а он был когда-то в первых рядах русской литературы и был не случайно, а с полным основанием, хотя талант его не развился даже и в десятой доле должной меры²⁹³ —

так Бунин в мемуарах вспоминал о некоторых писателях-народниках, влияние которых он осозновал в зрелые годы. К этому списку, безусловно, нужно добавить и А.И. Эртеля, с которым у Бунина были уважительные отношения. Неслучайно уже в эмиграции писатель посвятил ему биографический очерк «Эртель» (1929)²⁹⁴, а герои позднего бунинского рассказа «Чистый понедельник» (1944), действие которого происходит в Москве, навестили наряду с могилой А.П. Чехова могилу Эртеля²⁹⁵. Мемуарные оценки Бунина, безусловно, важны и позволяют очертить круг авторов, с которыми он соотносил собственную литературную позицию, но вместе с тем они не исчерпывают проблему литературных связей: следующий шаг состоит в том,

²⁹³ Бунин И.А. Заметки. С. 377–378.

²⁹⁴ См.: Там же. С. 352–358.

²⁹⁵ О биографических и творческих связях с перечисленными писателями см.: Скрипникова Т.И. Духовно-религиозная проблематика и ее художественное воплощение в «крестьянской прозе» И.А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук. С. 34–67. (Глава 1. Традиционное и новое в изображении русского крестьянства в прозе 1880–1900-х гг.: предшественники и современники И.А. Бунина).

чтобы проверить эти свидетельства на материале творчества писателя и релевантного художественного контекста.

Многие ранние бунинские рассказы посвящены деревенской теме. В частности, первую известность писателю принес рассказ «На край света» о переселении крестьян. «Рассказ этот критики так единодушно расхвалили, что прочие журналы стали приглашать меня сотрудничать, а петербургское “Общество попечения о переселенцах” даже обратилось ко мне с просьбой приехать в Петербург и выступить на литературном вечере в пользу какого-то переселенческого фонда»²⁹⁶, — вспоминал позже писатель. Исследователи отмечают: «О популярности рассказа говорит и то, что Бунин решил вынести название этого рассказа на титульный лист своего первого сборника, изданного О.Н. Поповой в 1897 г. <...> Успех молодого, дотоле почти неизвестного автора объясняется тем, что передовая интеллигенция, сохранявшая в 90-е годы в большей или меньшей степени народнические симпатии, почувствовала в Бунине единомышленника, — его рассказ перекликался с “переселенческими” рассказами Г. Успенского, очерками Шелгунова, многочисленными обращениями к темам деревни Наумова, Златовратского, и др.»²⁹⁷

Проблема народа была одной из центральных в литературе XIX в., и способы его изображения существенно менялись на протяжении столетия. С конца XVIII в. и вплоть до А.С. Пушкина крестьянин изображался в пасторально-идиллическом ключе: его бесправное положение игнорировалось, сознание представлялось открытым, прозрачным и ничем не отличающимся от дворянского, а изображаемый деревенский быт служил скорее условной декорацией, чем предметом точного описания. В творчестве писателей 1840–1850-х гг. — Д.В. Григоровича, А.Ф. Писемского, И.С. Тургенева — крестьянин начал осмысляться как загадочный Другой: сознание мужика оказалось закрытым, непрозрачным, далеким от

²⁹⁶ Бунин И.А. Заметки. С. 379–380.

²⁹⁷ Тимохина Н.В. Традиции народнической литературы 70–80-х гг. в раннем творчестве И.А. Бунина. С. 97.

дворянского, и для его отображения писатели вырабатывали особые нарративные приемы. В разночинной литературе 1860-х гг. выдвинулась антиидиллическая / антипасторальная линия изображения крестьян: в прозе Н.Г. Помяловского, Ф.М. Решетникова, Н.В. Успенского и др. мужик представал забитым, темным и жестоким существом, деформированным крепостным правом и половинчатостью реформ²⁹⁸.

Все эти модусы изображения крестьян были восприняты в 1870-е гг. и переосмыслены в ракурсе народнической идеологии. Так, основу конфликта в прозе писателей-народников составлял разлад между интеллигентским идеализированным представлением о крестьянской общине и действительным состоянием деревни, в которой обнаруживаются нищета, насилие и невежество. Преодолеть этот разрыв призван герой-интеллигент, отправившийся в деревню, чтобы просвещать мужика, помогать ему собственным трудом и тем самым приобщаться к «народной мудрости». Однако сама возможность такого приобщения нередко ставилась народниками под сомнение: интеллигент сталкивался с недоверием и непониманием крестьян. Описываемые ситуации обусловили и типологию характеров. С одной стороны, писатели зафиксировали плеяду героев из народной среды (крестьяне-труженики, кулаки-мироеды, сельские буржуа, переселенцы и т.д.), а с другой — героев-интеллигентов (сочувствующие крестьянам выходцы из дворян, сельские интеллигенты и просветители).

После прекращения «хождений в народ» народническая идеология потеряла внутреннюю однородность. Опыт непосредственного сближения интеллигенции с народом обнаружил не только политическую бесперспективность, но и разобщенность и непоследовательность теоретических постулатов. Следствием этого стало постепенное изменение тональности народнической прозы: если в 1870-е гг. еще сохранялась вера в общину как возможную основу будущего социального обновления, а роль интеллигента в этих процессах была безусловной, то в литературе 1880–

²⁹⁸ Об изображении крестьян в русской литературе до 1861 г. см.: *Вдовин А.В.* Загадка народа-сфинкса.

1890-х гг. все заметнее становились мотивы разочарования, усталости и кризиса. Ярким голосом этого направления стал Г.И. Успенский, в произведениях которого на первый план выходили сцены обнищания деревни, нравственного отупения мужика, распада общинных связей и неудавшегося служения народу («Живые цифры», 1888). Напротив, число писателей, которые тяготели к идеализации крестьян, деревенской общины и интеллигентского «служения» народу, резко сокращалось. Самым последовательным из них оставался Н.Н. Златовратский («Устои», 1878–1883).

Ранние рассказы Бунина о деревне могут быть прочитаны в контексте поздненароднической прозы. Писатель нередко изображал разорение, голод и смерть в деревне. Например, в рассказе «Деревенский эскиз» (позже «Танька», 1893) нищий крестьянский быт показан глазами ребенка:

Продажа коровы очень врезалась ей в память. Она помнила, что, «когда еще картохи копали», в августовские сухие ветреные дни с дымными горизонтами («это леса горят», говорил отец), мать на поле полудновала, плакала, сморкалась и говорила, что ей «кусоч в горло не идет», и Настька все смотрела на ее горло, не понимая, о чем идет толк...

Потом в большой крепкой телеге с передком приезжали «антихристы». Оба они, как казалось Настьке, были похожи друг на дружку — черны, засалены, высоко подпоясаны по кострецам и пугали и ее, и Ваську... За первыми двумя пришел еще «антихрист», больше всех, совсем черный, с палкой в руке, и немного погодя вывел со двора лошадь и бегал с нею по выгону; за ним бегал отец, и Настька думала, что он погнался за «антихристом» отнимать лошадь, догнал и опять увел ее во двор. Мать сидела на пороге избы и во всю мочь голосила. Глядя на нее, заплакал и Васька, и совсем подняли крик, когда «антихрист» вывел со двора вместо лошади корову, привязал ее к телеге и рысью поехал под гору. Корова рвалась, упиралась, неуклюже подпрыгивала за телегой, и отец уже не погнался за ней...²⁹⁹

Остраняющий детский взгляд Настьки фиксирует изменения, которые произошли в ее доме: мать не дает по утрам детям хлеб и картошку и рано

²⁹⁹ Бунин И.А. Деревенский эскиз. С. 2.

укладывает спать, отец перестал шить полушубки и подолгу не бывает дома, а самое главное — Настьку стали отпускать одну на целый день гулять на пруд. Смысла этих изменений она до конца не понимала, пока мать не обронила в разговоре со странником: «Я вон <...> гоню Настьку, почитай, что каждый день на пруд... “Дай капуски, дай картошечек”... А что я ей дам? Ну, и гоню: “иди, мол, поиграй, деточка, побегай по ледочку”... А каково...»³⁰⁰

Изображение голодающих детей нередко встречается в народнической прозе. В частности, Н.Е. Каронин-Петропавловский в цикле «Рассказы о парашкинцах» (1879–1881) описал типичную крестьянскую девочку, измученную голодом: «Она была худая, полуголая девочка, нужда отразилась на всем ее худеньком и грязном тельце, рисовалась во впалых и грустных глазах, которые были постоянно широко раскрыты, как бы изумлялись, почему ей не всегда давали есть, отпечатывалась на побледневших щеках и на животе, который был постоянно надут, как пузырь»³⁰¹. В другом очерке писатель создал образ беспризорного голодного ребенка: «Яшка действительно с утра до ночи ходит с куском странного хлеба и походя жрет. Если мать не даст ему хлеба, он отыскивает какие-то нечистоты и все-таки жрет. Брюхо у него, как у австралийца, наподобие мешка, прикрепленного снаружи»³⁰².

В рассказе Бунина «Дементевна» (1891) тема голода решена в еще более жестоком ключе. Одинокaя старуха, истерзанная болезнью и вынужденная побираться по деревням, отправилась к дочери в надежде пожить у нее и восстановиться. Но там Дементевна провела только одну ночь: наутро дочь с своим мужем выгнали ее, а еще через четыре дня тело старухи нашли «у дороги, на картофельной ботве»³⁰³. К схожему сюжету обращались и писатели-народники: в повести Златовратского «Деревенский король Лир» (1879) старик Онуфрий был вынужден уйти из своего же дома из-за издевательств со стороны невесток его сыновей. Мотив обездоленной старости вообще

³⁰⁰ Бунин И.А. Деревенский эскиз. С. 7.

³⁰¹ Каронин С. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 153.

³⁰² Там же. С. 51.

³⁰³ Бунин И.А. Божьи люди. Очерк из жизни обездоленных. Дементевна // Орловский вестник. 1891. 17 февр. № 47. С. 2.

характерен для народнической прозы, его разнообразные модификации можно обнаружить в повести Златовратского «Горе старого Кабана» (1880), рассказе П.В. Засодимского «Весь век для других» (1887) и пр. Неслучайно Бунин добавляет к заглавию «Дементевны» уточнение «Божьи люди. Очерк из жизни обездоленных» — как бы заглавие потенциального цикла очерков.

Необычно выстроен рассказ Бунина «Неожиданность» («Вести с родины», 1895), в котором крестьянская смерть осмысливается через призму памяти. Выпускник агрономического института и член сельскохозяйственного общества Волков, узнав о смерти друга детства Мишки Шмыренка, мысленно восстановил весь его жизненный путь: детская дружба с барчуком, вынужденная разлука, полная лишений и трудностей юность, последняя встреча на станции и ранняя смерть. Эпизоды биографии Мишки перекликаются с аналогичными судьбами героев в народнической прозе. Например, с «безоброчным» Григорием из цикла Ф.Д. Нефедова «На миру» (1872): в обоих случаях подчеркиваются духовная развитость крестьянских мальчиков, их способность к бескорыстной дружбе с представителем другого сословия и последующая обреченность на нищету и тяжелый физический труд.

Образ интеллигента Волкова в «Неожиданности», как во всей ранней прозе Бунина, прямо наследует народническим традициям 1880–1890-х гг.: это уже не носитель общественной программы и активный герой-деятель, а человек промежуточного, неустойчивого положения — образованный или полуобразованный, оторванный от дворянской среды, но не включенный по настоящему ни в интеллигентское общество, ни в крестьянскую среду. Его главная черта — внутренняя «размагниченность»³⁰⁴: наличие смутных стремлений, книжных представлений и культурных притязаний при полном отсутствии каких-либо целей и идейных опор. Таков Волков, таковы и поздние

³⁰⁴ О «размагниченном» интеллигенте впервые заявил Н.А. Рубакин в сборнике «На славном посту»: *Рубакин Н.А. Размагниченный интеллигент (Из частной переписки второй половины 90-х гг.) // На славном посту (1860–1900). Лит. сб., посвященный Н.К. Михайловскому. СПб.: Изд. лит. фонда, 1900. С. 327–340. (2 паг.). Также см.: Горький М. О «размагниченном» интеллигенте // Нижегородский листок. 1901. 30 марта. № 86. С. 2.*

герои Г. Успенского («Крестьянин и крестьянский труд», 1880), Эртеля («Карьера Струкова», 1896) и др.

Характерен также образ учителя из рассказа «Тарантелла» (позже «Учитель», 1896). Сельский учитель Николай Нилыч Турбин томится в деревне и мечтает только о том, чтобы уехать домой. Турбина мучают бедность, одиночество и жажда попасть в «настоящий» культурный круг, но в доме помещика Линтварева его третируют более культурные и богатые люди, и вечер заканчивается пьяным танцем учителя. Так в рассказы Бунина входят сниженные, бытовые, почти гротескные образы: полусумасшедшая барыня в ««Шамане» и Мотьке» (1890), взбалмошный Воргольский («Помещик Воргольский», 1892), грубый и неприспособленный к жизни Яков Петрович («Байбаки», 1896) и т.д. Мелкопоместный быт в целом представлен в рассказах Бунина как нездоровый и развращающий. Иллюстрацией может служить история мальчишки из рассказа «Судоржный» (1891), услышанная повествователем в поезде:

Баскакова барина небось знаете? Ну, так, мы полагаем, что он всему делу причиной. Сад у него, почитай, с целую рощу, а садовника и в заведении не бывало. Все сам. Выйдет зарею с ружьем, обойдет весь сад, — нет ли, значит, вора, — полыхнет раза три для острастки, взбудоражит галок да грачей и уйдет в дом. Ночью воруй сколько хочешь — ему и горя мало: натрашал, мол, — не пойдут... Ну, вот, братец ты мой, наши мальчишки и залезь к нему в сад, пришли из ночного... Моему-то тогда семой год был, совсем еще коростовый, а отчаянный: залез на грушу под самым окном и почал тресть... На ту пору как черт толкнул барина: открыл окно, посвистывает... А ребятишки тоже, давай ему ладить. Барин как отскочит от окна, схватил ружье да ке-ек полыхнет вверх! Батюшки!.. Мальчишки с груши кубарем да драли! а мой-то, значит, не спапанился, брякнулся об землю да со страху и обмер... Что ж ты думаешь, приволокли его ко мне чуть-чуть живенького... С тех пор и пошел обмирать. Ну да это еще ничего, — обмирал он изредка, больше по ночам, — во сне, зная, увидит, — вскочит, заорет на всю избу и об лавку: вздуюсь огонь, а он лежит, как котел синий. Ну, сейчас туда-сюда, водою его отольешь, очнется малый... Хорошо... Только стал я примечать, что повадился он к Пармею, к соседу, значит. Не

играет ни с кем из ребятишек, а все с его девчонкою, Анюткою. Полюбилась она ему страсть как... Девчонка, правда, была такая ласковая, да веселая: глазенки черные, вострые, как волчонок какой... Ну, играй, думаю себе, хоть и с Анюткою. Все, бывало, весною прудки в канаве запруживают, либо зайдут на гумно, молотилку из щепок строят... Знамо, ребячье дело... Подружились, братец ты мой, во как. Отколотит, бывало, ее, и сам разревется... А то раз, — весною, холод, чичер был, — иду я в Новоселок, смотрю — Митька с Анюткою в лугу сидят: Митька надел на нее свою шапку — озябла, значит, а левую ее ручонку к себе в рот засунул. «Анютка, — кричу, — откусит!». А она смеется, подняла мордочку: «Он, гырь, дяденька, ее греет, а не обкусывает»...³⁰⁵

В рассказе «На даче» (1897) тип интеллигента еще больше «размагничивался». С одной стороны, Бунин описывает общество городских интеллигентов на даче архитектора Примо, а с другой — «опростившегося» толстовца Каменского. Столкновение двух этих миров обнажило цинизм, лицемерие и пустоту дачного общества: они рассуждают о Л.Н. Толстом, читают о переселенческом вопросе и т.д., но их собственные убеждения призрачны. На этом фоне Каменский, обратившийся к столярному ремеслу, выглядит как идейный сельский интеллигент. Но и он не изображен в рассказе как безусловно положительный персонаж: рассказчика отталкивает в нем догматичность и прямолинейность взглядов. Вероятно, все эти размышления — свидетельство бунинской рефлексии тех лет над собственным положением. Показательно название рассказа «Без роду-племени» (1899), герой которого обнаруживает отчетливые черты самого писателя.

Важно подчеркнуть, что социальные типы в ранних бунинских рассказах — будь то крестьянские характеры, будь то помещики и интеллигенты — часто подкреплены ненародническим материалом. Например, многие герои имеют в качестве своих прототипов родственников

³⁰⁵ Бунин И.А. Божьи люди. Очерки из жизни обездоленных. «Судоржный» // Орловский вестник. 1891. 12 июня. № 152. С. 2. Образно-тематический репертуар рассказов Бунина о деревне описан в: Великанова Р.Ф. Изображение пореформенной русской деревни в рассказах И.А. Бунина 90-х гг. // Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Серия историко-филологическая. Вып. 27. Нальчик: [Б. и.], 1965. С. 93–106.

или знакомых автора: в основе рассказа «На край света» лежит реальная поездка писателя в село, откуда отправлялись переселенцы; известно, что в детстве Бунин дружил с крестьянским мальчиком, как и герой «Неожиданности»; тетка писателя — прототип барыни в рассказе «“Шаман” и Мотья»; в рассказе «Помещик Воргольский» повествователя зовут Иван Алексеевич; образ Якова Петровича в «Байбаках» напоминает отца Бунина; Каменский из рассказа «На даче» вообрал в себя черты полтавских толстовцев; часто действие рассказов происходит в знакомой самому Бунину местности — в Ельце, Орле, Полтаве, на Орловщине, в Малороссии и т.д.³⁰⁶

Кроме автобиографического контекста, в ранней прозе Бунина очевидны следы чтения русской классической литературы, прежде всего — Тургенева. Так, многие крестьянские характеры Бунина напоминают образы из «Записок охотника» (например, герои «Байбаков»); рассказы писателя построены в тургеневской традиции сопоставления характеров: Яков Петрович и Ковалев — Чертопханов и Недопюскин, Каменский и дачники — Рудин и салон Ласунской и пр.; в некоторых рассказах Бунина ощутим тургеневский опыт поэтизации природы и усадебной жизни («На хуторе», 1895; «Антоновские яблоки», 1900 и др.); оба писателя мастерски стилизовали крестьянскую речь и вводили в повествование этнографические подробности и фольклорные элементы (в частности, и у Тургенева, и у Бунина большое значение придается песне)³⁰⁷. Исследователи отмечают также гоголевские (образ помещика Воргольского напоминает Ноздрева из «Мертвых душ», 1842³⁰⁸) и толстовские традиции (образы стариков-крестьян испытали влияние толстовской философии³⁰⁹).

³⁰⁶ Подробнее см.: Пономарев Е.Р. «Письмо с натуры»: Автобиографический материал в ранней прозе И.А. Бунина // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 3. С. 148–167.

³⁰⁷ См.: Назарова Л.Н. «Записки охотника» И.С. Тургенева и крестьянские рассказы И.А. Бунина конца 1890-х гг. – начала 1910-х гг. // Третий межвузовский тургеневский сборник / под ред. Г.Б. Курляндской. Орел: [Б. и.], 1971. С. 176–194. (Ученые записки Курского гос. пед. ин-та; т. 74); Тимохина Н.В. Бунин и Тургенев (К вопросу об идейных и творческих исканиях Бунина в начале 900-х гг.) // Вопросы русской литературы. М.: [Б. и.], 1968. С. 331–355. (Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина; № 288); Пращерук Н.В. Проза И.А. Бунина в диалогах с русской классикой. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. С. 9–26. (Глава 1. Тургенев в художественном сознании Бунина).

³⁰⁸ Афанасьев В.Н. И.А. Бунин: Очерк творчества. С. 15.

³⁰⁹ Кучеровский Н.М. И.А. Бунин и его проза. С. 16–28.

Раннее творчество Бунина, однако, несвободно и от идеализирующей линии народнической литературы и общенароднических штампов. В целом ряде текстов писатель создал умирительно-сентиментальные образы крестьян и помещиков. Уже в первом опубликованном рассказе «Нефедка» (позже «Божьи люди», 1887) Бунин описал неожиданное преображение деревенского пьяницы-сапожника. Нефедка, желая заработать, отправился рубить елки в рождественскую ночь, но его остановил благовест:

...стиснув зубы, изо всей силы ударил по дереву. Опять глухой удар прозвучал по лесу, и опять полился широкими волнами призывающий благовест.

— Господи, Господи! — застонал Нефедка... И в этом стоне было все: и сознание глубокого горя, и тяжелое страдание, и воспоминание о своей греховности... В первый раз пробудилась его душа от глубокого сна, в первый раз сердце трепетало непонятными сладостными чувствами... Он швырнул топор, присел на холодный снег и вдруг горько, навзрыд, как ребенок, заплакал...

Стройное пение уже несло из церкви, когда Нефедка входил на паперть. В первый раз он благоговейно стал в толпе молящихся и, когда раздался наконец торжественный Рождественский гимн, он узнал и понял, когда можно быть истинно счастливым и спокойным душою...³¹⁰

Идеализирован и образ барина в «Деревенском эскизе»: Павел Антоныч подобрал Настьку на дороге, обогрел ее, накормил, подарил ей поясok и сыграл несколько песен на гитаре. О тенденциозности этого образа говорит и его биография: проиграл почти все состояние, стал усердным хозяином, умерла жена, потом пришлось отпустить крепостных, а «потом проводить в Сибирь сына-студента...»³¹¹. Эпизод ареста сына описан рассказчиком:

Когда сына арестовали, Павел Антонович не захотел с ним даже прощаться, решил не писать ему «до гробовой доски». Только поехал на вокзал в город, чтобы из толпы взглянуть на него... Но не выдержал — сел в тот же поезд, в котором

³¹⁰ Бунин И.А. Нефедка // Родина. 1887. 20 дек. № 51. Стб. 1614–1615.

³¹¹ Бунин И.А. Деревенский эскиз. С. 8.

повезли сына, на одну станцию: «все равно, домой-то возвращаться, со станции еще ближе...» Стоя на задней платформе последнего вагона, он думал только то, что у него теперь никого не осталось и что на Дальних Хуторах ждет его пустой дом, в котором он умрет в глухую зимнюю ночь...³¹²

Исходя из этого эпизода, расположение барина к Настьке может быть объяснено сочувственным отношением к «сыну-студенту», которого он «проводил в Сибирь», — вероятно, за народническую деятельность. Сюжет чудесного спасения бедной крестьянской девочки человеком из народа (или, как в случае Бунина, человеком, сочувствующим народу) неоднократно встречается у писателей-народников. Например, в рассказе Засодимского «В метель и вьюгу» (1888) сироту Машу, заблудившуюся в метели и замерзающую на обочине дороги, спас рабочий Иван и приютил ее у себя дома. Финалы рассказов Бунина и Засодимского тождественны по своей идиллической интонации.

В некоторых текстах Бунина в характерах героев подчеркиваются положительные черты, вызывающие симпатию и уважение читателей. Например, в рассказе «Святая ночь» (позже «На чужой стороне», 1895) таким характером является Пантелей Парменыч, который заботлив и ласков по отношению к своим товарищам. В рассказе «Кастрюк» (1895) в образе деревенского старика выделяется страстная тяга к труду. В «Кукушке» (1899) обращает внимание стоицизм, с которым старик принимает все трудности судьбы. Схожим образом описан Митрофан в «Соснах» (1901): он «был в батраках у жизни», но «тяжелую лесную дорогу» «прошел беспрекословно»³¹³. Эти бунинские образы близки народническому типу крестьянина-труженика, носителя стихийной правды и трудовой нравственности: Устинье из рассказа Златовратского «Мечтатели» (1893), Чабану из романа Засодимского «Грех» (1893) и др.

³¹² Бунин И.А. Деревенский эскиз. С. 8–9.

³¹³ Бунин И.А. Сосны // Мир Божий. 1901. № 11. С. 104.

Идеалистическая народническая линия соединилась в творчестве писателя с лирическим началом, свойственным ему с юности. Именно поэтому даже те образы, которые восходят к народнической типологии, у Бунина оказываются будто бы выведены из привычного контекста: переселенец, деревенский ребенок, крестьянин-труженик, помещик-одиндворец интересуют его прежде всего как люди, а не представители определенного социального слоя. Мужик у Бунина лишен социальных корней, не вписан в общину или артель, не противопоставлен барину, кулаку или представителям власти. Например, старик Кастрюк, с одной стороны, близок народническому типу мирского радателя, а с другой — его образ раскрывается через общечеловеческую, онтологическую потребность в труде; или в рассказе «На край света» переселенческий сюжет утрачивает сугубо публицистическую направленность, и писатель фокусируется на драматических сценах прощания героев с родной землей. Размышляя над заглавием первого прозаического сборника, Бунин даже предполагал назвать его «Одинокие». Он писал брату 5 ноября 1896 г.: «“Одинокие” хочу назвать. У меня ведь все одинокие»³¹⁴.

На рубеже 1890–1900-х гг. Бунин, усиливая лирическое начало, двигался к новой лирико-философской манере: «Лирические зарисовки начинают наполняться лирическими раздумьями, как правило, приводящими повествователя к изумлению пред тайнами бытия»³¹⁵. В рассказах этого периода социальная проблематика либо полностью пропадала («В августе», «Поздней ночью», 1901; «Туман», 1902 и др.), либо отходила на второй план и обобщалась. В частности, в рассказе «Руда» (позже «Эпитафия», 1901) обеднение и переселение крестьян осмысляются как часть непрерывного и неизбежного процесса обновления мира: «...жизнь не стоит на месте, — старое уходит, и мы провожаем его часто с великой грустью, но тем и хороша жизнь, что она пребывает в неустанном обновлении»³¹⁶. Так, в бунинских рассказах рубежа веков социальная линия зачастую завершается не

³¹⁴ Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. С. 226.

³¹⁵ Пономарев Е.Р. Системная перестройка поэтики И.А. Бунина в начале 1900-х гг. С. 129.

³¹⁶ Бунин И.А. Руда. Стб. 965.

публицистическим выводом, а лирическим монологом или медитативным пейзажным обобщением. Приведем характерный пример из рассказа «Новая дорога» (1901):

Я смотрю, как уходят от нас и скрываются в лесу огоньки станции <...>. Тихая и глубокая тоска, как лесная ночь растет вокруг меня...

«Какой стране принадлежу я, — думается мне, — я, русский интеллигент, одиноко скитающийся по родным краям? Что общего осталось у нас с этой лесной глушью? Она бесконечно велика, и мне ли разобраться в ее печалях, мне ли помочь им? Моя собственная маленькая жизнь проходит беспорядочно в мелкой погоне за минутами счастья, на которое я тоже имею право, но где же оно в этих снежных пустынях? И как страшно одиноки мы, беспомощно ищущие красоты, правды и высших радостей для себя и для других в этой исполинской лесной стране! Как прекрасна, как девственно богата эта страна! Какие величание и мощные чащи стоят вокруг, тихо задремывая в эту теплую январскую ночь, полную нежного и чистого запаха молодого снега и зеленой хвои! И в то же время какая жуткая даль!»³¹⁷

Или в рассказе «Над городом» (1902):

Давным-давно были апрельские дни моего отрочества, будто и не со мною, а с кем-нибудь другим. Много пережил я с тех пор, много видел, скитаясь в поисках за человеческим сердцем, за поэзией человеческой жизни, и уже стал утомляться от скитаний. И отдыхая порою в городишке, где протекло мое отрочество, я часто вспоминаю эту чуть ли не единственную его радость — наши похождения на колокольню. Сидя в летние вечера под окном вечно пустой гостиницы купца Ерилова, я слушаю начинающийся в разных концах города, перепутывающийся и мерно дрожащий гул колоколов, и этот гул погружает меня в думы о том, как год за годом проходит моя молодость, за которую мне не удалось сказать людям почти ничего радостного, и как печально, как нищенски протекают тысячи жизней русского захолустья. Товарищи моих детских дней, — где они? Видели ли хоть что-нибудь, кроме Епифани или Задонска? Принесли ли они людям хоть крупицу счастья? Пережили ли хоть несколько мгновений сильных и высоких дум и чувств? Те, что

³¹⁷ Бунин И.А. Новая дорога // Жизнь. 1901. № 4. С. 170–171.

беспечно играли когда-то в ладыжки под заборами, те, которым детство сулило долгую и интересную жизнь, выросли и проводят эту жизнь день за день в полусне мелких дрызг и делишек. А матери и отцы их, уже сторбленные и пригнутые к земле страданиями и близостью смерти, плетутся теперь с желтыми восковыми свечами в руках пред алтарь Бога, Который всегда казался им жестоким и карающим, требующим вечных покаянных слез и вздохов... Где же то, что обещало детство и отрочество?.. И мне вспоминается далекое предвечернее время в апреле, когда Васька так звучно и тяжело ударял в большой колокол. И, увлекаясь воспоминаниями, я мысленно взбираюсь на колокольню и уже в свои руки беру веревку, привязанную к колокольному билу. Тяжко раскачивать его, но нужно раскачивать сильнее, чтобы с первого же удара дрогнул воздух от могучего гула и чтобы до основания затрепетала старая колоколья. А когда ответят и другие колокола, нужно всей душой отдаться своему делу, — нужно позабыться, затеряться в бурных волнах нестройных, но могучих и веселых звуков и хоть на мгновение поверить и напомнить людям, что «Бог не есть Бог мертвых, но живых!»³¹⁸

Глядя на заснеженные просторы из окна поезда или на окрестности города с колокольни, повествователь размышляет о себе как «одинокое скитающемся интеллигенте», о «товарищах детских дней» и их трудной жизни. Эти социально окрашенные мотивы вплетаются в более широкий монолог повествователя и потому утрачивают прямую публицистическую направленность. Двойственность ранней манеры (между общественным высказыванием и лирическим переживанием), по-видимому, осмыслял и сам Бунин, поэтому при переработке журнальных публикаций рассказов для последующих изданий он снял и «народническую» предысторию барина в «Деревенском эскизе», и указанные пассажи в «Новой дороге» и «Над городом», а многие тексты вроде «Нефедки», «“Шамана” и Мотьки», «Судоржного», «Помещика Воргольского» и некоторых других больше никогда не публиковал и не включал в собрания сочинений.

В ранней прозе писателя тем самым наметилась характерная для последующего творчества трансформация самой «идеи» произведений о

³¹⁸ Бунин И.А. Над городом // Журнал для всех. 1902. № 11. Стб. 1286–1288.

деревне. В народнической литературе социально-философская мысль, как правило, опиралась на сравнительно устойчивый круг понятий: народ, община, земля, труд, интеллигентский долг и нравственное служение. Эти понятия задавали не только тематику, но и способ художественного обобщения: частные судьбы крестьян, переселенцев, стариков, сельских учителей или промотавшихся помещиков должны были стать иллюстрацией более общего тезиса о состоянии пореформенной деревни и о задачах интеллигенции. Бунин вошел в литературу через этот круг тем и пользовался многими готовыми формулами народнической прозы; однако уже в ранних рассказах социальный пафос начал утрачивать самостоятельность и переводился автором в сферу общечеловеческого, лирическо-философского и историко-национального обобщения.

По-видимому, эта трансформация совершалась не без посредничества тургеневской традиции. Крестьянин для Тургенева был не только представителем определенной социальной среды, но и воспринимался как глубоко национальный характер. Эта установка была близка и самому Бунину: как мы показали, писатель интересовался «страшными загадками русской души» и постепенно выводил народнические темы и образы за пределы собственно общественной проблематики. Голод, переселение, отчуждение от земли, разложение усадебного быта начали осмысляться им как признаки более общего исторического слома. В ранних рассказах это еще не оформилось в целостную философию национальной жизни, но масштаб изображения уже изменился: перед нами не только нищий мужик или «размагниченный» интеллигент, но человек, вовлеченный в общую стихию русской неустроенности и распада. В этом смысле ранняя проза прокладывает прямую дорогу к будущим бунинским повестям «Деревня» (1910) и «Суходол» (1912).

Итак, раннее творчество писателя обнаруживает несомненную связь с народнической литературой. Народнические традиции проявились в рассказах первого периода творчества прежде всего в наборе устойчивых тем и мотивов: голод в деревне («Дементевна», «Деревенский эскиз», «Неожиданность»,

«Кукушка»), переселение крестьян («Святая ночь», «На край света», «Руда»), нищенское существование сельской интеллигенции («Тарантелла», «Без роду-племени») и т.д. Бунин обращался и к характерной для народнической литературы типологии характеров: от деревенской девочки Настьки и барина в «Деревенском эскизе» до сельского учителя в «Тарантелле»; от обнищавшего барина и его бывшего денщика в «Байбаках» до «размагниченного» интеллигента в «Без роду-племени» и «На даче». Однако эти типы не сложились в последовательную идеологическую систему: бунинская типология характеров осложнена автобиографическим материалом, а также воздействием русской классической традиции. Ранние рассказы Бунина о деревне занимают переходное положение между поздненароднической прозой и формировавшейся авторской художественной системой. С одной стороны, в них сохраняется ориентация на актуальные общественные вопросы, которые представлялись обязательными для литературы в 1880–1890-х гг. При этом народнические образы и сюжеты в ранней прозе Бунина утрачивали публицистичность и становились материалом для широких обобщений, касающихся национального характера. С другой — уже в этих текстах заметно стремление писателя сочетать социальные мотивы и лирические переживания.

* * *

Анализ раннего творчества Бунина показал, что народническая традиция была для молодого писателя важным, но не определяющим художественным ориентиром. Несмотря на прочную биографическую связь с народнической средой, Бунин уже в ранний период проявил значительную творческую самостоятельность. Народничество дало ему первоначальный тематический, характерологический и жанровый материал, который был им переосмыслен в соответствии с иными эстетическими задачами: от гражданской декларативности в лирике он двигался к лирическому переживанию, от прямой социальной проблематики в прозе — к национально-историческому обобщению, от очерково-протокольной фиксации в жанровом плане —

к модернистской импрессионистической манере. В раннем творчестве Бунина, таким образом, прослеживается влияние народнической идеологии, однако оно не подавляло собственного авторского мировидения. Преодоление народнической картины мира было неизбежно и обусловлено, с одной стороны, узостью и догматичностью постулатов теоретиков, а с другой — эстетическими исканиями эпохи и собственными устремлениями писателя, которые требовали перехода к новому художественному сознанию. Именно в этом преодолении обнаруживаются зачатки зрелой бунинской поэтики.

«Деревня» и «Суходол» — одни из важнейших итогов дореволюционного бунинского размышления о народе, крестьянском мире и судьбах России. При всей радикальности авторского взгляда эти повести не могут быть поняты вне той литературной традиции, которая на протяжении второй половины XIX в. вырабатывала язык для разговора о мужике, деревне и народном характере. В «Деревне» народнический миф подвергся радикальному переосмыслению, а социально-философская мысль утратила программную заданность и стала частью более широкого размышления о национальной истории, распаде прежних форм жизни и противоречивости русского характера. В «Суходоле» близкая проблематика была перенесена в сферу дворянско-усадебного мира, и мотивы исторической обреченности, разрушения старого уклада, памяти и вины получили иное, обобщенное художественное выражение. Так, крестьянское, дворянское, семейно-родовое и национально-историческое оказались составляющими единой художественной философии русской жизни у зрелого Бунина. Особое значение в этом контексте приобретает роман «Жизнь Арсеньева», в котором народнические увлечения молодости, демократическая среда 1880–1890-х гг., первые литературные опыты были восприняты автором сквозь призму эмигрантской памяти. Основная идея романа — представить путь художника как внутренне свободное становление, не сводимое к влиянию какой-либо идеологической системы. Тем показательнее, что ранний народнический контекст продолжил присутствовать в повествовании — уже как один из

пластов памяти, задействованных в создании мифа о рождении писателя. Таким образом, дальнейшее творчество Бунина позволяет наметить историко-литературную перспективу наших выводов.

Заключение

Настоящее исследование раннего творчества Бунина в свете народнической литературы позволяет уточнить характер первого периода его творчества. Биографически писатель был тесно связан с народнической средой: вошел в литературу при посредничестве брата-народника Ю.А. Бунина; крупнейший теоретик народничества Н.К. Михайловский поддержал его ранние литературные опыты; молодой автор печатался в народнических изданиях «Русское богатство» и «Новое слово» и вращался в левых литературных кругах; общался со многими писателями-народниками и выказывал им искреннее уважение; был принят народнической критикой и последовательно ориентировал свое творчество на этот контекст; самое главное — писатель в литературно-критических статьях («Наброски. Несколько слов к вопросу об искусстве», «Недостатки современной поэзии», «Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е.И. Назарова», 1888 и т.д.) выражал основные народнические идеологемы (общественное назначение искусства, долг интеллигенции перед народом, кающийся дворянин и др.).

Художественное развитие Бунина уже в ранние годы не сводилось только к усвоению народнической идеологии. Напротив, народническая традиция стала для него не готовой системой взглядов, а одним из исходных литературных контекстов, с которым он вступал в сложный и избирательный диалог. Так, в юношеской лирике народнические тенденции не образовали устойчивой идейно-поэтической системы. Они были связаны главным образом с именами С.Я. Надсона, Н.А. Некрасова и кругом поэтов, легко совмещавших самые разные стилевые и идеологические тенденции (А.Н. Плещеев, К.М. Фофанов и др.). При этом уже в самых ранних стихах Бунина социально окрашенные мотивы подчинялись более важным для писателя художественным задачам: передаче пейзажного впечатления, элегического настроения, индивидуального душевного движения. Именно поэтому народнический пласт ранней лирики оказался сравнительно ограниченным,

тогда как основным направлением поэтического развития писателя стала ориентация на классическую литературную традицию и выработка собственной пейзажно-медитативной манеры.

Бунин вошел в литературу под влиянием газетного бытового очерка и унаследовал внимание к факту и бытовой подробности, установку на описание общественно значимых событий и социальную типизацию характеров. Постепенно писатель подверг этот жанр глубокой переработке: социологическая направленность уступила место эстетизирующему взгляду повествователя, аналитизм — медитативности, типизация — индивидуальному переживанию. Очерковая форма превратилась у Бунина из инструмента общественного анализа в средство художественного мирозерцания и философского обобщения. Уже в ранних рассказах писателя намечилось жанровое сращение газетного очерка и модернистского повествования. В дальнейшем писатель при переработке журнальных публикаций рассказов «очищал» ранние тексты от следов очерковой поэтики и усиливал их модернистское звучание³¹⁹.

В ранней прозе связь с народнической литературой выражена заметнее. Бунин обращался к темам, характерным для поздненароднической беллетристики: голод в деревне, обнищание крестьян, переселение, распад мелкопоместного быта, кризис сельской интеллигенции и т.д. С этим кругом мотивов соотносится и типология характеров ранних рассказов: крестьянин-труженик, деревенский ребенок, переселенец, старик, обнищавший помещик, сельский учитель, «размагниченный» интеллигент и пр. Однако эти типы у Бунина не складывались в последовательную социально-идеологическую схему и постоянно осложнялись автобиографическим материалом (непосредственными впечатлениями елецко-орловского и полтавского периодов жизни), а также воздействием русской классической прозы (тургеневской традиции индивидуализированного изображения человека).

³¹⁹ О разнице языков описания этого явления см.: Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой (1880-е – 1900-е гг.). С. 135–138. (Раздел «Модернизм и неореализм»).

Именно поэтому народнические темы и образы в ранних рассказах Бунина довольно быстро потеряли прямую публицистичность, характерную для поздненароднической прозы. Социальная коллизия не отменялась Буниным, но переставала быть самоцелью художественного изображения. Сюжетные ситуации, характерные для народнической литературы, в рассказах писателя лиризировались, обобщались и встраивались в размышления о более широких закономерностях русской жизни. Уже в ранний период Бунин выводил народнический материал за пределы собственно общественной проблематики: частные судьбы крестьянского старика, однодворца или провинциального интеллигента начинали восприниматься как проявления более общего исторического слома. В этом изменении подхода к изображению уже видны зачатки будущей бунинской философии русской жизни, наиболее отчетливо сформулированной в повестях «Деревня» и «Суходол».

Итак, наше исследование показало, что раннее творчество Бунина имеет переходный характер — от народнической литературы 1870–1890-х гг. к складывающейся самостоятельной художественной системе. В зрелые годы в разговоре с женой Бунин заметил: «Кажется, не было писателя, который так убого начинал, как я!»³²⁰ Скептическое отношение писателя к ранним произведениям понятно и естественно, однако уже в этих текстах прослеживаются зачатки зрелых художественных стратегий писателя. Многие из наметившихся в раннем творчестве решений подготовили творчество Бунина к тем модернистским экспериментам, которые составили основу его эмигрантской поэтики³²¹. Проследить эту линию, сопоставив ранние опыты с романом «Жизнь Арсеньева» и позднеэмигрантскими произведениями — одна из потенциальных задач, на которую указывает настоящая работа. С другой стороны, совершенно очевидно, что проблема «Бунин и народничество» — это часть более широкого поля изысканий, в которое входят, например, «Круг

³²⁰ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. С. 47.

³²¹ Подробнее см.: Пономарев Е.Р. Динамизм и эксперимент как основы бунинской поэтики // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте. С. 91–100; Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм.

чтения Бунина» или «Бунин и журнальный мир конца XIX – начала XX вв.». Расширение исследований, направленных на изучение круга чтения и литературных связей Бунина 1890–1900-х гг., определенно имеет серьезную научную перспективу.

Список литературы

Архивные источники

1. Автобиография Ю.А. Бунина // РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 2. Ед. хр. 1.
2. Черновик рассказа И.А. Бунина «Сутки на даче» // ОГЛИМТ. Ф. 14. № 8761 оф.

1. Печатные источники

1.1. Прижизненные издания произведений И.А. Бунина

3. Бунин И.А. Антоновские яблоки // Жизнь. 1900. № 10. С. 149–166.
4. Бунин И.А. Без роду-племени // Мир Божий. 1899. № 4. С. 19–33.
5. Бунин И.А. Божьи люди. Очерк из жизни обездоленных. Дементевна // Орловский вестник. 1891. 17 февр. № 47. С. 2.
6. Бунин И.А. Божьи люди. Очерки из жизни обездоленных. «Судоржный» // Орловский вестник. 1891. 9 июня. № 150. С. 2; 12 июня. № 152. С. 2.
7. Бунин И.А. В глуши // Родина. 1887. 12 июля. № 28. Стб. 875.
8. Бунин И.А. Деревенский эскиз // Русское богатство. 1893. № 4. С. 1–13.
9. Бунин И.А. Забытый человек // Русская жизнь. 1892. 8 дек. № 333. С. 2.
10. Бунин И.А. К будущей биографии Н.В. Успенского // Орловский вестник. 1890. 31 мая. № 125. С. 3–4.
11. Бунин И.А. Кастрюк // Русское богатство. 1895. № 4. С. 127–137.
12. Бунин И.А. Кто испытал и тоску, и мученья // Родина. 1888. 21 февр. № 8. Стб. 290.
13. Бунин И.А. Литературный дневник. «Книжки Недели», IX // Южное обозрение. Одесса, 1898. 24 сент. № 594. С. 2.
14. Бунин И.А. Литературный дневник. «Мир Божий», V кн. // Южное обозрение. 1899. 10 мая. № 805. С. 2.
15. Бунин И.А. Литературный дневник. «Мир Божий», X кн. // Южное обозрение. 1898. 12 окт. № 611. С. 2.
16. Бунин И.А. Литературный дневник. «Русское богатство», IX кн. // Южное обозрение. 1898. 26 окт. № 624. С. 3.

- 17.Бунин И.А. Литературный дневник. «Русское богатство», X кн. // Южное обозрение. 1898. 7 нояб. № 636. С. 2.
- 18.Бунин И.А. Листки из дневника // Родина. 1888. 29 мая. № 22. Стб. 572.
- 19.Бунин И.А. Маленькая беседа // Орловский вестник. 1891. 27 янв. № 27. С. 2–3.
- 20.Бунин И.А. На край света и другие рассказы. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1897.
- 21.Бунин И.А. На хуторе // Русское богатство. 1895. № 5. С. 120–125.
- 22.Бунин И.А. наброски. Несколько слов к вопросу об искусстве // Родина. 1888. 7 февр. № 6. Стб. 86–87.
- 23.Бунин И.А. Над городом // Журнал для всех. 1902. № 11. Стб. 1283–1288.
- 24.Бунин И.А. Над могилой Надсона // Родина. 1887. 22 февр. № 8. Стб. 228–229.
- 25.Бунин И.А. Недостатки современной поэзии // Родина. 1888. 10 июля. № 28. Стб. 736–740.
- 26.Бунин И.А. Нефедка // Родина. 1887. 20 дек. № 51. Стб. 1613–1615.
- 27.Бунин И.А. Новая дорога // Жизнь. 1901. № 4. С. 162–171.
- 28.Бунин И.А. Новые течения // Орловский вестник. 1891. 29 мая. № 139. С. 2.
- 29.Бунин И.А. Ответ на анкету «Отжил ли Некрасов?» // Новости дня. 1902. 27 дек. № 7023. С. 3.
- 30.Бунин И.А. Памяти М.Е. Салтыкова // Орловский вестник. 1890. 28 апр. № 94. С. 2–3.
- 31.Бунин И.А. Памяти сильного человека (По поводу 70-летней годовщины со дня рождения И.С. Никитина — 21 сентября 1824 г.) // Полтавские губернские ведомости. 1894. 21 сент. № 72. С. 2. Часть неофициальная.
- 32.Бунин И.А. Памяти Т.Г. Шевченко // Орловский вестник. 1891. 26 февр. № 56. С. 2.
- 33.Бунин И.А. Периодические издания // Родина. 1888. 14 авг. № 33. Стб. 86–87.

34. *Бунин И.А.* Поэт-гуманист. По поводу 50-летнего юбилея литературной деятельности А.М. Жемчужникова // Вестник воспитания. 1900. № 3. С. 76–93.
35. *Бунин И.А.* Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е.И. Назарова // Родина. 1888. 12 июня. № 24. Стб. 630–634.
36. *Бунин И.А.* Праздник // Русская жизнь. 1891. 25 дек. № 351. С. 3.
37. *Бунин И.А.* Руда // Журнал для всех. 1901. № 8. Стб. 963–968.
38. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 6 т. Пг.: Изд-во т-ва А.Ф. Маркса, 1915.
39. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Изд-во т-ва «Знание», 1902–1910.
40. *Бунин И.А.* Сосны // Мир Божий. 1901. № 11. С. 99–110.

1.2. Современные издания сочинений И.А. Бунина, биографические и источниковедческие материалы

41. *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. (ЖЗЛ).
42. *Бабореко А.К.* И.А. Бунин: Материалы для биографии (С 1870 по 1917). М.: Худ. лит., 1967.
43. *Бахрах А.В.* Бунин в халате: По памяти, по записям. Bayville: Т-во зарубеж. писателей, 1979.
44. *Бунин И.А.* Критика и публицистика 1911–1953 гг. / отв. ред. А.В. Бакунцев; сост. А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов, О.А. Коростелев; предисл., подгот. текстов и коммент. А.В. Бакунцева, С.Н. Морозова. М.: ИМЛИ РАН, 2025.
45. *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 гг. / подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова и др.; общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
46. *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 гг. / подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова и др.; общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2007.
47. *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 гг. / общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1998.
48. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 5 т. / подгот. текстов и прим. П.Л. Вячеславова; вступ. ст. Л.В. Никулина. М.: Правда, 1956. (Б-ка «Огонек»).

49. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 6 т. / редкол.: Ю.В. Бондарев, О.Н. Михайлов, В.П. Рынкевич. М.: Худ. лит., 1987–1988.
50. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 8 т. / сост., коммент. и подгот. текстов А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1993–2000.
51. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. / общ. ред. А.С. Мясникова и др.; вступ. ст. А.Т. Твардовского; прим. О.Н. Михайлова и др. М.: Худ. лит., 1965–1967.
52. *Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского дома; Вита Нова, 2014. (Новая Б-ка поэта).
53. *Двинятина Т.М.* Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. СПб.: Вита Нова, 2020.
54. И.А. Бунин и его время: Контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. (Академический Бунин; вып. 3).
55. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е гг.) / под ред. Н.Г. Мельникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010.
56. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011; 2017. Т. 1; 2.
57. Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: в 2 кн. / ред. А.Н. Дубовиков, Н.А. Трифонов; вступ. ст. О.Н. Михайлова. М.: Наука, 1973.
58. Литературное наследство. Т. 110. И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: в 4 кн. / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019; 2022. Кн. 1; 2.
59. Раннее творчество И.А. Бунина (1883–1902 гг.): Поэтика, текстология, комментарий / отв. ред. С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2024. (Академический Бунин; вып. 4).
60. Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (Биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. (Академический Бунин; вып. 1).

61. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. М.: Посев, 1977–1982.
62. *Heywood A.J.* Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / ed. by R.D. Davies, with the Assistance of D. Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000.

1.3. Разное

63. [Б. а.] Бунин И.А. // Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / собр. Ф.Ф. Фидлер. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 264–265.
64. [Б. а.] Юлий Бунин // Деятели революционного движения в России / под ред. Ф. Кона. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3. Вып. 1. Стб. 460–462.
65. *Белоусов И.А.* Литературная среда. Воспоминания 1880–1928. М.: Кооператив. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1928.
66. *Богданович А.И.* Критические заметки // Мир Божий. 1897. № 2. С. 6–7. (2 паг.).
67. *Богданович А.И.* Ив.А. Бунин. Под открытым небом. Стихотворения. Изд. ред. «Детского чтения». Москва. 1898 г. // Мир Божий. 1898. № 10. С. 74–75. (2 паг.).
68. *Бунин Ю.А.* Из жизни провинции в 90-х гг. // Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин: Материалы к биографии. М.: Икар, 2017. С. 156–170.
69. *Бунин Ю.А.* Из студенческих воспоминаний // Заря. 1914. № 2. С. 12–13.
70. *Бунин Ю.А.* Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции // Историко-революционный сборник / под ред. В.И. Невского. Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 3. С. 187–202. Подпись: Алексеев.
71. *Власов В.* Старший брат // Собеседник: Портреты. Этюды. Исторические повествования. Очерки / ред.-сост. З.Я. Анчиполовский, О.Г. Ласунский. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1973. С. 102–127.

72. Геккер Н.Л. «Настроение» в прозе. Ив. Бунин. Рассказы. Том первый. СПб. 1902 // Одесские новости. 1902. 11 июня. № 5657. С. 2.
73. Гордиенко Т.В. Брат беллетриста... // Журналист. 2012. № 3. С. 90–93.
74. Гордиенко Т.В. Журналистская и литературная деятельность Ю.А. Бунина // Русский язык за рубежом. 2011. № 6. С. 103–110.
75. Гордиенко Т.В. Из архива Юлия Бунина. Из жизни провинции в 90-х гг. // Москва. 2016. № 2. С. 196–213.
76. Гордиенко Т.В. К истории литературного и общественно-политического журнала «Путь»: Деятельность И.А. и Ю.А. Буниных // Бунинские чтения в Орле — 2013: Материалы Всерос. науч. конф. (Орел, 3–5 окт. 2013 г.). Орел: Орловский гос. ун-т, 2014. С. 24–31.
77. Гордиенко Т.В. Чернильный прибор Юлия Бунина // Москва. 2015. № 3. С. 200–206.
78. Гордиенко Т.В., Дмитриухина Л.В. Эпистолярное наследие Ю.А. Бунина в российских архивах // Орловский текст российской словесности: Коллект. монограф. по материалам Всерос. науч. конф., посвящ. памяти Е.К. Дейч и Н.А. Куделько (5–6 окт. 2014 г.). Орел: Орловский гос. ун-т, 2015. С. 12–22.
79. Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин: Материалы к биографии. М.: Икар, 2017.
80. Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин и московский журнал «Вестник воспитания» // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2012. № 4. С. 79–92.
81. Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин о литературных объединениях Москвы: 1890–1917 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 140–158.
82. Гордиенко Т.В. Юлий Бунин (1857–1921): Личность и судьба // Труды МИНЦ. Тамбов: Нобелистика, 2013. Вып. 5. С. 180–194.
83. Горький М. О «размагниченном» интеллигенте // Нижегородский листок. 1901. 30 марта. № 86. С. 2.
84. Женжурист Л.А. <Воспоминания о Полтаве> // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: в 2 кн. / ред. А.Н. Дубовиков, Н.А. Трифонов; вступ. ст. О.Н. Михайлова. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 236–246.

85. *Зайцев Б.К.* Юлий Бунин // Собр. соч.: в 5 т. / сост., вступ. ст. и примеч. Т.Ф. Прокофьева; при уч. Н.Б. Зайцевой-Соллогуб. М.: Рус. кн., 1999. Т. 6 (доп.). С. 51–53.
86. *Засодимский П.В.* Хроника села Смурина / подгот. текста и прим. А.И. Кучминой; послесл. С.А. Розановой. М.: Гослитиздат, 1959.
87. *Златовратский Н.Н.* Бунин И.А. «На край света» и другие рассказы. СПб., 1897; Бунин И.А. Стихи и рассказы. М., 1901 // Журнал для всех. 1901. № 12. Стб. 1533. Подпись: Н. Оранский.
88. *Златовратский Н.Н.* Воспоминания / подгот. текста, вступ. ст. и прим. С.А. Розановой. М.: Гослитиздат, 1956.
89. *Златовратский Н.Н.* Деревенские будни // Отечественные записки. 1879. № 3. С. 229–276; № 4. С. 481–508; № 6. С. 507–541; № 8. С. 269–302; № 10. С. 439–476; № 12. С. 527–567.
90. *Златовратский Н.Н.* Избранные произведения / ред. А.Н. и С.Н. Златовратских; коммент. Л.Е. Цукерман; вступ. ст. А.М. Еголина. М.: Гослитиздат, 1947.
91. *Златовратский Н.Н.* Открытое письмо А.Н. Пыпину (По поводу его статьи «Народничество», В. Е. №№ 1 и 2) // Русские ведомости. 1884. 17 февр. № 48. С. 3.
92. *Игнатова Е.Н.* Московские народники конца 70-х гг. // Группа «Освобождение труда» (Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча) / под ред. Л.Г. Дейча. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Сб. 5. С. 45–52.
93. История русской литературы XIX в.: в 5 т. / под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского. М.: Мир, 1911.
94. *Каронин С.* Соч.: в 2 т. / подгот. текстов, вступ. ст. и прим. Г.П. Бердникова. М.: Гослитиздат, 1958.
95. *Короленко В.Г.* История моего современника // Собр. соч.: в 10 т. / подгот. текстов и прим. С.В. Короленко и Н.В. Короленко-Ляхович; вступ. ст. А.К. Котова. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 6–7.

96. *Леонтьев К.Н.* О романах гр. Л.Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние (Критический этюд). М.: Тип. В.М. Саблина, 1911.
97. Литературное наследство. Т. 107. Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского: в 2 кн. / отв. ред. М.Л. Спивак; сост. М.Г. Петрова, М.В. Строганов; подгот. текстов и коммент. А.В. Геворкян, М.Г. Петрова, М.В. Строганов, М.А. Фролов. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
98. Литературное наследство. Т. 109. Журнал «Русское богатство». 1892–1918. Указатели: Содержание, авторы, книжные издания / отв. ред. М.В. Строганов, подгот. текстов и коммент. А.В. Геворкян, О.В. Федунина. М.: ИМЛИ РАН, 2026.
99. *Львов-Рогачевский В.Л.* Поэма запустения. (И.А. Бунин) // Современный мир. 1910. № 1. С. 17–32. (2 паг.).
100. *Михайловский Н.К.* Г.И. Успенский как писатель и человек // *Успенский Г.И.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Киев: Б.К. Фукс, 1904. Т. 12. С. 3–78.
101. *Михайловский Н.К.* Дневник читателя // Северный вестник. 1886. № 5. С. 186–207. (2 паг.); № 6. С. 193–216. (2 паг.); № 7. С. 160–174. (2 паг.).
102. *Михайловский Н.К.* Из литературных и журнальных заметок 1874 г. // Отечественные записки. 1874. № 3. С. 186–222. (3 паг.).
103. *Михайловский Н.К.* О г. Максиме Горьком и его героях // Русское богатство. 1898. № 9. С. 55–75. (2 паг.).
104. *Муромцева-Булнина В.Н.* Жизнь Бунина. 1870–1906. Париж: [Б. и.], 1958.
105. *Надсон С.Я.* Полн. собр. стихотворений / вступ. ст. Г.А. Бялого; подгот. текста и примеч. Ф.И. Шушковской. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. (Б-ка поэта).
106. *Наумов Н.И.* Избранные произведения / ред., вступ. ст. и коммент. С.Е. Кожевникова. Новосибирск: Новосибирское обл. гос. изд-во, 1951.
107. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. стихотворений: в 3 т. / под ред. М.С. Макеева. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2021. (Новая Б-ка поэта).

108. *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX в.: в 2 ч. М.: В.М. Саблин, 1907.
109. Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. 1894–1896 гг.: (К истории раннего символизма) / П.П. Перцов. М.: Гос. академия худ. наук, 1927.
110. *Плеханов Г.В.* Наши беллетристы-народники: Н.И. Наумов, Г.И. Успенский, С. Каронин // За двадцать лет. СПб.: [Б. и.], 1905. С. 1–115. Подпись: Бельтов.
111. *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. [М.]: Гос. изд-во полит. лит., 1938.
112. *Полуяктова З.Г.* Журнал «Вестник воспитания» и его общественно-педагогическое направление: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.00. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1967.
113. *Пыпин А.Н.* Народники и народ // Вестник Европы. 1891. № 1. С. 655–695.
114. *Пыпин А.Н.* Народничество // Вестник Европы. 1884. № 1. С. 152–182; № 2. С. 702–751.
115. *Пыпин А.Н.* По поводу «Открытого письма» г. Златовратского // Вестник Европы. 1884. № 4. С. 866–872.
116. *Рубакин Н.А.* Размагниченный интеллигент (Из частной переписки второй половины 90-х гг.) // На славном посту (1860–1900). Лит. сб., посвященный Н.К. Михайловскому. СПб.: Изд. лит. фонда, 1900. С. 327–340. (2 паг.).
117. *Сачков В.Н.* Бунин Ю.А. // Русские писатели. 1800–1917 / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 362.
118. *Скабичевский А.М.* Граф Толстой как художник и мыслитель: Критические очерки и заметки. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887.
119. *Скабичевский А.М.* Литературная хроника // Новости и биржевая газета. 1895. 26 окт. № 295. С. 2.
120. *Скабичевский А.М.* «На край света и другие рассказы» (СПб., 1897) // Сын Отечества. 1897. 23 мая. № 138. С. 2.

121. *Скабичевский А.М.* «Под открытым небом», стихотворения Ив.А. Бунина. Москва. 1898 // Сын Отечества. 1898. 28 сент. № 262. С. 4.
122. *Степняк-Кравчинский С.М.* Соч.: в 2 т. / подгот. текстов и прим. Б.А. Пискуна; вступ. ст. Д. Еферева. М.: Гослитиздат, 1958.
123. Стихотворные отклики современников на смерть М.Е. Салтыкова / сост., вступ. ст. Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова; подгот. текстов Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова, Д.К. Равинского // Культура и текст. 2015. № 4 (22). С. 154–202.
124. С.Я. Надсон: Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1887.
125. *Телешов Н.Д.* Записки писателя. М.: Моск. рабочий, 1958.
126. *Успенский Г.И.* Власть земли // Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Ф. Павленков, 1889. Т. 2. С. 591–674.
127. *Успенский Г.И.* Собр. соч.: в 9 т. / подгот. текстов и прим. Н.В. Алексеевой; вступ. ст. В.П. Друзина, Н.И. Соколова. М.: Гослитиздат, 1955–1957.
128. Французы, нарисованные ими самими. Парижанки / сост., вступ. ст. и ред. пер. В. Мильчина. М.: Новое лит. обозрение, 2014. (Культура повседневности).
129. *Чернышевский Н.Г.* Не начало ли перемены? (Рассказы Н.В. Успенского. Две части. СПб. 1861 г.) // Современник. 1861. № 11. С. 77–106. (2 pag.).
130. *Шелгунов Н.В.* Очерки русской жизни. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1895.
131. *Эртель А.И.* Волхонская барышня / послесл. Г.А. Терентьева. М.; Л.: Гослитиздат, 1959.
132. *Эртель А.И.* Записки степняка. Очерки и рассказы / подгот. текстов и коммент. Г.В. Ермаковой-Битнер; вступ. ст. Я.С. Билинкиса. М.: Гослитиздат, 1958.
133. *Якубович П.Ф.* Ив. Бунин. Под открытым небом. Стихотворения. Библиотека «Детского чтения». М. 1898 г. // Русское богатство. 1898. № 12. С. 46–47. (2 pag.).

134. *Якубович П.Ф.* Очерки русской поэзии. СПб.: Изд. ред. журнала «Русское богатство», 1904. Подпись: Л. Мельшин.

2. Исследования

2.1. Исследования жизни и творчества И.А. Бунина

135. *Аверин Б.В.* Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003.
136. *Аверин Б.В.* Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: Поэтика воспоминания // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / сост. Б.В. Аверин и др. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2001. С. 651–677. (Русский путь).
137. *Аверин Б.В.* Из творческой истории романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орел: Орловский пед. ин-т, 1974. С. 67–89.
138. *Аверин Б.В.* Романы В.В. Набокова в контексте русской автобиографической прозы и поэзии: дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01. СПб.: СПбГУ, 1999.
139. *Афанасьев В.Н.* И. Бунин о Некрасове // Вопросы литературы. 1969. № 5. С. 249–250.
140. *Афанасьев В.Н.* И.А. Бунин и русское декадентство 90-х гг. (В порядке постановки вопроса) // Русская литература. 1968. № 3. С. 175–181.
141. *Афанасьев В.Н.* И.А. Бунин: Очерк творчества. М.: Просвещение, 1966.
142. *Афанасьев В.Н.* Ранний Бунин // Филологические науки. 1963. № 4. С. 66–79.
143. *Бажинов И.Д.* Дооктябрьская проза И.А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Киев: АН УССР. Отд-ние литературы, языка и искусствоведения, 1963.

144. *Бакунцев А.В.* Иван Бунин — несостоявшийся редактор газеты «Южное обозрение» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 124–142.
145. *Бакунцев А.В.* Раннее критико-публицистическое и журналистское творчество И.А. Бунина (1888–1900 гг.) // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2023. № 2. С. 145–167.
146. *Бакунцев А.В., Морозов С.Н.* И.А. Бунин — корреспондент газеты «Киевлянин» (1892–1894) // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. 2023. № 6. С. 192–210.
147. *Блюм А.В.* Бунин и «Южное обозрение» // Дружба народов. 1968. № 7. С. 283–284.
148. *Блюм А.В.* Цензура о раннем Бунине // Русская литература. 1970. № 3. С. 131–136.
149. *Бонами Т.М.* К поэтике рассказов И.А. Бунина (Функциональное значение звуковых и музыкальных образов) // И.А. Бунин и русская литература XX в.: По материалам Международ. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. М.: Наследие, 1995. С. 85–94. (Б-ка Ин-та мировой лит. им. А.М. Горького РАН).
150. *Бонами Т.М.* Приемы создания образа-персонажа // И.А. Бунин: Материалы Межвуз. науч. конф., посвящ. творчеству И.А. Бунина в окт. 1969 г. в Елецком пед. ин-те / отв. ред. Б.С. Бесчеревных. Воронеж: [Б. и.], 1971. С. 39–48. (Известия Воронежского гос. пед. ин-та; т. 114).
151. *Бонами Т.М.* Художественная проза И.А. Бунина (1887–1904). Владимир: Владимирское кн. изд-во, 1962.
152. *Бонами Т.М.* Художественная проза И.А. Бунина (1887–1904): дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1963.
153. Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орел: Орловский пед. ин-т, 1974.
154. *Вантенков И.П.* Бунин-повествователь (Рассказы 1890–1916 гг.). Минск: Изд-во БГУ, 1974.

155. *Великанова Р.Ф.* Изображение пореформенной русской деревни в рассказах И.А. Бунина 90-х гг. // Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Серия историко-филологическая. Вып. 27. Нальчик: [Б. и.], 1965. С. 93–106.
156. *Волков А.А.* Проза Ивана Бунина. М.: Моск. рабочий, 1969.
157. *Газер И.С.* Бунин-прозаик на рубеже столетий // И.А. Бунин: Материалы Межвуз. науч. конф., посвящ. творчеству И.А. Бунина в окт. 1969 г. в Елецком пед. ин-те / отв. ред. Б.С. Бесчеревных. Воронеж: [Б. и.], 1971. С. 27–38. (Известия Воронежского гос. пед. ин-та; т. 114).
158. *Газер И.С.* Дооктябрьская проза И.А. Бунина (1887–1910): дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Львов: Львовский гос. ун-т, 1963.
159. *Гейдеко В.А.* А. Чехов и Ив. Бунин. М.: Сов. писатель, 1976.
160. *Гейдеко В.А.* Толстовство в творчестве Бунина // Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орел: Орловский пед. ин-т, 1974. С. 240–250.
161. *Гольдин С.Л.* К вопросу о литературных связях И.А. Бунина с А.П. Чеховым и А.М. Горьким // Ученые записки Орехово-Зуевского пед. ин-та. 1958. Т. IX. С. 53–78.
162. *Гольдин С.Л.* О литературной деятельности И.А. Бунина конца восьмидесятых – начала девяностых годов (Забытые и неизвестные страницы) // Ученые записки Орехово-Зуевского пед. ин-та. 1958. Т. IX. С. 3–51.
163. *Двинятина Т.М.* Литературный круг И.А. Бунина-поэта в 1895–1900 гг. // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 3. С. 126–147.
164. *Двинятина Т.М.* Поэзия И.А. Бунина и акмеизм: Сопоставительный анализ поэтических систем: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб.: ИРЛИ РАН, 1999.
165. *Двинятина Т.М.* Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01. СПб.: ИРЛИ РАН, 2015.

166. *Двинятина Т.М.* Специфика прозаического в поэзии И.А. Бунина // Русская литература. 1996. № 3. С. 197–205.
167. *Денисова Э.И.* Дооктябрьская поэзия И.А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1972.
168. *Динесман Т.Г.* По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: в 2 кн. / ред. А.Н. Дубовиков, Н.А. Трифонов; вступ. ст. О.Н. Михайлова. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 121–138.
169. *Добровольски Ю.* Литературно-критические взгляды И.А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Киев: Ин-т лит. им. Т.Г. Шевченко, 1985.
170. *Дякина А.А., Кравченко А.А.* Журналистика в творческой судьбе И.А. Бунина. Елец: ЕГУ, 2019.
171. *Забелин П.В.* Художественный стиль прозы И.А. Бунина о деревне: дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Иркутск: Иркутский гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1965.
172. *Зайцев Д.В.* К. Бальмонт, И. Бунин и М. Горький: К истории создания «Песни о Буревестнике» // Раннее творчество И.А. Бунина (1883–1902 гг.): Поэтика, текстология, комментарий / отв. ред. С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 288–297. (Академический Бунин; вып. 4).
173. *Закружная З.С.* «Федосевна» И.А. Бунина: На пути к лирической прозе // Раннее творчество И.А. Бунина (1883–1902 гг.): Поэтика, текстология, комментарий / отв. ред. С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 87–97. (Академический Бунин; вып. 4).
174. *Золотухин А.А.* Соотношение пространств в ранней прозе Бунина // Царственная свобода: О творчестве И.А. Бунина: К 125-летию со дня рождения писателя / отв. ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж: Квадрат, 1995. С. 106–113.

175. И.А. Бунин и русская литература XX в.: По материалам Международ. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. М.: Наследие, 1995. (Б-ка Ин-та мировой лит. им. А.М. Горького РАН).
176. И.А. Бунин: Материалы Межвуз. науч. конф., посвящ. творчеству И.А. Бунина в окт. 1969 г. в Елецком пед. ин-те / отв. ред. Б.С. Бесчеревных. Воронеж: [Б. и.], 1971. (Известия Воронежского гос. пед. ин-та; т. 114).
177. *Иезуитова Л.А.* В поисках выражения «самого главного, самого подлинного, что есть в нас» — «счастья жизни»: Бунин в работе над рассказами: По материалам русского архива в Лидсе (Великобритания) // *Русская литература*. 1996. № 3. С. 214–226.
178. *Иезуитова Л.А.* Две «Деревни» (И. Бунин и Д. Григорович) // *Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орел: Орловский пед. ин-т, 1974. С. 169–192.*
179. *Иезуитова Л.А.* Творчество Бунина — единая книга о «себе» (Об одной функции бунинского метатекста) // *Автоинтерпретация / под ред. А.Б. Муратова, Л.А. Иезуитовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 97–133.*
180. *Калениченко О.Н.* Синтез традиций мировой литературы в сказке И.А. Бунина «Праздник» // *Наука. Искусство. Культура*. 2013. № 2 (2). С. 101–106.
181. *Касторский С.В.* Горький и Бунин // *Звезда*. 1956. № 3. С. 144–153.
182. *Колобаева Л.А.* Иван Бунин и модернизм // *Научные доклады Филологического факультета МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1998. Вып. 3. С. 173–188.*
183. *Колобаева Л.А.* От временного к вечному: Феноменологический роман в русской литературе XX в. // *Вопросы литературы*. 1998. № 3. С. 132–144.
184. *Колобаева Л.А.* Проблема личности в творчестве Бунина: Общая постановка вопроса // *Колобаева Л.А. Концепция личности в русской*

- реалистической литературе рубежа XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 34–62.
185. Колобаева Л.А. Тайна пушкинской «легкости» в прозе И.А. Бунина // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 1999. № 3. С. 77–89.
186. Котельников В.А. Иван Бунин и Константин Леонтьев // Царственная свобода: О творчестве И.А. Бунина: К 125-летию со дня рождения писателя / отв. ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж: Квадрат, 1995. С. 70–76.
187. Крутикова Л.В. В мире художественных исканий Бунина (Как создавались рассказы 1911–1916 гг.) // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: в 2 кн. / ред. А.Н. Дубовиков, Н.А. Трифонов; вступ. ст. О.Н. Михайлова. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 90–120.
188. Крутикова Л.В. «Деревня» И.А. Бунина // Русская литература / отв. ред. П.Н. Берков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. С. 169–188. (Ученые записки Ленинградского ун-та; № 295).
189. Крутикова Л.В. «Деревня» И. Бунина (Человек, народ, Россия) // Иван Бунин и литературный процесс начала XX в. (До 1917 г.) / отв. ред. М.Л. Семанова. Л.: ЛГПИ, 1985. С. 3–24.
190. Крутикова Л.В. «Жизнь Арсеньева» — итоговая книга И.А. Бунина // Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орел: Орловский пед. ин-т, 1974. С. 17–34.
191. Крутикова Л.В. Иван Бунин // История русской литературы: в 4 т. / гл. ред. Н.И. Пруцков. Л.: Наука, 1983. Т. 4. С. 635–666.
192. Крутикова Л.В. Из творческой истории «Деревни» И.А. Бунина // Русская литература. 1959. № 4. С. 130–145.
193. Крутикова Л.В. Крестьянские рассказы И.А. Бунина 1911–1913 гг. // Русская литература / отв. ред. И.Г. Ямпольский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 171–198. (Ученые записки Ленинградского ун-та им. А.А. Жданова; № 339).

194. Крутикова Л.В. «На край света» — первый сборник рассказов И.А. Бунина // Вестник Ленинградского ун-та. Серия истории, языка и литературы. 1961. № 20. С. 77–88.
195. Крутикова Л.В. О собрании сочинений И.А. Бунина // Русская литература. 1958. № 2. С. 215–222.
196. Крутикова Л.В. Проза И.А. Бунина начала XX в. (1900–1902) // Русская литература XIX–XX вв. / отв. ред. И.Г. Ямпольский. Л.: ЛГУ, 1971. С. 96–118. (Ученые записки Ленинградского гос. ун-та им. А.А. Жданова; № 355).
197. Крутикова Л.В. «Суходол», повесть-поэма И.А. Бунина // Русская литература. 1966. № 2. С. 44–59.
198. Крылов В.Н. Ранняя проза И.А. Бунина в оценке литературной критики конца 1890-х – начала 1900-х гг. // Раннее творчество И.А. Бунина (1883–1902 гг.): Поэтика, текстология, комментарий / отв. ред. С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 298–311. (Академический Бунин; вып. 4).
199. Кучеровский Н.М. Автограф неизвестного стихотворения И.А. Бунина // Из истории литературы / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1963. С. 249–250.
200. Кучеровский Н.М. Братья Бунины (Начало литературной деятельности И.А. Бунина) // Из истории русской литературы XIX в. / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1966. С. 85–109.
201. Кучеровский Н.М. «Деревня» И.А. Бунина в критике 1910-х гг. и эстетическая концепция жизни в его прозе // Страницы истории русской литературы / отв. ред. Н.В. Карпов. Калуга: [Б. и.], 1969. С. 50–67.
202. Кучеровский Н.М. Еще об особенностях реализма И.А. Бунина (Повесть «При дороге») // Русская литература. 1975. № 3. С. 178–186.
203. Кучеровский Н.М. И.А. Бунин в «Знании». «Чернозем» // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1968. С. 107–122.

204. Кучеровский Н.М. И.А. Бунин и его проза (1887–1917). Тула: Приокск. кн. изд-во, 1980.
205. Кучеровский Н.М. И.А. Бунин. Рассказы о человеческой «Чаше жизни» // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. А.С. Карпов. Тула: [Б. и.], 1974. Сб. 5. С. 47–89.
206. Кучеровский Н.М. И.А. Бунин: Три рассказа о любви // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. А.С. Карпов. Тула: [Б. и.], 1976. Сб. 8. С. 68–88.
207. Кучеровский Н.М. История Дурновки и ее «мертвые души» (Повесть И.А. Бунина «Деревня») // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1970. Сб. 2. С. 107–154.
208. Кучеровский Н.М. «Мундир толстовства» (Молодой И.А. Бунин и толстовство) // Из истории русской литературы XIX в. / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1966. С. 110–132.
209. Кучеровский Н.М. О концепции жизни в лирической прозе И.А. Бунина (Вторая половина 90-х – начало 900-х гг.) // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1968. С. 80–106.
210. Кучеровский Н.М. О творческой истории повести И.А. Бунина «Деревня» // Историко-литературный сборник / отв. ред. Н.С. Манаев. Калуга: [Б. и.], 1970. С. 119–131.
211. Кучеровский Н.М. Повесть И.А. Бунина «Веселый двор» // Русская литература. 1970. № 4. С. 128–139.
212. Кучеровский Н.М. Повесть о «погибшей жизни» («Суходол» И.А. Бунина) // Проблемы истории русской литературы / отв. ред. Н.В. Карпов. Тула: Тульский пед. ин-т, 1973. С. 58–75.
213. Кучеровский Н.М. Рассказ И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. А.С. Карпов. Тула: [Б. и.], 1974. Сб. 6. С. 161–177.

214. *Кучеровский Н.М.* Рассказы И.А. Бунина «Сны Чанга» и «Братья» // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. А.С. Карпов. Тула: [Б. и.], 1975. Сб. 7. С. 149–170.
215. *Кучеровский Н.М.* Споры о русском национальном характере и «Деревня» Бунина (М. Горький и Ив. Бунин) // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1973. Сб. 4. С. 27–38.
216. *Кучеровский Н.М.* Эстетическая концепция жизни в каприйских рассказах И.А. Бунина // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1971. Сб. 3. С. 109–155.
217. *Кучеровский Н.М.* Эстетическая концепция жизни в прозе И.А. Бунина (1887–1917): дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1972.
218. *Кучеровский Н.М.* Эстетическая сущность философских исканий И.А. Бунина (1906–1911 гг.) // Филологические науки. 1969. № 6. С. 25–35.
219. *Линков В.Я.* Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М.: Изд-во МГУ, 1989.
220. *Логвинов А.С.* Тема деревни в произведениях И.А. Бунина и писателей «Знания»: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. М.: МГПИ, 1977.
221. *Лощинская Н.В.* «Уникальность», «традиция», «модернизм»: Творчество И.А. Бунина в восприятии английских и американских славистов на рубеже 1960–1970-х гг. // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / сост. Б.В. Аверин и др. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2001. С. 731–749. (Русский путь).
222. *Мальцев Ю.В.* Актуальность бунинских пророчеств о русской душе // И.А. Бунин и русская литература XX в.: По материалам Международ. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г.

- М.: Наследие, 1995. С. 79–84. (Б-ка Ин-та мировой лит. им. А.М. Горького РАН).
223. *Мальцев Ю.В.* Иван Бунин, 1870–1953. Frankfurt am Main; М.: Посев, 1994.
224. *Мальцев Ю.В.* Неизвестный Бунин / сост. М.Г. Талалай. М.: Алетейя, 2024.
225. *Маркович В.Я.* Традиционное и новаторское в поэзии И.А. Бунина (1883–1917): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького АН СССР, 1977.
226. *Марченко Т.В.* Неизвестные страницы бунинской Нобелианы (По материалам архива Шведской академии) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 6. С. 23–35.
227. *Марченко Т.В.* Традиции русской классической литературы в прозе И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX в.: По материалам Международ. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. М.: Наследие, 1995. С. 7–15. (Б-ка Ин-та мировой лит. им. А.М. Горького РАН).
228. *Миокин М.* Стихотворение Бунина о Салтыкове-Щедрине // Русская литература. 1960. № 3. С. 204–206.
229. *Михайлов О.Н.* Иван Алексеевич Бунин: Очерк творчества. М.: Наука, 1967.
230. *Михайлов О.Н.* Мировое значение Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX в.: По материалам Международ. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. М.: Наследие, 1995. С. 3–6. (Б-ка Ин-та мировой лит. им. А.М. Горького РАН).
231. *Михайлов О.Н.* Проза Бунина // Вопросы литературы. 1957. № 5. С. 128–155.
232. *Михайлов О.Н.* Путь Бунина-художника // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: в 2 кн. / ред. А.Н. Дубовиков, Н.А. Трифонов; вступ. ст. О.Н. Михайлова. М.: Наука, 1973. Кн. 1. С. 7–56.

233. Михайлов О.Н. Строгий талант: И.А. Бунин. Жизнь. Судьба. Творчество. М.: Современник, 1976. (Б-ка «Любителям российской словесности»).
234. Михайлова М.В. От любви до ненависти... (Творческие взаимоотношения И.А. Бунина и В.Я. Брюсова) // *Philologos*. 2018. № 4 (39). С. 53–61.
235. Морозов С.Н. Дебют И.А. Бунина-прозаика // *Philologos*. 2022. № 2 (53). С. 68–74.
236. Морозов С.Н. И.А. Бунин — литературный критик: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
237. Морозов С.Н. И.А. Бунин — литературный критик // И.А. Бунин и русская литература XX в.: По материалам Международ. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. М.: Наследие, 1995. С. 72–78. (Б-ка Ин-та мировой лит. им. А.М. Горького РАН).
238. Морозов С.Н. Ранняя художественная проза И.А. Бунина в периодических изданиях 1887–1902 гг. // *Филологические науки*. 2023. № 1. С. 34–41.
239. Морозов С.Н. Текстология рассказа И.А. Бунина «Антоновские яблоки» // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (Биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 704–727. (Академический Бунин; вып. 1).
240. Мущенко Е.Г. В поисках первореальности (Ранняя проза И.А. Бунина) // Царственная свобода: О творчестве И.А. Бунина: К 125-летию со дня рождения писателя / отв. ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж: Квадрат, 1995. С. 45–59.
241. Назарова Л.Н. «Записки охотника» И.С. Тургенева и крестьянские рассказы И.А. Бунина конца 1890-х гг. — начала 1910-х гг. // Третий межвузовский тургеневский сборник / под ред. Г.Б. Курляндской. Орел: [Б. и.], 1971. С. 176–194. (Ученые записки Курского гос. пед. ин-та; т. 74).
242. Нефедов В.В. Поэзия Ивана Бунина: Этюды. Минск: Вышэйш. шк., 1975.

243. *Николаев Д.Д.* Старость как функция: Образы стариков в прозе молодого Бунина // Старость как сюжет: Сб. ст. / ред. С.А. Васильева, С.В. Денисенко, А.Ю. Сорочан. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. С. 212–225. (Время как сюжет; вып. 9).
244. *Никонова Т.А.* «Душа русского человека в глубоком смысле» (Повесть «Суходол») // Царственная свобода: О творчестве И.А. Бунина: К 125-летию со дня рождения писателя / отв. ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж: Квадрат, 1995. С. 60–69.
245. *Никулин Л.В.* Чехов. Бунин. Куприн: Лит. портреты. М.: Сов. писатель, 1960.
246. *Нинов А.А.* Бунин и Горький // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: в 2 кн. / ред. А.Н. Дубовиков, Н.А. Трифонов; вступ. ст. О.Н. Михайлова. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 7–65.
247. *Нинов А.А.* М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, 1973.
248. *Полоцкая Э.А.* Взаимопроникновение прозы и поэзии у раннего Бунина // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1970. № 5. С. 412–418.
249. *Полоцкая Э.А.* Чехов в художественном развитии Бунина (1890–1910-е гг.) // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: в 2 кн. / ред. А.Н. Дубовиков, Н.А. Трифонов; вступ. ст. О.Н. Михайлова. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 66–89.
250. *Пономарев Е.Р.* Динамизм и эксперимент как основы бунинской поэтики // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (Биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 91–100. (Академический Бунин; вып. 1).
251. *Пономарев Е.Р.* Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И.А. Бунина // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 4. С. 178–193.

252. Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб.: СПбГУ, 2000.
253. Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой (1880-е – 1900-е гг.). М.: ИМЛИ РАН, 2026. (Академический Бунин; вып. 5).
254. Пономарев Е.Р. История русской литературы XIX – начала XX вв. глазами И.А. Бунина (Один лист неопубликованной записной книжки) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 80–92.
255. Пономарев Е.Р. Отзывы современников о книге И.А. Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1995. № 4. С. 168–171.
256. Пономарев Е.Р. «Письмо с натуры»: Автобиографический материал в ранней прозе И.А. Бунина // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 3. С. 148–167.
257. Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. (Академический Бунин; вып. 2).
258. Пономарев Е.Р. Системная перестройка поэтики И.А. Бунина в начале 1900-х гг. Трансформация идейного в философическое // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2025. Т. 24. № 2. С. 123–133.
259. Пращерук Н.В. Проза И.А. Бунина в диалогах с русской классикой. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016.
260. Пращерук Н.В. Художественная концепция национального в прозе И.А. Бунина 1909–1913 гг.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Свердловск: УрГУ, 1989.
261. Сарычев К.В. «Долгое народничество» И. Бунина. Проблематика и художественное своеобразие ранней прозы писателя о деревне // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований. Елец: ЕГУ, 2015. С. 340–350.
262. Скрипникова Т.И. Духовно-религиозная проблематика и ее художественное воплощение в «крестьянской прозе» И.А. Бунина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж: ВГУ, 2008.

263. *Сливицкая О.В.* Бунин и Восток (К постановке вопроса) // И.А. Бунин: Материалы Межвуз. науч. конф., посвящ. творчеству И.А. Бунина в окт. 1969 г. в Елецком пед. ин-те / отв. ред. Б.С. Бесчеревных. Воронеж: [Б. и.], 1971. С. 87–96. (Известия Воронежского гос. пед. ин-та; т. 114).
264. *Сливицкая О.В.* Бунин и русский космизм // *Studia rossica posnaniensia*. 1996. Z. 27. S. 43–55.
265. *Сливицкая О.В.* Бунин и Тургенев («Грамматика любви» и «Бригадир»: Опыт сравнительного анализа) // Проблемы реализма / под ред. В.В. Гура. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1980. Вып. 7. С. 78–89.
266. *Сливицкая О.В.* Космос и душа человека (О психологизме позднего Бунина) // Царственная свобода: О творчестве И.А. Бунина: К 125-летию со дня рождения писателя / отв. ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж: Квадрат, 1995. С. 5–34.
267. *Сливицкая О.В.* К проблеме «Бунин и Восток»: Рассказ Бунина «Сны Чанга» глазами японских студентов // Русская литература. 1996. № 3. С. 212–214.
268. *Сливицкая О.В.* К проблеме «Бунин и Толстой»: «Таня» и «Воскресение» // Филологические записки. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1995. Вып. 4. С. 16–22.
269. *Сливицкая О.В.* К творческой истории романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (По материалам рукописных редакций) // Проблемы реализма / под ред. В.В. Гура. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. Вып. 1. С. 121–141.
270. *Сливицкая О.В.* О концепции человека в творчестве И.А. Бунина (Рассказ «Казимир Станиславович») // Русская литература XX в. (Дюоктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1970. Сб. 2. С. 155–162.
271. *Сливицкая О.В.* О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. № 1. С. 72–80.
272. *Сливицкая О.В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004.

273. *Сливицкая О.В.* Проблема социального и «космического» зла в творчестве И.А. Бунина («Братья» и «Господин из Сан-Франциско») // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1968. С. 123–135.
274. *Сливицкая О.В.* Проза И.А. Бунина 1914–1917 гг.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Харьков: Харьковский гос. ун-т, 1969.
275. *Сливицкая О.В.* Психология как онтология: О рассказе «В ночном море» // Концепция и смысл: Сб. ст. в честь 60-летия В.М. Марковича / под ред. А.Б. Муратова, П.Е. Бухаркина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 283–293.
276. *Сливицкая О.В.* Рассказ И.А. Бунина «Петлистые уши» (Бунин и Достоевский) // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1971. Сб. 3. С. 156–167.
277. *Сливицкая О.В.* Сюжетное и описательное в новеллистике И.А. Бунина // Русская литература. 1999. № 1. С. 89–110.
278. *Сливицкая О.В.* Фабула — композиция — деталь бунинской новеллы // Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орел: Орловский пед. ин-т, 1974. С. 90–103.
279. *Сливицкая О.В.* Фабула — сюжет — подробность бунинской новеллы // Русская литература XX в. (Дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1973. Сб. 4. С. 39–49.
280. *Сливицкая О.В.* Человек Бунина как космос и личность // Время. Личность. Культура / отв. ред. Г.М. Шарпило. СПб.: [Б. и.], 1997. С. 294–307. (Сб. науч. тр. Санкт-Петербургской гос. академия культуры; т. 148).
281. *Сливицкая О.В.* «Что такое искусство?» (Бунинский ответ на толстовский вопрос) // Русская литература. 1998. № 1. С. 44–53.
282. *Спивак Р.С.* И.А. Бунин в интерпретациях русского литературоведения 1990-х гг. // Литературоведение на пороге XXI в.: Материалы Междунар. науч. конф. (МГУ, май 1997 г.) / отв. ред. П.А. Николаев. М.: Рандеву-АМ, 1998. С. 462–467.

283. *Спивак Р.С.* Натурфилософские традиции Тютчева в прозе Бунина // Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орел: Орловский пед. ин-т, 1974. С. 193–208.
284. *Спивак Р.С.* Некоторые особенности структуры поздней новеллы И.А. Бунина // И.А. Бунин: Материалы Межвуз. науч. конф., посвящ. творчеству И.А. Бунина в окт. 1969 г. в Елецком пед. ин-те / отв. ред. Б.С. Бесчеревных. Воронеж: [Б. и.], 1971. С. 97–105. (Известия Воронежского гос. пед. ин-та; т. 114).
285. *Спивак Р.С.* Русская философская лирика 1910-х гг. (И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский): дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург: УрГУ, 1992.
286. *Сурпин М.Л.* В творческой лаборатории И.А. Бунина (Работа над рассказом «Антоновские яблоки») // Русская литература XX в. (Дюктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский. Калуга: [Б. и.], 1973. Сб. 4. С. 3–16.
287. *Тимохина Н.В.* Бунин и Тургенев (К вопросу об идейных и творческих исканиях Бунина в начале 900-х гг.) // Вопросы русской литературы. М.: [Б. и.], 1968. С. 331–355. (Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина; № 288).
288. *Тимохина Н.В.* Ранние рассказы И.А. Бунина в «Русском богатстве» 90-х гг. XIX в. // Вопросы истории русской литературы и методики преподавания ее в средней школе / под ред. Ф.М. Головенченко, Б.В. Рождественского. М.: МГПИ, 1964. С. 325–343. (Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина; № 213).
289. *Тимохина Н.В.* Традиции народнической литературы 70–80-х гг. в раннем творчестве И.А. Бунина // Очерки по истории русской литературы / под ред. А.И. Ревякина. М.: МГПИ, 1967. Ч. 3. С. 95–105. (Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина; т. 256).

290. *Фролов М.А.* И.А. Бунин и «Книгоиздательство писателей в Москве». Материалы к теме и комментарии // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 198–234.
291. *Фролова Т.Д.* Некрасов в восприятии Бунина // Русская литература и освободительное движение. Казань: [Б. и.], 1972. Вып. 3. С. 3–16. (Ученые записки Казанского пед. ин-та; т. 107).
292. Царственная свобода: О творчестве И.А. Бунина: К 125-летию со дня рождения писателя / отв. ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж: Квадрат, 1995.
293. *Черников А.П.* И.А. Бунин в «Книгоиздательстве писателей в Москве» // Иван Бунин и литературный процесс начала XX в. (до 1917 г.) / отв. ред. М.Л. Семанова. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1985. С. 112–122.
294. *Шахов В.В.* И.А. Бунин и традиции демократической беллетристики 60–70-х гг. XIX в. // Бунинский сборник: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.А. Бунина, 19–22 окт. 1970 г. / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орел: Орловский пед. ин-т, 1974. С. 224–239.
295. *Шраер М.Д.* Бунин и Набоков: История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
296. *Шраер М.Д.* Бунин и Набоков: Поэтика соперничества // И.А. Бунин и русская литература XX в.: По материалам Международ. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. М.: Наследие, 1995. С. 41–65. (Б-ка Ин-та мировой лит. им. А.М. Горького РАН).
297. *Conolly J.* Ivan Bunin. Boston: Twayne Publ., 1982. 159 p.
298. *Elbel A.* Die Erzählungen Ivan Bunins 1890–1917: Eine systematische Studie über Form und Gehalt. Gießen: W. Schmitz, 1975.
299. *Kirchner B.* Die Lebensanschauung Ivan Aleksejevic Bunins nach seinem Prosawerk. Ludwigsburg: Druckerei Zinthäfner, 1968.
300. *Krzyzyski S.* The Works of Ivan Bunin. The Hague; Paris: Mouton, 1971.
301. *Poggioli R.* The Art of Ivan Bunin // Harvard Slavic Studies. 1953. Vol. I. P. 249–277.

302. *Richards D.I.* Bunin's Conception of the Meaning of Life // The Slavonic and East European Review. 1972. Vol. 50. № 119. P. 153–172.
303. *Winner Th.* Some Remarks about the Style of Bunin's Early Prose // American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists, Prague, 1968, August 7–13. Vol. II. The Hague; Paris: Mouton, 1968. P. 369–385.
304. *Woodward J.* Ivan Bunin: A Study of His Fiction. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980.

2.2. Прочие исследования

305. *Александров Н.Д.* Роман А.И. Эртеля «Гарденины», его место в творчестве писателя и развитии русской романистики конца XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: ИМЛИ РАН, 1990.
306. *Барабохин Д.А.* Глеб Успенский и русская журналистика (1862–1892). Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
307. *Безменова Л.П.* Поэзия С.Я. Надсона. Стилистика и версификация: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017.
308. *Белкин А.А.* Народники и революционные демократы // Вопросы литературы. 1960. № 2. С. 116–131.
309. *Бельчиков Н.Ф.* Народничество в литературной критике. М.: Сов. лит., 1934.
310. *Бельчиков Ю.А.* Г. Успенский. М.: Мысль, 1979.
311. *Беляева Л.А.* Д.Д. Минаев-критик // Русская литература и освободительное движение / отв. ред. Е.Г. Бушканец. Казань: [Б. и.], 1968. Вып. 1. С. 23–101. (Ученые записки Казанского пед. ин-та).
312. *Бикбулатова К.Ф.* К проблеме Некрасов и народничество (Вопрос об отношении к революционным традициям) // Русская литература 1870–1890-х гг. / отв. ред. И.А. Дергачев. Свердловск: [Б. и.], 1969. Вып. 2. С. 3–19. (Ученые записки Уральского гос. ун-та; вып. 7).
313. *Буданова Н.Ф.* Роман И.С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х гг. Л.: Наука, 1983.

314. *Булацкая Н.А.* Творческое наследие С.М. Степняка-Кравчинского (К проблеме художественного метода и жанра): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Минск: БГУ, 1988.
315. *Бурчак В.П.* Аллегория и ее функция в поэзии 1870-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Новокузнецк: Новокузнецкий гос. пед. ин-т, 1998.
316. *Буш В.В.* Гл. Успенский (В мастерской художника слова). Этюды. [Саратов]: Изд. автора, 1925.
317. *Буш В.В.* Литературная деятельность Гл. Успенского (Очерки). [Балаково]: Тип. горсовета, 1927.
318. *Буш В.В.* Очерки литературного народничества 70–80-х гг. М.; Л.: Худ. лит., 1931.
319. *Буш В.В.* Творчество Н.Е. Каронина-Петропавловского (Очерк) // Литературные беседы. Вып. II. Саратов: О-во лит-я при СГУ, 1930. С. 8–32.
320. *Бушмин А.С.* Преемственность в развитии литературы. Л.: Наука, 1975.
321. *Бялый Г.А.* Русский реализм конца XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
322. *Вдовин А.В.* Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их культурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.: Новое лит. обозрение, 2023. (Интеллектуальная история).
323. *Вдовин А.В.* Крестьянские речь и голоса в «Записках охотника» И.С. Тургенева и прозе о крестьянах до отмены крепостного права // Slověne. 2022. Т. 11. № 2. С. 168–186.
324. *Вдовин А.В.* Прозрачное мышление и крестьянская субъективность в повести И.С. Тургенева «Постоялый двор» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 60–72.
325. *Вдовин А.В.* Тургенев между мистикой и наукой // Тургенев И.С. Таинственные повести и рассказы / сост. А.В. Вдовин, А.С. Федотов. М.: Rosebud Publishing, 2019. С. 17–39.
326. *Верховская М.М.* Русская литература и рабочий вопрос (Из истории реализма XIX в.). Рязань: Изд-во Рязанского гос. пед. ин-та, 1973.

327. *Весслинг Р.* Смерть Надсона как гибель Пушкина: «Образцовая травма» и канонизация поэта «больного поколения» // Новое литературное обозрение. 2005. № 5. С. 122–153.
328. *Виленская Э.С., Итенберг Б.С.* Действительно, не надо упрощать! // Вопросы литературы. 1960. № 10. С. 96–107.
329. *Волков А.А.* Творчество А.И. Куприна. М.: Сов. писатель, 1962.
330. *Гаркави А.М.* Н.А. Некрасов и революционное народничество. М.: Высш. школа, 1962.
331. *Гин М.М.* Об отношениях Некрасова с народничеством 70-х гг. // Вопросы литературы. 1960. № 9. С. 149–163.
332. *Горбанев Н.А.* Г.В. Плеханов и литературное народничество: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1964.
333. *Горячкина М.С.* Художественная проза народничества. М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького АН СССР, 1970.
334. *Григорьян К.Н.* Поэзия 70–80-х гг. // История русской литературы: в 10 т. / гл. ред. П.И. Лебедев-Полянский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. IX. Ч. 1. С. 419–445.
335. *Гусев В.А.* Жанровая система русской эпической прозы 80–90-х гг. XIX в. // Вопросы русской литературы. 1990. Вып. 1 (55). С. 91–102.
336. *Гусев В.А.* Литературный период как система и проблема русского реализма 70–80-х гг. XIX в. // Филологические науки. 1986. № 6. С. 14–20.
337. *Гущина Н.Н.* В.Г. Короленко и литературное народничество (1880–1900-е гг.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1988.
338. *Дементьев А.Г.* Народничество и народническая литература // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 149–163.
339. *Дзюба С.Ю.* Проблема развития русского очерка 70–80-х гг. Письма «Из деревни» А.Н. Энгельгардта: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 1999.

340. *Дуров Б.Д.* Мемуарный жанр в художественной прозе революционного народничества: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1980.
341. *Завельская Д.А.* Очерк // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX вв. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза / научн. ред. В.А. Келдыш, В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 397–436.
342. *Затеева Т.В.* Народнический роман XIX в.: Философские истоки. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998.
343. *Золотоносов М.Н.* «Есть ли в поле жив человек?» // Поэзия революционного народничества / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М.Н. Золотоносова. СПб.: Мирь, 2019. С. 5–60. (Репринт).
344. *Капустин Н.В.* Творчество Ф.Д. Нефедова в литературном процессе второй половины XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1985.
345. *Келдыш В.А.* О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
346. *Келдыш В.А.* Реализм и неореализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х гг.): в 2 кн. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. Кн. 1. С. 259–335.
347. *Келдыш В.А.* Русский реализм начала XX в. М.: Наука, 1975.
348. *Кожевников С.Е.* Николай Иванович Наумов (Очерк о жизни и творчестве). Новосибирск: Новосибирское обл. гос. изд-во, 1952.
349. *Коновалов В.Н.* Литературная критика народничества. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1978.
350. *Кузнецов Ф.Ф.* Журнал «Русское слово» и народничество // Из истории русской журналистики / под ред. А.В. Западова. М.: Изд-во МГУ, 1959. С. 84–117.
351. *Кузнецов Ф.Ф.* Ленин о народничестве // Вопросы литературы. 1960. № 4. С. 119–135.

352. *Куприяновский П.В.* Журнал «Северный вестник» и литературное народничество // Страницы истории русской литературы: К 80-летию Н.Ф. Бельчикова / отв. ред. Д.Ф. Марков. М.: Наука, 1971. С. 234–244.
353. *Лебедев Ю.В.* Поэзия 70-х гг. // История русской литературы: в 4 т. / гл. ред. Н.И. Пруцков. Л.: Наука, 1982. Т. 3. С. 584–605.
354. *Лисин Л.Ф. Г.И. Успенский (Творческий путь).* Иркутск: [Б. и.], 1961.
355. *Лотман Л.М.* Демократическое направление в русской поэзии 50–70-х гг. // История русской поэзии: в 2 т. / отв. ред. Б.П. Городецкий. Л.: Наука, 1969. Т. 2. С. 78–123.
356. *Лотман Л.М.* Реализм русской литературы 60-х гг. XIX в. (Истоки и эстетическое своеобразие). Л.: Наука, 1974.
357. *Лотман Л.М.* Роман из народной жизни. Этнографический роман // История русского романа: в 2 т. / редкол.: Б.П. Городецкий, Н.И. Пруцков, Г.М. Фридлендер и др. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 2. С. 390–415.
358. *Лурье Л.Я.* Перепись народников: От Нечаева до Дегачева. СПб.: Нестор-История, 2022.
359. *Маевская Т.П.* Идеи и образы русского народнического романа (70–80-е гг. XIX в.). Киев: Наукова думка, 1975.
360. *Макеев М.С.* Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX в. // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой / редкол.: Г.В. Зыкова и др. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 91–105.
361. *Макеев М.С.* Спор о человеке в русской литературе 60–70-х гг. XIX в. Литературный персонаж как познавательная модель человека. М.: Диалог-МГУ, 1999.
362. *Манн Ю.В.* Натуральная школа // История всемирной литературы: в 9 т. / гл. ред. Г.П. Бердников. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 384–396.
363. *Маркович В.М.* Вопрос о литературных направлениях и построение истории русской литературы XIX в. // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 3. С. 26–32.

364. *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое лит. обозрение, 2008.
365. *Махарадзе Т.Ф.* А.П. Чехов в борьбе с народничеством: дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Тбилиси: Тбилисский гос. ун-т, 1953.
366. *Мейлах Б.С.* В единстве теории и истории! // Вопросы литературы. 1960. № 10. С. 87–95.
367. *Миц З.Г.* Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Блоковский сборник IX: Биография и творчество в русской культуре начала XX в. / отв. ред. З.Г. Миц. Тарту: [Б. и.], 1989. С. 44–57. (Ученые записки Тартусского ун-та; вып. 857).
368. *Мысляков В.А.* Салтыков-Щедрин и народническая демократия. Л.: Наука, 1984.
369. *Никифоров В.В.* Творчество А.И. Эртеля (1855–1908): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1982.
370. *Никонова Г.Л.* Творчество И.А. Салова в русской демократической литературе 70-х гг. XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МОПИ, 1984.
371. *Новикова А.А.* «Новые люди» в творчестве П.В. Засодимского конца 70-х – начала 90-х гг. XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МОПИ, 1985.
372. *Осьмаков Н.В.* Поэзия революционного народничества. М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького АН СССР, 1961.
373. *Петрова М.Г.* Блок и народническая демократия // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: в 5 кн. / отв. ред. И.С. Зильберштейн, Л.М. Розенблюм. М.: Наука, 1987. Кн. 4. С. 75–122.
374. *Петрова М.Г.* Эстетика позднего народничества // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX вв. / отв. ред. Б.А. Бялик. М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького АН СССР, 1975. С. 116–170.

375. *Печерская Т.И.* Разночинцы шестидесятых годов XIX в.: Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (Мемуары, дневники, письма, беллетристика). Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1999.
376. *Пинаев М.Т.* Направления, течения и школы в русской литературе 60–70-х гг. XIX в. // Современная советская историко-литературная наука. Актуальные вопросы / под ред. Н.И. Пруцкова. Л.: Наука, 1975. С. 237–271.
377. *Пинаев М.Т.* Некоторые итоги и перспективы изучения литературного народничества // Русские писатели и народничество / отв. ред. Б.Д. Дуров. Горький: [Б. и.], 1975. Вып. 1. С. 3–18.
378. *Подлужная Л.П.* Некоторые жанровые особенности очерков А.И. Левитова // Вопросы русской литературы. 1981. Вып. 2 (38). С. 58–65.
379. *Попов И.Г.* Жизнь и творчество Н.И. Наумова: дисс. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1966.
380. Предсимволизм — лики и отражения / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: ИМЛИ РАН, 2020.
381. Проблемы типологии русского реализма / под ред. Н.Л. Степанова, У.Р. Фохта. М.: Наука, 1969.
382. *Пруцков Н.И.* «В одно слово с Энгельсом» (Три очерка Г. Успенского) // Русские писатели и народничество / отв. ред. Б.Д. Дуров. Горький: [Б. и.], 1975. Вып. 1. С. 38–51.
383. *Пруцков Н.И.* Глеб Успенский. Л.: Просвещение, 1971. (Б-ка словесника).
384. *Пруцков Н.И.* Народнический роман // История русского романа: в 2 т. / редкол.: Б.П. Городецкий, Н.И. Пруцков, Г.М. Фридлендер и др. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 2. С. 439–465.
385. Развитие реализма в русской литературе: в 3 т. / редкол.: К.Н. Ломунов, П.А. Николаев, У.Р. Фохт и др. М.: Наука, 1972–1974.
386. *Рейтблат А.И.* Буренин и Надсон: Как конструируется миф // Новое литературное обозрение. 2005. № 5. С. 154–165.
387. *Розанова Л.А.* Поэзия Некрасова и народников. Иваново: [Б. и.], 1972.

388. Русская литература 1870–1890-х гг. Свердловск: [Б. и.], 1963–1971. (Ученые записки Уральского гос. ун-та).
389. Русская литература и освободительное движение / отв. ред. Е.Г. Бушканец. Казань: [Б. и.], 1968–1977. (Ученые записки Казанского пед. ин-та).
390. Русская повесть XIX в. История и проблематика жанра / под ред. Б.С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973.
391. Русские писатели и народничество / отв. ред. Б.Д. Дуров. Горький: [Б. и.], 1975–1977.
392. *Рябов И.А.* Глеб Успенский: Критико-биографический очерк. М.: Гослитиздат, 1954.
393. *Сабурова Т., Эклоф Б.* Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х гг. М.: Новое лит. обозрение, 2016. (HISTORIA ROSSICA).
394. *Сажин В.Н.* Книги горькой правды: Н.Г. Помяловский «Очерки бурсы». Ф.М. Решетников «Подлиповцы». В.А. Слепцов «Трудное время». М.: Книга, 1989.
395. *Сапожков С.В.* Поэзия 1880–1890-х гг. под «перекрестным огнем» народнической и символистской критики // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 91–103.
396. *Сапожков С.В.* Русские поэты «безвременья» в зеркале критики 1880–1890-х гг. М.: Прометей, 1996.
397. *Семянкова О.И.* Проза И.А. Салова в контексте реалистического стиля 70–80-х гг. XIX в. (Проблемы поэтики): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, 1998.
398. *Смирнов В.Б.* Глеб Успенский в «Отечественных записках»: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов: Изд-во СГУ, 1964.
399. *Смирнов В.Б.* Глеб Успенский и «Отечественные записки» начала семидесятых годов // Русская литература 1870–1890-х гг. / отв. ред.

- И.А. Дергачев. Свердловск: [Б. и.], 1966. Вып. 1. С. 3–23. (Ученые записки Уральского гос. ун-та; вып. 2).
400. *Смирнов В.Б.* Глеб Успенский и Салтыков-Щедрин. Саратов: Изд-во СГУ, 1964.
401. *Смирнов В.Б.* Достоевский и Златовратский (Из литературной истории «Отечественных записок») // Русская литература 1870–1890-х гг. / отв. ред. И.А. Дергачев. Свердловск: [Б. и.], 1969. Вып. 2. С. 20–38. (Ученые записки Уральского гос. ун-та; вып. 7).
402. *Смирнов В.Б.* «Записки охотника» и народническая беллетристика 70–80-х гг. // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве / отв. ред. Л.Г. Бараг. Уфа: [Б. и.], 1972. Вып. 2. С. 127–141.
403. *Смирнов В.Б.* На рубеже десятилетий (Русская литература в период второй революционной ситуации). Саратов: Изд-во СГУ, 1982.
404. *Смирнов В.Б.* Народнический очерк // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1973. № 6 (78). С. 10–20.
405. *Смирнов В.Б.* Салтыков-Щедрин и литературная школа «Отечественных записок» // Русские писатели и народничество / отв. ред. Б.Д. Дуров. Горький: [Б. и.], 1977. Вып. 2. С. 35–41.
406. *Соколов В.Б.* У истоков жанрового своеобразия народнической беллетристики // Жанр и композиция литературного произведения. Калининград: [Б. и.], 1974. Вып. 1. С. 71–80.
407. *Соколов Н.И.* В.И. Ленин о народничестве и проблемы истории русской литературы // Вестник Ленинградского ун-та. Серия истории, языка и литературы. 1961. № 8. С. 79–91.
408. *Соколов Н.И.* Г.И. Успенский в русской критике. Л.: Худ. лит., 1961.
409. *Соколов Н.И.* Г.И. Успенский. Жизнь и творчество. Л.: Худ. лит., 1968.
410. *Соколов Н.И.* Мастерство Г.И. Успенского. Л.: Сов. писатель, 1958.
411. *Соколов Н.И.* Русская литература и народничество (Литературное движение 70-х гг. XIX в.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.

412. *Соколова В.Ф.* Проблема этнографизма в русской художественной литературе 40–70-х гг. XIX в.: дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01. Л.: Ин-т рус. лит. АН СССР, 1986.
413. *Спасибенко А.П.* А.И. Эртель — писатель-восемидесятник. Алма-Ата: Наука, 1966.
414. *Спасибенко А.П.* Писатели-народники. М.: Просвещение, 1968. (Б-ка словесника).
415. *Спасибенко А.П.* Своеобразие языка и стиля народнической литературы. Чебоксары: [Б. и.], 1972.
416. *Тарланов Е.З.* Между золотым и серебряным веком. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2001.
417. *Тунакова К.С.* Г.А. Мачтет и революционное движение 70-х гг. // Русская литература и освободительное движение / отв. ред. Е.Г. Бушканец. Казань: [Б. и.], 1972. Вып. 3. С. 17–43. (Ученые записки Казанского пед. ин-та).
418. *Тюрин В.В.* «Нравы Растеряевой улицы» Г.И. Успенского // Из истории русской литературы. Новгород: Новгородский гос. пед. ин-т, 1963. С. 57–72. (Ученые записки Новгородского гос. пед. ин-та; т. 9).
419. *Тюрин В.В.* Успенский, Нефедов, Засодимский (Творческие связи) // Из истории русской литературы. Новгород: Новгородский гос. пед. ин-т, 1963. С. 73–87. (Ученые записки Новгородского гос. пед. ин-та; т. 9).
420. *Успенский П.Ф.* Травма эмиграции: Случай Владислава Ходасевича. Condé-sur-Noireau: Éditions Tourgueneff, 2024.
421. *Фокеев А.Л.* Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX в. Истоки, тип творчества, история развития: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГОУ, 2004.
422. *Фомина А.Н.* Проблемы взаимодействия эпоса и лирики в творчестве П.Ф. Якубовича: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре гос. пед. ун-т, 2001.
423. *Фохт У.Р.* Ленинская концепция народничества и народническая литература // Вопросы литературы. 1960. № 7. С. 130–143.

424. *Фохт У.Р.* Пути русского реализма. М.: Сов. писатель, 1963.
425. *Фридлендер Г.М.* Поэтика русского реализма. Очерки о русской литературе XIX в. Л.: Наука, 1971.
426. *Холиков А.А., Хруслова В.Г.* Поэзия революционного народничества. От эдиционной практики к изучению форм взаимодействия литературы и журналистики // Вопросы литературы. 2021. № 3. С. 178–209.
427. «Что делать?» Н.Г. Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М.: Наука, 1990.
428. *Шакирова Д.И.* Литературные портреты С.Я. Елпатьевского // Русская литература и освободительное движение / отв. ред. Е.Г. Бушканец. Казань: [Б. и.], 1977. Вып. 8. С. 46–67. (Ученые записки Казанского пед. ин-та).
429. *Шарапов Г.Н.* Реализм писателей-народников // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 127–144.
430. *Шигарева Ю.В.* Проблемы поэтики лирики народников: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
431. *Шпилевая Г.А.* Жанровая эволюция циклов очерков Г.И. Успенского («Нравы Растеряевой улицы», «Разоренье», «Власть земли»): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т, 1993.
432. *Шустов М.П.* Сказочная традиция в русской литературе XIX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Нижний Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 2003.
433. *Щенникова Л.П.* История русской поэзии 1880–1890-х гг. как культурно-исторический феномен. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
434. *Эйхенбаум Б.М.* Лесков и литературное народничество // Блоха: Игра в 4 д. Е.И. Замятина: Сб. ст. Л.: Academia, 1927. С. 12–15.
435. *Эльсберг Я.Е.* Лавров — предшественник социал-демократии и марксизма? // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 145–148.
436. *Эльсберг Я.Е.* Упрощенные решения (Ответ А. Белкину) // Вопросы литературы. 1960. № 2. С. 132–142.

437. *Якимович Т.К.* Французский реалистический очерк. 1830–1848 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
438. *Якушкин Н.И.* По градам и весям. Очерки жизни и творчества П.В. Засодимского. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1964.
439. *Zink A.* Wie aus Bauern Russen wurden. Die Konstruktion des Volkes in der Literatur des russischen Realismus 1860–1880. Zürich: Pano Verlag, 2009. (Basler Studien zur Kulturgeschichte Osteuropas; Bd. 18).